

SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

**HERALD OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG
THEOLOGICAL ACADEMY**

№ 2 (18), 2024

Scientific Journal

HAC

**Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy
2024**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

№ 2 (18), 2024

Научный журнал

ВАК

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2024**

UDC 281.93(066)

The journal is included in "List of peer-reviewed scientific publications
in which main scientific results of theses for the candidate of science degree,
for the doctor of science degree"

Specializations:

5.6.1. Russian history (historical sciences);

5.6.2. General history (historical sciences);

5.11.2. Historical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology);

5.11.3. Practical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology).

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk,
Candidate of Theology, Assistant Professor,
Saint Petersburg Theological Academy

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy:
scientific journal. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 2 (18). – 2024. – 140 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Article authors, 2024
© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2024

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по группам специальностей:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология);
- 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология).

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент
Санкт-Петербургской духовной академии

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 2 (18). — 2024. — 140 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Авторы статей, 2024
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2024

THE EDITORIAL COUNCIL

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeevich), Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy (Rector).

Metropolitan of Kaluga and Borovsk Clement (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Kaluga Diocese (Ruling Bishop), Publishing Council of the Russian Orthodox Church (Chairman), Kaluga Theological Seminary (Rector).

Bishop of Istra Seraphim (Amelchenkov Vladimir Leonidovich), Doctor of Theology, Candidate of Divinity, Candidate of Historical Sciences, Synodal Department for Youth Affairs (Chairman).

Archimandrite Alexander (Fyodorov Alexandr Nikolaevich), Doctor of Art Studies, Candidate of Architecture, Candidate of Theology, Professor, Ilya Repin St. Petersburg Academy of Arts.

Pyotr Evgenyevich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Alexandra Andreevna Dorskaya, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

Alexey Borisovich Egorov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Sergey Lvovich Firsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Vladimir Fyodorovich Khulap, Doctor of Theology, Candidate of Divinity, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolaevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts of the Louvain Catholic University, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Alexey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Prokopyev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the St. Petersburg State University.

Nikolay Anatolyevich Samoilov, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University.

Vladimir Vladimirovich Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Mikhail Vitalyevich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Central State Archives, St. Petersburg Theological Academy.

Dmitriy Viktorovich Shmonin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Theology Institute of the St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Irina Yuryevna Smirnova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Archpriest Valentin Nikolaevich Vasechko, Doctor of Theology, Associate Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Olga Yuryevna Vasilyeva, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Academy of Education (President).

Irina Vladimirovna Vorontsova, Doctor of Theology, Candidate of Historical Sciences, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Inna Igorevna Yurganova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, Санкт-Петербургская духовная академия (ректор).

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, Калужская епархия (правлящий архиерей), Издательский Совет Русской Православной Церкви (председатель), Калужская духовная семинария (ректор).

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), доктор теологии, кандидат богословия, кандидат исторических наук, Синодальный отдел по делам молодежи (председатель).

Архимандрит Александр (Федоров Александр Николаевич), доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, кандидат богословия, профессор, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Протоиерей Валентин Николаевич Васечко, доктор теологии, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Владимир Федорович Хулап, доктор теологии, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Ольга Юрьевна Васильева, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, Российская академия образования (президент).

Ирина Владимировна Воронцова, доктор теологии, кандидат исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Александра Андреевна Дорская, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия.

Алексей Борисович Егоров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Андрей Юрьевич Митрофанов, доктор исторических наук, доктор истории, археологии и искусств Лувенского католического университета, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Андрей Юрьевич Прокопьев, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Анатольевич Самойлов, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ирина Юрьевна Смирнова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

Наталья Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургская духовная академия.

Владимир Владимирович Шишкин, доктор исторических наук, доцент, Институт истории Российской академии наук.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургская духовная академия.

Дмитрий Викторович Шмонин, доктор философских наук, профессор, Институт теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургская духовная академия.

Инна Игоревна Юрганова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<i>Д. А. Карпук.</i> (Не)миссионерский тематический номер, или Несколько слов в качестве предисловия	10
--	----

Всеобщая история

<i>К. О. Пчелинцева.</i> Загадка Табынской иконы Божией Матери.....	12
<i>Т. И. Виноградова.</i> В. М. Алексеев: иеромонах Алексей (Виноградов) versus Владимир Соловьев	21
<i>И. В. Брусиловский.</i> Формирование образа Японского государства в светских отечественных периодических изданиях с 1815 по 1904 гг.: «Сын Отечества», «Древняя и Новая Россия» и «Сибирский вестник»	32

Отечественная история

<i>М. В. Шкаровский.</i> Настоятель Путиловского храма, новомученик, протоиерей Иоанн Зимнев.....	39
<i>Н. Р. Славнитский.</i> Ведомственная принадлежность Петропавловского собора в XVIII–XIX вв.	50
<i>Н. В. Пивоварова.</i> Николай Владимирович Малицкий: последние годы служения отечественной науке	59
<i>Д. А. Карпук.</i> Духовно-цензорская деятельность епископа Арсения (Ивашенко).....	67
<i>Иеромонах Серафим (Тищенко).</i> Антон Владимирович Карташёв: детство и годы обучения в Пермской духовной семинарии (1875–1895).....	79

Историческая теология

<i>И. В. Воронцова.</i> Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов) как церковный публицист и редактор журнала «Православный собеседник»	89
<i>Иеромонах Ферант (Широков).</i> Ревизор Учебного комитета Петр Иванович Нечаев: портрет в воспоминаниях современников	96
<i>Священник Михаил Березин.</i> К вопросу о восстановлении Петропавловского викариатства и преобразование его в самостоятельную кафедру (1956–1958 гг.)	106
<i>С. О. Самохлиб.</i> Миссионерская деятельность митрополита Евсевия (Никольского; 1860–1922 гг.): общая характеристика... ..	122
<i>Иеромонах Ефрем (Марковский).</i> Обзор деятельности четвертого Миссионерского съезда 1908 г. (по материалам «Киевских епархиальных ведомостей»).....	129

CONTENTS

From the Editorial Team

<i>Dmitry A. Karpuk</i> . (Non)missionary Thematic Issue, or A Few Words as a Preface	10
--	----

General history

<i>Kirena O. Pchelintseva</i> . The Mystery of the Tabyn Icon of the Mother of God.....	12
<i>Tatiana I. Vinogradova</i> . V. M. Alekseev: Hieromonk Alexiy (Vinogradov) Versus Vladimir Solovyov	21
<i>Ilya V. Brusilovsky</i> . Formation of the Image of the Japanese State in Secular Russian Periodicals from 1815 to 1904: “Son of the Fatherland”, “Ancient and New Russia” and “Siberian Herald”	32

National history

<i>Mikhail V. Shkarovsky</i> . Rector of the Putilov Church, New Martyr, Archpriest John Zimnev	39
<u>Nikolay R. Slavnitsky</u> . Departmental affiliation of the Peter and Paul Cathedral in the XVIII–XIX centuries	50
<i>Nadezhda V. Pivovarova</i> . Nicholas Vladimirovich Malicky: Last Years of the Service of the Science of our Country.....	59
<i>Dmitry A. Karpuk</i> . Spiritual and Censorship Activities of Bishop Arseny (Ivaschenko).....	67
<i>Hieromonk Seraphim (Tishchenko)</i> . Anton Vladimirovich Kartashev: Childhood and Years of Study at the Perm Theological Seminary (1875–1895)	79

Historical theology

<i>Irina V. Vorontsova</i> . Bishop Ioann Smolenskij and Dorogobuzhskiy (Sokolov) as a Church Publicist and Editor of the Magazine “Pravoslavnyj Sobesednik”	89
<i>Hieromonk Ferapont (Shirokov)</i> . Inspector of the Educational Committee Petr Ivanovich Nechaev: a portrait in the memoirs of contemporaries.....	96
<i>Priest Mikhail Berezin</i> . On the restoration of the Peter and Paul Vicariate and its transformation into an independent department (1956–1958).....	106
<i>Stanislav O. Samokhlib</i> . Missionary activity of Metropolitan Eusebius (Nikolsky; 1860–1922).....	122
<i>Hieromonk Ephraim (Markovsky)</i> . Review of the Activities of the Fourth Missionary Congress of 1908 (Based on Materials from the Kyiv Diocesan Gazette).....	129

(Не)миссионерский тематический номер, или Несколько слов в качестве предисловия

В 2019–2020 гг., при довольно своеобразных обстоятельствах — о которых, возможно, еще будут написаны воспоминания — была возобновлена практика совместного проведения Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии международных научно-практических конференций «Православие на Дальнем Востоке». Иллюстративная история этих конференций, проходивших в 1991, 1994, 1997, 2000 и 2003 гг., изложена и опубликована в обстоятельной научной статье заведующего кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Николая Анатольевича Самойлова¹.

На шестой конференции, которая состоялась в сентябре 2020 г., среди прочего было принято решение о проведении подобного рода конференций один раз в два года. И действительно, седьмая конференция состоялась, как и планировалось, в 2022 г., в ноябре месяце. Отрадно, что эта инициатива, возникшая при участии представителей светского и духовного учебных заведений в далеком уже 1991 г., продолжает, пусть и с досадными перерывами, реализовываться в течение уже более трех десятилетий. Университет и Академия стали постоянными площадками, где встречаются и обмениваются опытом и последними научными достижениями как крупные и состоявшиеся специалисты, так и начинающие ученые в области истории Православия на территории Дальнего Востока, Китая, Японии, Кореи и других стран.

Есть у этого отрадного явления, к сожалению, и оборотная сторона. Дело в том, что, предваряя конференцию 2020 г., был подготовлен и издан специальный номер «Вестника Исторического общества»², включавший в себя самые разнообразные материалы по истории Православия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в Китае, Японии, Корее и Северной Америке. По итогам той же конференции был издан еще один номер журнала³, включавший в себя в том числе резолюцию участников научного форума⁴. В результате оба выпуска если и не стали классическими сборниками материалов конференции, то, как минимум, явили собой подборки важных и интересных материалов по данной проблематике.

Увы, конференция 2022 г. оказалась без каких бы то ни было итоговых выпусков и сборников. Она практически полностью «затерялась». Общее количество статей, которые в итоге были представлены организаторам, составило буквально всего лишь 6–7 текстов. Учитывая этот незначительный отклик участников конференции, редакцией было принято решение отказаться от специального выпуска журнала, а имеющиеся материалы рассредоточить по разным номерам «Вестника» за 2024 г. В текущем номере опубликовано три статьи: о местонахождении Табынской иконы Божией Матери, литературной деятельности иеромонаха Алексия (Виноградова) и формировании образа Японии в некоторых отечественных периодических изданиях в XIX в. Все материалы размещены в рубрике «Всеобщая история».

¹ Самойлов Н. А. Конференция «Православие на Дальнем Востоке» (1991–2003 гг.): становление уникального научного направления // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 24–50.

² См.: Карпук Д. А. Церковно-историческая наука в эпоху коронавируса, или Несколько слов в качестве предисловия // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 8–13.

³ Карпук Д. А. Николай и Сергей для Японии как Кирилл и Мефодий для славян, или несколько слов в качестве предисловия // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 8–12.

⁴ Резолюция Шестой международной научно-практической конференции «Православие на Дальнем Востоке» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 190–191.

Следующий раздел «*Отечественная история*» оказался на удивление практически полностью «биографическим». Там помещены статьи, посвященные жизнеописаниям известного византолога XIX столетия епископа Арсения (Иващенко), двум наставникам Санкт-Петербургской духовной академии — А. В. Карташеву и Н. В. Малицкому, а также настоятелю Путиловского храма протоиерею Иоанну Зимневу. Еще одна статья — принадлежащая перу, увы, почившего 14 февраля 2024 г. Николая Равильевича Славнитского (постоянного участника конференций «Империя и Церковь», автора нескольких публикаций на страницах нашего журнала) — освещает особенности церковно-административного устройства Петропавловского собора в XVIII–XIX вв.

Раздел «*Историческая теология*», в сравнении с предыдущим, чуть более разнообразен. Да, есть и биографические «очерки», посвященные митрополиту Евсевию (Никольскому), епископу Иоанну (Соколову) и ревизору Учебного комитета при Св. Синоде П. И. Нечаеву. Одна статья посвящена общему рассмотрению деятельности самого крупного миссионерского съезда синодального периода — четвертого по счету, проходившего в Киеве в 1908 г. Следующая статья «опрокидывает» читателя в XX в. и освещает обстоятельства образования в Казахстане Петропавловской епархии в 1956–1958 гг.

В завершение хотелось бы высказать пожелание и надежду, что проходящая в декабре 2024 г. теперь уже VIII международная научно-практическая конференция «Православие на Дальнем Востоке» сподвигнет ее участников не только к публичным выступлениям, но и к публикации результатов своих научно-исследовательских штудий на страницах нашего академического журнала «Вестник Исторического общества», который с 30 октября 2024 г. включен в перечень изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Дмитрий Андреевич Карпук,
главный редактор «Вестника Исторического общества»
Санкт-Петербургской Духовной Академии»

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

К. О. Пчелинцева

Загадка Табынской иконы Божией Матери

УДК 271.2-9+271.2-526.62-312.47
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_12
EDN WWHGAT

Аннотация: В статье дается краткий обзор истории Табынской иконы Божией Матери, ее перемещения на территорию Китая, а также делается попытка, собрав максимальное количество версий о ее возможном местонахождении, разобраться в их достоверности и сделать вывод о наибольшей вероятности ее нынешнего нахождения. С большой вероятностью можно говорить о том, что было два образа: подлинник и список. Поэтому, и искать нужно две иконы и в разных местах. Статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного на VII научной конференции «Православие на Дальнем Востоке», проходившей 17–18 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге в Санкт-Петербургском государственном университете и Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Ключевые слова: история Табынской иконы Божией Матери, утерянная Табынская икона Божией Матери, атаман Дутов, православие в Китае.

Об авторе: **Кирэна Олеговна Пчелинцева**

Ассистент преподавателя, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: red_dogrose@mail.ru

Для цитирования: Пчелинцева К. О. Загадка Табынской иконы Божией Матери // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 12–20.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Kirena O. Pchelintseva

The Mystery of the Tabyn Icon of the Mother of God

UDC 271.2-9+271.2-526.62-312.47
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_12
EDN WWHGAT

Abstract: The article provides a brief overview of the history of the Tabyn Icon of the Mother of God, its transfer to the territory of China, and also makes an attempt, having collected the maximum number of versions about its possible location, to understand their reliability and draw a conclusion about the highest probability of its current location. It can be said with a high probability that there were two images: the original and the copy. Therefore, it is necessary to look for two icons and in different places. The article is an extended text of the report read at the VII scientific conference “Orthodoxy in the Far East”, which was held on November 17–18, 2022 in St. Petersburg at the St. Petersburg State University and the St. Petersburg Theological Academy.

Keywords: history of the Tabyn Icon of the Mother of God, the lost Tabyn Icon of the Mother of God, Ataman Dutov, Orthodoxy in China.

About the author: **Kirena Olegovna Pchelintseva**

Teaching Assistant, Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University.

E-mail: red_dogrose@mail.ru

For citation: Pchelintseva K.O. The Mystery of the Tabyn Icon of the Mother of God. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 12–20.

* Photos are taken from open sources.

Табынская икона Божией Матери

от тех, которые были неверно переданы, интерпретированы или додуманы. Как раз в достоверности и недостоверности основных теорий и легенд автор статьи и попытается разобраться, а вместе с этим, сделает попытку проанализировать, какая из версий о нынешнем нахождении иконы представляется наиболее вероятной.

Для начала, несколько слов о самой иконе и ее облике: «Характер письма византийский, слишком темный желто-коричневый тон красок подобный древней святыни Москвы – Иверской иконы. <...> Под глазами набухшие от слез круги и складочка на детском подбородке. Сын, к виску которого Она прильнула, больше похож на старца. Его Лик излучает мудрость и печаль. <...> От левого виска Богородицы к правой скуле тянутся как слезинки шесть капелек. В верхнем крае имеется довольно значительный разруб, а ниже половины, в середине вставка – это те раны, которые нанесены ей при втором явлении. <...> Святая икона в высоту 1,5 аршина (106,7 см) с одной стороны, и 1,5 аршина без 0,5 вершка (104,5 см), с другой стороны (т.е. как бы скошенная). В ширину 1 аршин и 0,25 вершка (72,2 см). Надписи никакой нет, кроме обыкновенных и едва заметных слов в верхних углах иконы “MP” и “OY”, и над Спасителем “IC” и “XP”. По краям на возвышениях от ковчежца видны следы металлического оклада, которым всегда была укрыта»¹.

Отдельно отметим, что иногда икону ошибочно называют Казанской. Связано это с тем, что во время первого своего явления, ее носили в Казань для удостоверения архиерейской власти. И архиепископ Герман, впоследствии патриарх Московский, прославленный в сонме святых, который всю свою жизнь посвятил прославлению Казанской иконы и, считая Табынскую икону достаточно для этого подобной, нарек ее Казанской. Теперь же будет ошибочным ее так называть, так как Табынская икона не является списком с Казанской иконы Божией Матери и имеет свою, отличную от нее историю. Но мы запомним этот момент, когда будем говорить о версиях ее местонахождения.

Табынская икона Божией Матери мало известна здесь, в западной части нашей страны, но широко почитается на Южном Урале и в Оренбургской области. На всем протяжении своей долгой истории она то являла себя людям, то исчезала, то снова появлялась. Нет четкого понимания ни по дате ее первого явления, ни по дате последнего исчезновения. Можно было бы считать всю историю о ней мифом, если бы не документальные свидетельства, появившиеся во время ее последнего явления людям. Вокруг ее последнего исчезновения тоже много тайн и мифов, а с развитием интернета, часть из них плотно закрепились на интернет-ресурсах на правах достоверных фактов.

Тем ни менее, до тех пор, пока православная святыня не будет найдена, поиски и попытки пролить свет на ее историю не теряют своей актуальности. И для этого необходимо отличать достоверные события

¹ Сергеев В., прот. История Табынской иконы Божией Матери. Уфа, 2004. С. 8–9.

Несколько слов о истории иконы. По технике изображения и особенностям доски, на которой написан образ, его датировали XII в., а некоторые даже X в. Но данный факт в отсутствие исследуемого предмета трудно подтвердить или опровергнуть. Считается, что первый раз икона чудесным образом явилась примерно в 1594–1597 гг. на южном Урале, в 18 км от села Табынского, основанного еще при царе Иоанне Грозном, у реки Усолка. После того, как икона стала совершать чудеса, для свидетельства оных, как уже говорилось выше, ее возили в Казань, где она первый раз и исчезла таким же чудесным образом, как и появилась.

В рамках данного повествования нас не будет интересовать подробная история иконы, ее чудесные исчезновения и явления до начала XX в., поэтому позволим себе эту небезынтересную часть опустить. Упомянем только, что даже до своего последнего исчезновения, с иконой было связано много легенд и противоречивой информации. Также отметим, что даже если начинать отсчет только от появления письменных свидетельств, которые берут начало в середине XIX в., можно утверждать, что, помимо религиозной, духовной ценности, которую в наше время скептически настроенные люди не всегда могут осознать, икона Табынской Божией Матери является еще и несомненно культурно-исторической ценностью нашей страны.

В 1765–1768-х гг. Россия вновь обретает чудотворный образ Табынской иконы Божией Матери. В середине же прошлого века (по разным источникам — в 40–60-х гг.) икона исчезает где-то на территории Китая. И в наше время никто достоверно не может сказать, где она находится. Существует несколько основных версий:

- икона сгорела или была уничтожена;
- икона была вывезена в третью страну (Австралию или США);
- икона до сих пор находится на территории КНР.

Для того, чтобы немного разобратся в вероятности каждой из версий нам придется проследить судьбу иконы в XX в. и понять, как же она вообще попала в Китай. И здесь нельзя не упомянуть Александра Ильича Дутова — русского военного, участника Белого движения, атамана Оренбургского казачества, видного и уважаемого деятеля своего времени. Он — глубоко верующий и очень интересный человек, чьей силе воле и незаурядности можно только позавидовать. На какое-то время он фактически стал хранителем иконы.

Существует легенда о том, что в 1918 г. у Оренбурга на крестный ход напали красные². С образа сняли богатый оклад, святыню выбросили в грязь. И тогда икону якобы подобрал атаман Дутов и в том же 1918 г. вместе с иконой бежал из Оренбурга в Китай. Но на самом же деле, крестный ход с иконой происходил в конце сентября, а в сентябре 1918 г. красные в Оренбурге еще не было. Кроме того, есть свидетельство самого Дутова о его встрече с иконой в 1920 г. Тогда он, готовясь переходить Иртыш, телеграфировал главнокомандующему: «16 ноября неожиданно явилась в Штаб вверенной мне Армии Чудотворная икона Табынской Божьей Матери с небольшим штатом священнослужителей. Видя Перст Божий, неисповедимыми путями направивший святой образ в Оренбургскую Армию, принял икону, и отныне она находится под защитой Оренбургской Армии. Донося о чем, прошу объявить Оренбургским казакам, башкирам и уфимцам, что святыня края найдена и 25 ноября назначено молебствие перед чудотворной иконой о даровании победы»³.

Будет интересным вспомнить ещё одну легенду о том, что в 1920 г. на китайской границе, в Благовещенске, икону не смогли сдвинуть с места. Она «не хотела» уходить из страны⁴. Это удалось лишь после молитв с трехдневным постом (в некоторых источниках даже указываются подробности, например, что постились и молились

² Черникова Л. Оборванный след (Табынская икона в Китае). URL: http://www.orthodox.cn/saints/tracesobsuredtabynicon_ru.htm (дата обращения: 19.12.2023).

³ Ганин А. В. Оренбургское казачество и Церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая Гвардия. 2008. № 10. С. 153.

⁴ Сазонова Н. Образ-загадка: Табынская икона Божией Матери. URL: <https://www.pravoslavie.wiki/tabynskaja-ikona.html#i-12> (дата обращения: 19.12.2023).

трое архиереев: Оренбургский, Томский и Камчатский⁵ — даже строили над ней часовню из камыша), но источник нам удалось найти только в исследовании уже упомянутого протоиерея Владимира Сергеева. Данная история была записана со слов схииерхимандрита Серафима (Томина), который, в свою очередь слышал от митрополита Нестора что тот, «в 1918 году сопровождаая нетленные мощи преподобной мученицы Елизаветы и Варвары ехал вместе с архиеп. Мефодием Оренбургским, который вез настоящую Табынскую икону. Он, владыка Мефодий, рассказывал, как она попала к нему. Табынскую икону встречали, как и всегда накануне Рождества Богородицы в станице Нежинская. Было огромное стечение народа. И в то время, когда начинался торжественный обряд смены серебряной ризы (Табынской) на золотую (из Оренбургского монастыря), напали красные, и была настоящая битва. Обе ризы они забрали, а икону бросили. Владыка Мефодий подобрал икону и перевез ее в Харбин»⁶. Похоже, что налет красных когда-то все же имел место, но не в 1918 г. в Оренбурге (где их тогда еще не было), а в другом месте.

Далее владыка рассказывал: «В Благовещенске у реки Амур переходили границу. Табынская икона не пошла. Построили часовню из камыша. Объявили пост. Три дня молились владыка Мефодий, владыка Нестор, владыка Мелетий и многие священники. И только после этого двинулась в Китай. В Харбине построили маленькую церковь. Затем перевезли в Пекин. Там так же была построена церковь. В 1948 г. икону вывез в Австралию, а затем в Америку архимандрит Филарет (Вознесенский)»⁷.

Таким образом, история о налете красных и затруднениях во время перехода границы находят подтверждения в письменных источниках, но как же это соотносится с историей атамана Дутова?

Вернемся к Дутову. В то время, как, по свидетельству схииерхимандрита Серафима (Томина), икона уже более года как находилась на территории Китая, «20 марта атаман с конвойной сотней и отрядом особого назначения через ледниковый перевал Кара-Сарык на горном хребте Джунгарский Алатау (высота около 5800 м) перешел в Китай, в районе города Джимпань Синьцзянской провинции, в долине реки Бортала»⁸. Этот переход стоил титанических усилий и человеческих потерь. Сам Дутов едва его пережил, но в конечном итоге, он и часть отряда с оружием, скудным скарбом и, самое главное, с иконой преодолели горный хребет.

На современной карте можно проследить приблизительный путь из Лепсинска (север Казахстана), через горы Алатау, почти напрямик, через горы Тянь Шань, примерно на север Таримской впадины в г. Суйдин (нынешний Шуйдин — 水定). Таким образом, у нас имеются документальные свидетельства того, что икона попадает к Дутову только 16 ноября 1919 г. и происходит это на территории нынешнего Казахстана. Дутов вместе с иконой попадают на территорию Китая через горные хребты северо-запада Китая, а не Благовещенска. С мая 1920 г. икона находится на территории Синьцзян-уйгурского автономного округа Китая, г. Шуйдин.

В итоге у нас появляется четвертая версия, согласно которой получается, что икон было две. Эта версия объясняет путаницу в рассказах. Тем более, что делать списки с почитаемых икон — общеизвестная практика. Могли ли митрополит Нестор или атаман Дутов быть введены в заблуждение?

Об облике иконы, прибывшей в Китай с атаманом Дутовым, мы можем судить по фотографиям. К сожалению, фотографиями иконы, прибывшей в Харбин, мы не располагаем. Но свидетельство митрополита Нестора, на наш взгляд, возможно, даже более весомое. Кроме того, следует принять во внимание, что люди того времени, тем более такого положения даже в отсутствие интернета, знали про свои святые гораздо больше некоторых наших современников. То есть принять Табынскую икону

⁵ Табынская икона Божией Матери. URL: <https://omolitvah.ru/ikony/tabynskaya-ikona-bozhiey-materi> (дата обращения: 19.12.2023).

⁶ Сергеев В., прот. История Табынской иконы... С. 72.

⁷ Там же.

⁸ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. С. 343.

за список, скажем, Казанской (а мы говорили, что её одно время ошибочно считали таковой), или другой иконы, едва ли могли.

Таким образом, мы приходим к выводу, что икон действительно было две: одна — подлинник, другая — список. Какая же их них и где пересекла границу?

Говорить об иконе, прибывшей в Шуйдин, мы можем судить по редким фотографиям и документам (телеграммы, дневники). Говорить же о той, которая оказалась в Харбине, сложнее, так как сведений о ней и того меньше. Это при том, что в Харбине также находились русские эмигранты и была довольно большая русская община. Возможно, это как раз косвенно говорит в пользу её подлинности, поэтому ее тщательно оберегали и старались не афишировать ее присутствие.

Косвенным свидетельством в пользу «подлинности» могли бы говорить сведения о чудесах, творимых по молитвам, обращенных к образу. Но такие, по воспоминаниям потомков очевидцев, были и в Харбине, и в Шуйдине. Некоторые из воспоминаний словно копируют друг друга. Например, и про Шуйдинскую⁹, и про Харбинскую¹⁰ икону есть сведения, что они лечили, избавляли от невзгод, и их почитали даже китайцы и говорили: «поставить свечку Табыне — хорошо»¹¹. Поэтому такие свидетельства, к сожалению, не дают нам никакой ясности.

В пользу подлинности иконы, отправившейся в Харбин говорит и свидетельство митрополита Нестора, которое было приведено выше о том, что «настоящую Табынскую икону» везли через Благовещенск. Конечно, свидетельство было записано с устного пересказа, и оставляет место скептицизму. Слово «настоящая» могло подчеркивать не подлинность, а значимость события, а могло и вовсе быть добавлено одним из пересказчиков, как само-собой разумеющееся. Тем ни менее, есть еще одно воспоминание в пользу этой версии, Ювеналия (Килина) Ижевского: «Эта икона примерно в 1921 году с Белой Армией ушла в Харбин, и он точно говорит, что не для всех было объявлено, а находилась в Казанско-Богородицком мужском монастыре в Харбине. В 1948 году точно была там, а дальше не знает, т.к. выехал в СССР»¹².

Казалось бы, тогда Шуйдинская икона, о которой сведений больше, с большей вероятностью является подлинником, но, к сожалению, и в отношении ее есть признаки, сеющие сомнения. Например, мог ли атаман использовать икону, чтобы воодушевить отряд к переходу и умолчать о подлинности? Судя по его воспоминаниям — едва ли. Но мог ли он ошибаться по поводу подлинности? Да, возможно, ведь он не священник, икону видел, но мог не знать отличительные особенности списка. О подлинности иконы он мог судить со слов игумена Ионы, который, как священнослужитель, должен был знать наверняка, какую из икон он принес в отряд. И тут, в отличие от свидетельства митрополита Нестора, неожиданно заставляется усомниться сама личность игумена. В отношении него А. В. Ганину удалось отыскать сведения, что «на отца Иону разведкой Туркестанского фронта была заведена специальная личная карточка, в которой, между прочим, говорилось: “Подозревается в похищении драгоценностей находящейся при нём иконы и тайном шпионаже в пользу Илийского Дао-иня и выдаче ему всех неблагонадёжных русских эмигрантов”»¹³. Мог ли такой человек ввести Дутова в заблуждение по поводу подлинности иконы, чтобы примкнуть к отряду и добраться до Китая? Оставим этот вопрос открытым. Конечно, это только косвенные доказательства, но, если список был выполнен хорошо, то судить о подлинности иконы по фотографии невозможно. И получается, что свидетельство митрополита Нестора весит гораздо больше, чем все документы и фотографии иконы, бывшей с игуменом Ионой.

⁹ *Сергеев В., прот.* Табынская икона в жизни русской эмиграции в Китае в XX веке. URL: http://xn---8sbccjwk5ahbduftm7d2d.xn--p1ai/?page_id=1493 (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁰ *Сазонова Н.* Образ-загадка: Табынская икона Божией Матери. URL: <https://www.pravoslavie.wiki/tabynskaja-ikona.html#i-12> (дата обращения: 19.12.2023).

¹¹ Табынская икона Божией Матери. URL: <https://omolitvah.ru/ikony/tabynskaya-ikona-bozhiey-materi> (дата обращения: 19.12.2023).

¹² *Сергеев В., прот.* История Табынской иконы... С. 74.

¹³ *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов... С. 356.

Крестный ход с Табынской иконой в Кульдже в 1956 г.

В мае 2013 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Харбин и ныне функционирующий как музей Софийский собор. Можем предположить, что если у представителей Русской Православной Церкви и были догадки по поводу местонахождения иконы на территории Харбина, и если и задавались китайской стороне вопросы на этот счет, то именно тогда. Однако, так как официальных сведений об этом не поступало, значит, вероятнее всего, ситуацию прояснить не удалось. В любом случае, сейчас в Харбине данной иконы нет. По крайней мере, официально. В результате, за неимением данных, «харбинский след» теряется.

Благодаря немногим дошедшим до нас фотографиям, мы можем быть уверены, где точно была хотя бы одна из икон. Даже если в отряде Дутова находился список иконы, для нас его обретение также очень важно.

К сожалению, 6 февраля 1921 г. атаман Дутов был смертельно ранен в своем доме в Суйдине (Шуйдине) и от обширной кровопотери скончался на утро следующего дня. После гибели Дутова в 1937 г. в Кульдже (伊宁市 — 40 км на восток от Шуйдина) был сооружен памятник Дутову и его сподвижникам. Икона Табынской Божией Матери находилась там же. В 1937–1938-х гг., в связи с увеличившимся количества русских эмигрантов, была построена Никольская церковь, куда и была перенесена Табынская икона. О ее нахождении в Кульдже, как минимум до 1956 г. свидетельствует дошедшая до нас фотография крестного хода¹⁴.

С 1954 г. по 1960 г. храм в г. Кульдже возглавлял игумен Софроний (Иогель), присланный из Харбинского Казанско-Богородицкого монастыря. Он пытался вывезти Табынскую икону в СССР, но, как пишет Виктор Павлович Метленко, «прихожане этого храма отказали ему это сделать»¹⁵. Далее история иконы связана с фамилией некоего Фокина, попавшего в Китай в составе отряда Дутова, и какое-то время

¹⁴ Сергеев В., *прот.* История Табынской иконы... С. 86.

¹⁵ Там же. С. 87.

хранившего икону. Поначалу, именно он не позволял вывозить икону в Россию, позже, когда он решился, этого не позволяли уже власти. Но достоверно можно сказать, что до начала 1960-х гг. икона еще была при нем. После погромов хунвейбинов в 1964 г., икона исчезла¹⁶, и когда было получено разрешение властей в 1965 г. вывезти икону в Австралию, ее уже не смогли найти. При этом, пережившие погром очевидцы, уверены, что погромщики ее не уничтожили, а унесли с собой.

Так как икону пытались вывезти в Австралию, становится понятным, откуда пошла версия о том, что икона была туда вывезена. Также можно найти и объяснение, почему ее считали вывезенной в Америку. Встречаются сведения, что икону видели с другими церковными ценностями на правительственном складе в городе Урумчи¹⁷.

Так ли это, была ли на складе действительно икона Табынской Божией Матери, или, быть может, ее перепутали с другой — сейчас утверждать, увы, уже невозможно. Но, если опираться на имеющийся документальный материал, получается, что наибольшая вероятность нахождения иконы в то время — в Синьцзян-уйгурском автономном округе. Кроме того, хотя для китайской стороны любая икона не представляет какой-либо духовной ценности, но культурную и историческую ценность — вполне. Поэтому, остаётся большая вероятность, что ее не уничтожили, не сожгли, а просто спрятали в запаснике какого-нибудь небольшого музея.

Добавим, что версия об «американском следе» могла возникнуть еще и потому, что в Сан-Франциско (который, обычно и фигурирует в подобных гипотезах) в кафедральном соборе Пресвятой Богородицы всех скорбящих Радости хранится сооруженная 23 апреля 1966 г. икона Святого Великомученика и Победоносца Георгия со скромной надписью: «Сия икона сооружена казаками Оренбургского Казачьего Войска в память убиенного Войскового Атамана Александра И. Дутова и Казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и за рубежом умерших»¹⁸.

После возобновления отношений Русской Православной Церковью с Православной Церковью за границей, на соответствующий запрос последние ответили, что ни в одном из приходов данной иконы нет. Конечно, всегда есть вероятность, что тот или иной предмет особой культурной и/или исторической ценности мог осесть в частной коллекции, но данная икона — не известная всему миру Мона Лиза или янтарная комната. Как минимум, в середине прошлого века ее незачем было скрывать от посторонних. А значит, если она была вывезена, то скорее всего, где-нибудь ее должны были видеть и должна бы была сохраниться хоть какая-то информация.

Подводя итоги, с достоверностью можно сказать, что икона в Кульдже до середины прошлого века была. Это достоверный факт. С большой вероятностью можно говорить о том, что было два образа: подлинник и список. Поэтому, и искать нужно две иконы и в разных местах. И совсем не стоит приуменьшать значимость списка, который, вполне вероятно, находился именно в Кульдже.

Принимая во внимание наличие двух икон Табынской Божией Матери, как минимум один из них следует искать именно в Китае. И сейчас, когда отношения наших двух стран, благоприятны как никогда, стоит вновь попытаться отыскать утерянную святыню, вести исследования, актуализировать информацию и даже просто вспомнить об это вопросе. Ведь последние серьезные исследования с нашей стороны проводились почти двадцать лет назад. И сейчас, по прошествии времени, далеко не все наши соотечественники, даже находящиеся в Китае, даже причастные по роду деятельности к культурным или религиозным вопросам, знают, что, возможно, где-то рядом с ними ждет возможности вновь явиться миру одна из самых загадочных святынь Русской Православной Церкви — икона Табынской Божией Матери.

¹⁶ Баклыков В. Всего мира надежду и утешение (окончание) // Православный Духовный Вестник Саракташского благочиния. 2012. № 4. С. 64.

¹⁷ Сергеев В., прот. История Табынской иконы... С. 88.

¹⁸ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов... С. 409.

Источники и литература

1. *Баклыков В.* Всего мира надеждо и утешение (окончание) // Православный Духовный Вестник Саракташского благочиния. 2012. № 4. С. 63–64.
2. *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 490 с.
3. *Ганин А. В.* Оренбургское казачество и Церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая Гвардия. 2008. № 10.
4. История Табынской иконы Божией Матери. URL: <http://berezniki.cerkov.ru/istoria-tabinskoj-ikoni> (дата обращения: 19.12.2023).
5. *Сазонова Н.* Образ-загадка: Табынская икона Божией Матери. URL: <https://www.pravoslavie.wiki/tabynskaja-ikona.html#i-12> (дата обращения: 19.12.2023).
6. *Сергеев В., прот.* История Табынской иконы Божией Матери. Уфа, 2004. 99 с.
7. *Сергеев В., прот.* Табынская икона в жизни русской эмиграции в Китае в XX веке. URL: http://xn---8sbccjwk5ahbduftm7d2d.xn--p1ai/?page_id=1493 (дата обращения: 19.12.2023).
8. Табынская икона Божией Матери. URL: <https://omolitvah.ru/ikony/tabynskaya-ikona-bozhiey-materi> (дата обращения: 19.12.2023).
9. *Черникова Л.* Оборванный след (Табынская икона в Китае). URL: http://www.orthodox.cn/saints/tracesobscuredtabynicon_ru.htm (дата обращения: 19.12.2023).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Т. И. Виноградова

**В. М. Алексеев: иеромонах Алексей (Виноградов)
versus Владимир Соловьев**

УДК 94(510):930(470+571)+271.2-76(510)-051
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_21
EDN WNQWVW

Аннотация: Основоположник отечественной синологической школы В. М. Алексеев (1881–1951) полагал, что знание китайского языка необходимо для всех, пишущих о Китае. Однако только знания языка недостаточно для качественной синологической литературы. В. М. Алексеев противопоставляет книгу иеромонаха Алексея (Виноградова) (1845–1919/1920) «Китайская библиотека и ученые труды членов императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине, или Бэйцзине» (СПб., 1889) и статью философа В. С. Соловьева «Китай и Европа», отдавая предпочтение последней. Основное внимание в статье обращено на анализ книги иеромонаха Виноградова, чтобы понять суть претензий к ней со стороны выдающегося отечественного синолога. Статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного на VII научной конференции «Православие на Дальнем Востоке», проходившей 17–18 ноября 2022 г. в Санкт-Петербургском государственном университете и Санкт-Петербургской духовной академии.

Ключевые слова: описание китайских книг, библиография Китая, библиотека Российской духовной миссии в Китае, Н. И. Конрад (1891–1970), М. Ф. Чигринский (1927–1999), история отечественной китаистики.

Об авторе: **Татьяна Игоревна Виноградова**

Кандидат исторических наук, заведующий отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской Академии наук.

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0664-4897>

Для цитирования: Виноградова Т. И. В. М. Алексеев: иеромонах Алексей (Виноградов) versus Владимир Соловьев // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 21–31.

* Фотография взята из открытых источников и предоставлена автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Tatiana I. Vinogradova

**V. M. Alekseev: Hieromonk Alexiy (Vinogradov)
Versus Vladimir Solovyov**

UDC 94(510):930(470+571)+271.2-76(510)-051

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_21

EDN WNQWVW

Abstract: The founder of the Russian sinological school V. M. Alekseev (1881–1951) believed that knowledge of the Chinese language is necessary for everyone writing about China. However, only language proficiency is not enough for high-quality Sinological literature. V. M. Alekseev contrasts the book of hieromonk Alexiy (Vinogradov) (1845–1919/1920) “The Chinese Library and scientific works of members of Russian Ecclesiastical Mission in Beijing” (St. Petersburg, 1889) and the article by the philosopher Vladimir Solovyov “China and Europe”, giving preference to the latter. The focus of the article is on the analysis of the book by hieromonk Vinogradov, in order to understand the essence of the claims against it from an outstanding domestic sinologist. The article is the text of a report read at the VII Scholarly Conference “Orthodoxy in the Far East”, held on November 17–18, 2022 at the St. Petersburg Theological Academy and the St. Petersburg State University.

Keywords: descriptions of Chinese books, bibliography of China, the library of Russian Ecclesiastical Mission in China, N. I. Konrad (1891–1970), M. F. Chigrinskiy (1927–1999), history of Russian sinology.

About the author: **Tatiana Igorevna Vinogradova**

Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Asian and African Publications, Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg.

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0664-4897>

For citation: Vinogradova T. I. V. M. Alekseev: hieromonk Alexiy (Vinogradov) versus Vladimir Solovyov. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 21–31.

* Photos are taken from open sources.

У «Рабочей библиографии китаиста»¹ великого отечественного китаиста Василия Михайловича Алексеева (1881–1951) непростая судьба. Он писал ее долгие годы, обобщив в обзоре русских, европейских и китайских трудов по синологии весь свой опыт исследователя, переводчика и педагога. Он пытался издать ее сам еще в 1930-е гг., постоянно обновлял, редактировал. Было несколько попыток издать книгу вскоре после смерти ученого. Увидела же она свет лишь в 2010 г. Книга за эти годы, конечно, утратила актуальность, превратившись из рекомендательной библиографии сугубо практического свойства в памятник, фиксирующий развитие синологии как науки на момент его написания. Однако серьезным специалистам-востоковедам важны советы и оценки выдающегося предшественника. Многие люди и книги, о которых он пишет, оказались в наши дни забыты, связи между разными фактами утеряны, сравнения непонятны, а так как В. М. Алексеев был очень взвешен в своих рассуждениях, то восстановление утраченных смыслов представляется важным делом, превосходящим возможностям традиционного комментария «от составителя».

Сравнение В. М. Алексеевым хорошо известной и донные статьи В. С. Соловьева «Китай и Европа»² с забытой уже давно книгой иеромонаха Алексия (Виноградова) «Китайская библиотека...»³ нуждается в разъяснении.

Программная статья В. С. Соловьева увидела в свет в 1890 г. В. М. Алексеев политического аспекта статьи не анализировал, считая ее примером талантливой компиляции и должного обращения с используемыми источниками. «Китай и Европа» для него — пример не памфлета, предостерегающего европейскую цивилизацию от «желтой опасности», а рекомендательной библиографии. Для создания образа Китая философ использовал два основных источника: книги профессора Санкт-Петербургского университета, китаиста С. М. Георгиевского (1851–1893)⁴ и французского религиоведа Альбера Ревилья (1926–1906)⁵, переводы китайской классики на французский и немецкий языки, которые он подробно перечисляет⁶. С такой интерпретацией согласны и современные исследователи, утверждая, что статья является «осмыслением новых синологических источников»⁷. Свободная интерпретация этих самых источников, игнорирование неугодных фактов о Китае в статье В. С. Соловьева не является для В. М. Алексеева существенным недостатком.

Александр Николаевич Виноградов (иеромонах Алексий; 1845, Тверская губерния — 1919/1920, Оптина пустынь Калужской области) появился на свет в семье священника, учился в Санкт-Петербургской духовной семинарии; по ее окончании в 1867–1868 гг. посещал занятия в Санкт-Петербургской Духовной Академии, но курса не закончил; перебрался в Ярославль, где работал учителем рисования в духовной семинарии и учился в Демидовском юридическом лицее. Через несколько лет перебрался в столицу, в 1874 г. поступил на службу в канцелярию военного прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, обучаясь одновременно в Археологическом институте Н. В. Калачова и в Императорской Академии художеств. Предмет его особого внимания в это время — изучение и описание памятников русской деревянной архитектуры, одним из первых он поднял вопрос о необходимости их сохранения и реставрации.

¹ Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, Альфарет, 2010.

² Соловьев В. С. Китай и Европа // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 6. СПб., 1901. С. 84–137.

³ Алексий (Виноградов), иером. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорского Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине, (в Китае). СПб., 1889.

⁴ Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: Изд. А. Я. Панафилина, 1888.

⁵ Réville A. La Religion Chinoise. Paris: Fischbacher, 1889.

⁶ Соловьев В. С. Китай и Европа. С. 88–89.

⁷ Осминина Е. А. Культура Китая в осмыслении В. С. Соловьева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11 (784). С. 221.

В 1879 г. его впервые постиг приступ тяжелого душевного заболевания, оправившись от которого он в мае 1880 г. принимает монашество под именем Алексий и отправляется в Китай в составе 16-й русской духовной миссии (1881–1887). Изучает китайский язык, много читает, занимается миссионерской деятельностью. Однако болезнь вернулась, и по разрешению Св. Синода иеромонах Алексий досрочно вернулся в Россию, продолжил службу в Киево-Печерской лавре, а затем с октября 1888 г. на ее Киевском подворье в Санкт-Петербурге. За время пребывания в столице он за свой счет опубликовал свои весьма объемные научные труды по синологии и библеистике, написанные еще в Китае: «История Библии на Востоке. Том 1. Китайское государство, Корея, Япония, Бурма, Аннам, Сиам и др.» (СПб., 1889–1895); «Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве и обзор китайско-церковной, римско-католической литературы с XVI по XVIII в.» (СПб., 1889); «Труды западных христианских миссий в Китае» (Казань, 1886); «История английско-американской Библии», ч. 1–2 (СПб., 1889–1891); «История Библии на Востоке: С обзором метода и условий, благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению у китайцев, монголов, маньчжуров, тибетян, корейцев, японцев: у персов, турок, арабов, абиссинцев, армян, грузин и др.», т. 1–2 (СПб., 1889–1895); «Древнепатриархальные династии царей в Ассирии-Вавилонии и Персии, у евреев и магометан, или Патриархально-династическая хронология, основанная на исторических памятниках по новейшим открытиям и выводам науки» (СПб., 1895). Тогда же увидела свет и книга о научной деятельности членов Пекинской миссии, которая является предметом нашего особого внимания.

Труды о. Алексия не остаются незамеченными, в 1893 г. за поднесенные императору Александру III издания по истории миссионерской деятельности западных и российских проповедников ему объявлена благодарность. Иеромонах Алексий вновь направлен в Пекин, где в составе уже следующей, 17-й духовной миссии с 1895 по 1898 гг. продолжил интенсивно заниматься миссионерской деятельностью, занимался иконописью, обустроил походный алтарь в Тяньцзине. Однако главными для него были научные изыскания. «Краткая история Русской православной миссии в Китае» сообщает: «Слава ученого занимала все внимания о. Алексия»⁸, что вызвало конфликт с новым начальником миссии архимандритом Иннокентием (Фигуровским). Под предлогом обострения душевной болезни о. Алексия (Виноградова) отзывают в Россию и определяют в число монашествующих Оптиной пустыни. В пустыне прошла его оставшаяся жизнь, посвященная подготовке к печати собранных в Китае материалов. В 1904 г. он предпринял попытку покинуть монастырь, мотивируя решение желанием жениться и поступить на службу в светские научные учреждения, но его прошение о снятии сана и расстрижении было отклонено Св. Синодом. Ни одна из его работ, написанных в Оптиной пустыне, не напечатана. Положение его в монастыре было тяжелым, монахи считали его помешанным, скончался от голода во время Гражданской войны, место захоронения неизвестно.

Через несколько лет после кончины о. Алексия японист и китаист, будущий академик Н. И. Конрад (1891–1970), человек в то время (до ареста в 1938 г. и последовавшей за ним ссылки) еще открыто религиозный, узнает о том, что в Оптиной скончался странный человек, которого многие знали под прозвищем «Пекин», оставивший после себя обширную библиотеку по китаистике и архив собственных трудов. То, что он застал в пустыни, Н. И. Конрад описал в статье 1922 г., так и не вышедшей. Позднее эту историю воскресил М. Ф. Чигринский, опубликовавший впервые и статью К. И. Конрада⁹. На его работе основаны все современные знания о жизненном пути о. Алексия, его архивный фонд не так давно был

⁸ Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. С. 181.

⁹ Чигринский М. Ф. К истории статьи Н. И. Конрада «Синолог из Оптиной пустыни» // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 1. С. 339–344.

открыт для читателей¹⁰, что вызвало всплеск интереса к его наследию¹¹ не только по Китаистике¹².

В. М. Алексеев упоминает иеромонаха Алексия (Виноградова) только в связи с книгой «Китайская библиотека...» Он противопоставляет работы В. С. Соловьева и иеромонаха Виноградова в контексте рассуждений о том, необходимо ли знание китайского языка для пишущих о Китае: «...Качества ученого, ум, глубина, острота критики и прочие не составляют привилегии одних синологов (к сожалению), и я охотно могу представить себе (может быть, даже весьма реально) посредственную макулатуру Китаиста, читающего текст, с одной стороны, и блестящую статью о том же — не-Китаиста. Как, например, полная иероглифов голова убогого автора “Китайской Библиотеки” монаха Алексия Виноградова, с одной стороны, и умнейшая для своего времени статья Владимира Соловьева “Китай и Европа” (обличающая полное незнание с китайским языком, но которая сохраняет свою качественную дистанцию). Но первый все-таки синолог (хотя и плохой по качеству), а второй — только писатель о Китае, судящий об этой стране и культуре только из вторых и третьих рук, которым он верит или не верит по собственному произволу, ни на что не опираясь. Но речь идет, как всегда в научных соревнованиях, лишь *caeteris paribus*»¹³. Далее он называет труд Виноградова «пресловутым», а его значение ограничивает «патологическим экспериментом»¹⁴, «вовсе негодной» попыткой описания китайских книг¹⁵.

Материалы личного архива В. М. Алексеева свидетельствуют о том, что книга о. Алексия была в его домашней библиотеке. Что же представляет собой книга о. Алексия (Виноградова) и как можно реконструировать претензии, которые предъявляет к ней В. М. Алексеев?

Издана книга на средства автора в период пребывания в Петербурге на лечении между двумя миссиями в Китай. Книга состоит из двух частей: типографской, печатание которой дозволено цензурой 22 мая 1889 г. и частично (рисунки и иероглифика) литографированного приложения, имеющего свой собственный титульный лист: Приложение к очерку «Китайская библиотека и ученые труды членов императорской российской духовной миссии в г. Пекине или Бэй-цзине». Иером. А. Виноградов. Каталог китайских книг библиотеки Императорской российской духовной миссии в г. Пекине или «Бэй-цзине» в квартале «Бэй-гуань-цзин» (т. е., на Северном подворье китайской столицы). Перевел с китайского собрания названий книг (по карточкам) и в порядке разложил Иеромонах Алексей Виноградов (с 1881 по 1888 г. член означенной Миссии). СПб., 1889. Поскольку у приложения собственная пагинация, в ссылках будем пометить его особо.

Как ни странно, предмет исследования иеромонаха Алексия (Виноградова) не вполне ясен и нигде четко не формулируется. В. М. Алексеев полагал книгу каталогом библиотеки Миссии, и критиковал ее в первую очередь как неудачную библиографию. Сам каталог составляет меньшую часть книги из 3-х отделений: разнообразные сведения общего характера по синологии и истории Миссии; каталог китайских книг библиотеки Миссии; иероглифический указатель к каталогу.

¹⁰ Архив Алексия (Виноградова Александра Николаевича), иеромонаха. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 52.

¹¹ Куликов А. М. «Китайские тетради» из архива Алексия Виноградова и незавершенный замысел Паллады Кафарова // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 36–46.

¹² Bratkin D. A. Why hieromonk Alexei Vinogradov was (not) a scholar? A late 19th century example of *translatio studii* // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy And Conflict Studies. 2017. Т. 33. № 2. Р. 146–156; Браткин Д. А. Иеромонах Алексей Виноградов как библиист и историк переводов Библии // Религиоведение. Амурский государственный университет. 2017. № 3. С. 155–163.

¹³ Алексеев В. М. Рабочая библиография Китаиста. С. 102.

¹⁴ Там же. С. 228.

¹⁵ Там же. С. 167.

Как описание книг, погибших при пожаре во время восстания ихэтуаней, он имеет особую ценность.

1-й раздел 1-го отделения озаглавлен «Предварительные замечания о библиотеке китайского императора, ее классификация и особенности». Автор отмечает любовь китайцев к книгам, наличие в стране большого количества государственных, частных и школьных библиотек, но самой лучшей из них является находящаяся в столице Пекине «частная библиотека китайского императора Кан-си». Сведения об этой библиотеке о. Алексей Виноградов почерпнул из неназванной статьи в журнале «China Review», 1877–1878, vol. VI, p. 213–223, 290 (так указано автором). Речь идет о статье Уильяма Фредерика Мэйерса (1831–1878) «Библиография китайских императорских литературных собраний»¹⁶. Почему о. Алексей Виноградов не ссылается напрямую на Мэйерса, пересказывая его статью, непонятно. Другая странность состоит в том, что о. Алексей пишет о «библиотеке китайского императора» именно как о библиотеке, т. е., учреждении, институции, тогда как Мэйерс рассказывает о «Тушу цзичэне» 古今圖書集成, огромной энциклопедии, составленной по указанию императора Канси, первые экземпляры которой были отпечатаны в 1728 г. Британский музей в конце 1877 г. сумел приобрести полный комплект энциклопедии, первый в Европе, и Мэйерс знакомит соотечественников с этим важнейшим изданием, сообщая разные сведения о китайской библиографии, китайских системах книжной классификации, о более ранних китайских энциклопедиях: «Юнлэ дадань» 永樂大典, «Юаньцзянь лэй хань» 淵鑑類函, «Пэй вэнь юнь фу» 佩文韻府, «Пяньцзы лэйпянь» 駢字類編 и «Сыку цюаньшу» 四庫全書.

То, что иеромонах Алексей описывает «Тушу цзичэн» как книгохранилище в императорской резиденции в Пекине, где все правильно и хорошо организовано, создает впечатление, что он не вполне понимает, о чем именно идет речь. Например, пишет, что в Британском музее «китайские книги из коллекции Канси в полном составе, сохраняются точно под теми же рубриками классификации, что и в императорской пекинской библиотеке; британская китайская библиотека — это слепок весьма точный с пекинской коллекции Канси»¹⁷. Почему возникло такое недопонимание, непонятно, у Мэйерса все прописано четко, английский о. Алексей Виноградов знал, покупал английские книги, переводил с английского, общался с западными синологами в Пекине.

Иеромонах Алексей (Виноградов) правильно перечисляет рубрики «Тушу цзичэна» по Мэйерсу: Астрономия и математика; Физическая и политическая география; Культура; Наука и неодушевленная природа; Метафизика и доктринальная философия; Политическая экономика (в современном переводе — Экономика и управление), с дальнейшими делениями внутри каждой группы. Он хвалит эту систематизацию как образцовую, но сам, как увидим далее, ею не воспользуется.

В завершении вновь хвалит «библиотеку императора Канси», но сетует, что она доступна только избранным, а публичной общедоступной библиотеки в Пекине нет.

Во 2-м разделе «Российская императорская духовная миссия в Бэй-цзине, ее помещение и устройство. Библиотека и ее состояние» переходит от описания китайских библиотек к собственно разговору о библиотеке Миссии: библиотека хранит русские и иностранные, в том числе, китайские книги, как собственно китайские, так и переводы на китайский язык с других языков. В 1877 г. библиотека получила свое помещение на территории Миссии. Состояние библиотеки описывает со знанием предмета: фонды пополнялись как частными лицами и при «помощи из средств казны». Св. Синод выделяет по 200 рублей серебром для подписки журналов и русских книг. Пополнения имеют случайный характер. Члены Миссии сами приобретают книги, нужные для занятий. Специальной должности библиотекаря нет. «Учеными китайцами под присмотром ученых членов этой миссии составлен был уже давно

¹⁶ Mayers W.F. Bibliography of the Chinese Imperial Collections of Literature // China Review. 1877–1878. Vol. VI. P. 291–299.

¹⁷ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 5.

каталог китайских книг, украшающих ныне библиотеку северного подворья; но это каталог, сравнительно с последними приобретениями, неполон и не имеет русского перевода названий книг»¹⁸. Главы Миссий всегда обращали внимание на библиотеку, есть много описаний на карточках, иногда по несколько описаний на одной карточке, все без научного систематического распределения, поскольку студенты и молодые монахи не могут постоянно заниматься кропотливой работой по описанию китайских книг. В этих условиях о. Алексей Виноградов считает своей «священной целью» перевести названия китайских книг библиотеки Миссии на русский язык, с транскрипцией и систематизацией¹⁹. В этой работе ему помогали китайцы-христиане переводчик Лев, катехизатор Павел, ученый Осия, иногда — священник-китаец о. Митрофан Цзи и другие. Для справок использовали все доступные словари. Всего китайских книг в библиотеке не более 1000, карточки были написаны на 740 книг, описания которых и предлагается вниманию русского читателя.

3-й раздел «Содержание каталога китайских книг библиотеки Императорской российской духовной Миссии в Бэй-цзине» излагает краткую схему классификации китайских книг «по 12-ти граням» с указанием номеров в каталоге, затем дает ее развернутое толкование, уже с отсылкой к страницам каталога.

Здесь читатель ожидает уже увидеть сам каталог, но предстоит знакомство с еще 5-ю разделами, каждый из которых уводит все дальше и дальше от заявленной темы. Следующие два раздела посвящены соответственно переводам христианской литературы на китайский с русского (раздел 4-й «Китайско-церковная и школьная литература российской духовной Миссии в Бэй-цзине») и западноевропейских языков (раздел 5-й «Значение для Российской духовной Миссии в Китае литературы миссионеров католических и протестантских, по Священному писанию в особенности»). Раздел 6-й имеет самое длинное название «Язык китайский. Его диалекты, особенности северного наречия, транскрипция иероглифов, тоника, пение, музыка, рассматриваемые с учено-миссионерской точки зрения, и замечания о китайско-русском словаре о. архимандрита Палладия и П. С. Попова». Краткий пересказ содержания раздела смысла не имеет: здесь есть и таблица, демонстрирующая разницу письменного (вэнь-хуа) и разговорного северного (су-хуа) языков, и 440 слогов китайского языка «приспособительно к русскому языку по славянской транскрипции»²⁰, и интересные рассуждения о специфике китайской музыки и вокала, которую необходимо учитывать, если собираешься привлекать китайцев к церковному пению. Встречаются интересные утверждения без ссылки на источник информации: «Существует мнение, что мяо есть остаток тех древнейших китайцев, между которыми впервые распространилось и утвердилось христианство от времени апостола Фомы»²¹. Замечания о словаре Палладия-Попова занимают пять страниц текста, обнаруживают знакомство о. Алексея Виноградова с различными лексикографическими теориями, хотя словарь и не спас его самого от ошибок при переводе и в транскрипции. Одна из претензий к словарю архимандрита Палладия (Кафарова) — использование русско-гражданской транскрипции²², он выражает надежду, что в новых изданиях будет применяться славянская транскрипция²³, которую он сам активно пропагандирует, но практически для каталога не использует.

Раздел 7-й «Взгляд доктора Дейжена на ученые труды членов Пекинской миссии и состояние библиотеки, с характеристикой направления христиан-китайцев, также русских синологов; дополнительные замечания и содержание следующей главы». Иеромонах Алексей (Виноградов) считает необходимым дать в переводе на русский язык исследование англичанина Джона Даджена (Дейжена, John Herburn Dudgeon,

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 41–42.

²¹ Там же. С. 39.

²² Там же. С. 50.

²³ Там же. С. 53.

1860–1934) о научных трудах членов Пекинской миссии, которое он называет «Sketch of Russian ecclesiastical intercourse in China», точное название статьи несколько иное²⁴. Книга эта важна, несмотря на то, что все это описано в «Истории Пекинской Российской духовной миссии за двести лет ее существования» Николая Адоратского: интересен взгляд со стороны и признание того, что без собственной китайской библиотеки члены Миссии не могли бы достигнуть таких успехов в области синологии. Иеромонах Алексей оформляет сведения из 9-й части книги «Литература миссии» в виде библиографического списка²⁵. Суждения англичанина о сокровищах библиотеки Миссии лестно, хотя тот и преувеличивает ее размеры. Ссылками на слова Даджена о. Алексей доказывает, что нужно увеличить ассигнования на библиотеку, привлечь к описанию книг монахов и дипломатов из числа молодежи, упростить доступ к книгам и сформировать филиалы библиотеки в Урге, Корее, Маньчжурии и «другие пункты русской жизни на Востоке, требующие духовной пищи»²⁶. В завершении этого раздела о. Алексей Виноградов поясняет содержание следующего раздела — для нас важно как и мнение о нас англичанина, так и мнение китайцев о нашем наставнике архимандрите Палладию, которое зафиксировано в документах, помещенных в раздел 8-й «Особенные положения: а) перевод адреса китайских христиан, поднесенного о. архимандриту Палладию на деревянной таблице, хранящейся ныне в церкви успения Пресвятой Девы Марии в Бэйцзине при Русской духовной миссии; б) перевод надписей на двух “дуэй-лянь”, поднесенных о. архимандриту Палладию китайцами и хранящихся в Пекинской православной духовной миссии; в) перевод и объяснение китайских иероглифов вышеозначенных надписей в адресе и дуэй-лянь; г) замечание о каталоге китайских книг духовной миссии; д) объяснение к рисункам и чертежам».

Китайские книги библиотеки Миссии о. Алексей делит на 12 «граней» (его собственный термин). Рубрикация повторяется несколько раз: вначале просто списком, с указанием номеров сочинений; затем более подробно излагается содержание каждой «границы»; наконец, названия повторяются уже в самом тексте каталога, названия одних и тех же рубрик не всегда одинаковы, мы приводим варианты из текста каталога, они длиннее и точнее передают если не содержание рубрик, то авторский стиль.

I. Каталоги или указатели книг, энциклопедии, сборники. № 1–44;

II. Словари, образцы прописей китайских иероглифов, их чтения, произношения, словосочетаний, композиции сочинений изящных и деловых. № 45–106;

III. Классические авторы, повести и рассказы, беседы, изречения, наставления, правила, рассуждения, философские, из обыденной жизни, и преимущественно для школьного и семейного употребления. № 107–217;

IV. Стихи содержания поэтического, философского и исторического, для простого чтения вслух, пения и музыки. № 218–244;

V. Церемонии государственные, придворные, народные и частные. № 245–270;

VI. Математика, времячисление, астрономия и астрология, сельское хозяйство, естественная история, охота за зверьми и дичью, земледельческие орудия, медицина и прочие мелкие трактаты. № 271–366;

VII. География Китая — историческая, физическая и политическая, состоящая из разного рода монографий, планов, карт, описаний и исследований мест, городов, областей, границ, водных бассейнов, сухопутных сообщений, гор, границ и проч. № 324–366;

VIII. История Китая, с распределением материалов по XIX династиям и царствованиям, с древнейших времен по настоящее столетие. № 367–444;

²⁴ *Dudgeon J. H. Historical Sketch of the Ecclesiastical, Political, and Commercial Relations of Russia with China // The Chinese recorder and missionary journal. Foochow: 1870 (Nov.). Vol. 3. No. 6. P. 143–146.*

²⁵ *Алексий (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 56–61.*

²⁶ Там же. С. 66.

IX. Продолжение материалов по истории Китая (расположенных по содержанию): летописи, юридические и государственные акты, материалы частных лиц, учебные руководства, и другие сборники по разным предметам независимо от вышепоименованных. № 445–540;

X. Государственное управление, законодательство, юриспруденция. № 541–589;

XI. Отдельные области или вассальные по отношению к Китаю, а также независимые государства: Маньчжурия; Монголия; Корея, Тибет, Япония, острова Лю-цю, Аннам и Си-ян. № 590–626;

XII. Буддийская литература разнообразного содержания (богослужение и ритуал, дисциплина и аскетизм, догматика, этика, метафизика), состоящая из энциклопедических-систематических сборников, хрестоматий или отдельных трактатов по известным вопросам. № 627–741.

Как можем убедиться, систематизация иеромонаха Алексия (Виноградова) очень отличается от столь хвальной им систематизации «библиотеки императора Канси», хотя она и построена специально для этого конкретного книжного собрания и отражает его особенности, которые о. Алексей приводил выше: обилие литературы учебной и исторической, практически отсутствие даосских книг и очень много буддийских благодаря научным интересам архимандрита Палладия²⁷. Внутри рубрик сочинения расположены в произвольном порядке, во всяком случае системы обнаружить не удалось, к некоторым классификациям есть вопросы, но такие решения вполне могут оставаться на совести автора.

Заканчивается книга разделом под названием «Начертание китайских иероглифов в книжных названиях библиотеки императорской духовной миссии в Пекине, с параллельным указателем №№, соответствующих русскому переводу и транскрипции в предыдущей части каталога», нужным для того, чтобы «неточность в переводе или транскрипции» могла быть «исправлена или замечена самим читателем»²⁸. Неточностей и в том, и в другом очень много. Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров:

№ 15. Хань хай. Море млека, т. е., книга для элементарного школьного обучения. Иероглифы: 函海. Речь идет о компендиуме «Море книжных футляров» Ли Дяо-юаня (李调元, 1734–1803), совершенно не предназначенного для начальной школы; откуда произошло «млеко» вообще непонятно, хань — любой футляр, конверт;

№ 35. Юнь-бу — дополнение к энциклопедии. Иероглифы: 韻補, т. е., «Дополнение к рифме», поэтологический трактат;

№ 65. Сань цзы цзин — книга для классического употребления, в которой буквы составлены из стихов по три иероглифа в строке. Иероглифами записан верно 三字經, но сама дефиниция удивительна;

№ 87. Тхан Сун вэнь дунь — Образцовое сочинение Суна в изящном стиле. Иероглифы: 文醜. Вэнь чунь. Иероглифы для «Тхан Сун» пропущены. Речь идет о «Тан Сун вэнь чунь» 唐宋词醇, т. е., сборнике стихотворений эпох Тан и Сун;

Ошибка того же рода: № 117. Лян хань цзун янь — Две приятные беседы Ханя. Иероглифы: 两漢雋言.

Эти ошибки тем более удивительны, что в разделе книг по истории о. Алексей Виноградов правильно переводит названия династий Тан, Сун и обеих Хань!

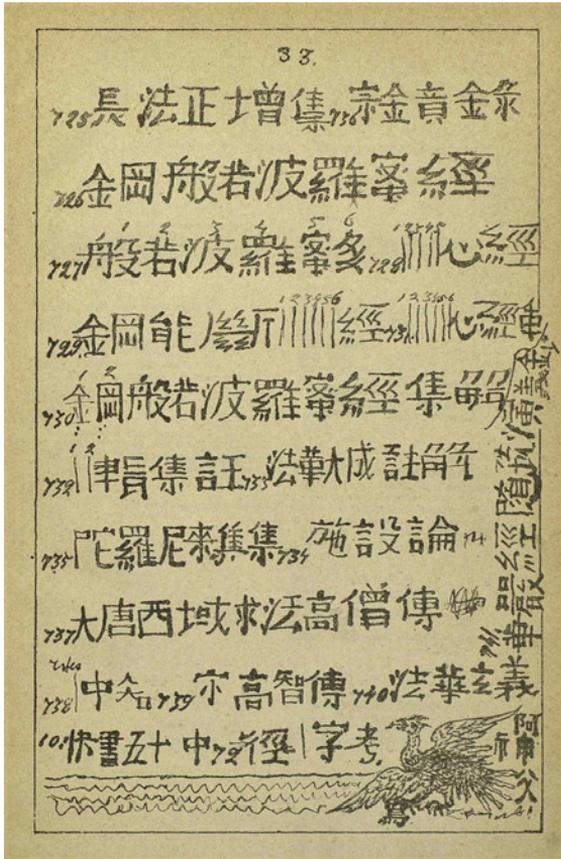
№ 205. Си чжай ау дэ — Специальные образцы Западного просвещения (?). Просительный знак в скобках при переводе таинственного рассуждения принадлежит самому о. Алексию, а этот номер пропущен в иероглифическом списке;

№ 226. Ши фа жу мэнь — Стихи на случай входа в ворота или двери дома, при церемониях. Иероглифы: 詩法入門, т. е., «Введение в стихосложение»!

Иероглифический почерк о. Алексия, воспроизведенный литографическим способом, вызывает странные ощущения: неумело написанные иероглифы, зачеркивания,

²⁷ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... Приложение. С. 11–12.

²⁸ Там же. С. 74.

много пропусков, почему-то иногда вместо иероглифов употребляется транскрипция, как системная ошибка — части иероглифов пишутся очень далеко друг от друга, текст тяжело читать. Последняя страница (рис. 1) — яркое тому подтверждение. В нижнем углу справа рисунок птицы феникса с подписью и китайский автограф о. Алексея А神父, он сам писал об этом так: «Составитель настоящего каталога носил китайское имя А-шен-фу, что значит А — сокращенной Алексей, шен — духовное лицо, учитель и фу — отец»²⁹.

Иеромонах Алексей (Виноградов) нигде не обещал дать полное описание книг, только их заглавия в транскрипции и переводе. Цель, которую он полагал чуть ли не священной, конечно, благая, но в отсутствии любых сведений о книгах — техника печати, комплектность многотомных изданий, дата и место печати — все представляется довольно бесполезным. Лишь в одном случае, говоря о «Сан цай ту хуй», указывает, что труд был составлен во времена

Минской династии в 100 главах (№ 5 каталога), но это еще не значит, что издание из библиотеки Миссии относится к этому времени.

Совершенно очевидно, что В. М. Алексеев эти и многие прочие ошибки и неточности замечал и простить не мог, он даже не считал необходимым их разбирать. Другое дело — знал ли он о болезни о. Алексея, что он имеет в виду, говоря о «полной иероглифов голове убогого автора». В принципе, сведения о жизни иеромонаха он мог получить и от Н. И. Конрада, с которым общался, а может, знал из истории Миссии; никаких подтверждений нет. Но такая оценка могла возникнуть и из известного антиклерикализма ученого, который в принципе скептически относился к синологическим изысканиям священнослужителей всех христианских конфессий, особенно отцов-иезуитов. Исключения делались только для Н. Я. Бичурина и архимандрита Палладия (Кафарова).

Д. А. Браткин, занимавшийся изучением творчества иеромонаха Алексея (Виноградова) как библииста, пришел к выводам, во многом схожим с нашими: перед нами труды человека очень начитанного, энциклопедиста, который хочет поместить в свои книги все свои знания, всю информацию из прочитанных книг, без того, чтобы критически осмыслить источники. В результате мы имеем обширнейшие своды всяких сведений, характерные для Средневековья, а не для науки Нового времени. Возможно, впрочем, что во время долгих лет работы в Оптиной пустыне о. Алексей сумел преодолеть подобного рода недостатки своих ранних трудов. Так, Н. И. Конрад описывает его «четкий иероглифический

²⁹ Там же. С. 2.

почерк»³⁰. Неопубликованное наследие А. Н. Виноградова еще ждет своего исследователя; было бы крайне интересно ознакомиться с его рукописью «Справочный синологический словарь (пропедевтика для изучения китайского языка), содержащий в себе критико-библиографический обзор или пропедевтику для изучения китайского языка по исследованиям о нем Европейских и Русских ученых, расположенный в алфавитном порядке с указанием и на лучшие китайские сочинения и издания», о которой пишет Н. И. Конрад³¹ и которая по заявленным целям напоминает «Рабочую библиографию китаиста» В. М. Алексеева, нелицеприятно отзывавшегося об о. Алексии Виноградове.

Источники и литература

1. Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, Альфарет, 2010. 504 с.
2. Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине, (в Китае). СПб., 1889. 198 с.
3. Архив Алексия (Виноградова Александра Николаевича), иеромонаха. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 52.
4. Браткин Д. А. Иеромонах Алексей Виноградов как библеист и историк переводов Библии // Религиоведение. Амурский государственный университет. 2017. № 3. С. 155–163.
5. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: Изд. А. Я. Панафидина, 1888. 494 с.
6. Конрад Н. И. Синолог из Оптиной пустыни (Новые материалы из истории Пекинской Духовной миссии) // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 1. С. 345–362.
7. Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.
8. Куликов А. М. «Китайские тетради» из архива Алексия Виноградова и незавершенный замысел Палладия Кафарова // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 36–46.
9. Осьминина Е. А. Культура Китая в осмыслении В. С. Соловьева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11 (784). С. 220–227.
10. Соловьев В. С. Китай и Европа // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 6. СПб., 1901. С. 84–137.
11. Чигринский М. Ф. К истории статьи Н. И. Конрада «Синолог из Оптиной пустыни» // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 1. С. 339–344.
12. Bratkin D. A. Why hieromonk Alexei Vinogradov was (not) a scholar? A late 19th century example of *translatio studii* // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy And Conflict Studies. 2017. Т. 33. № 2. P. 146–156.
13. Dudgeon J. H. Historical Sketch of the Ecclesiastical, Political, and Commercial Relations of Russia with China // The Chinese recorder and missionary journal. Foochow: 1870 (Nov.). Vol. 3. No. 6. P. 143–146.
14. Mayers W. F. Bibliography of the Chinese Imperial Collections of Literature // China Review. 1877–1878. Vol. VI. P. 291–299.
15. Réville A. La Religion Chinoise. Paris: Fischbacher, 1889. 710 p.

³⁰ Конрад Н. И. Синолог из Оптиной пустыни (Новые материалы из истории Пекинской Духовной миссии) // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 1. С. 353.

³¹ Там же. С. 357.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

И. В. Брусиловский

**Формирование образа Японского государства
в светских отечественных периодических изданиях
с 1815 по 1904 гг.: «Сын Отечества»,
«Древняя и Новая Россия» и «Сибирский вестник»**

УДК 327(470+571:520)(091):070(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_32
EDN XSTBJX

Аннотация: В статье дается краткий обзор посвященных Японии статей в избранных периодических изданиях Российской империи в 1815–1904 гг. В первую очередь анализу подвергаются «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев», частично опубликованные в 1815 г. в журнале «Сын Отечества», затем изданные в виде отдельной книги, а также статья св. равноап. Николая Японского «Япония и Россия», опубликованная в 1879 г. на страницах журнала «Древняя и Новая Россия». Далее кратко освещается дискуссия первых лет XX в. о «желтой угрозе» на страницах «Сибирского вестника».

Ключевые слова: Япония, русско-японские отношения в XIX в., св. равноап. Николай Японский, русская духовная миссия в Японии, В. М. Головнин, периодические издания Российской империи.

Об авторе: **Илья Витальевич Брусиловский**

Магистрант теологии, аспирант I курса Российской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: brusilovskij@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-2296>

Для цитирования: Брусиловский И. В. Формирование образа Японского государства в светских отечественных периодических изданиях с 1815 по 1904 гг.: «Сын Отечества», «Древняя и Новая Россия» и «Сибирский вестник» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 32–38.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Ilya V. Brusilovsky

**Formation of the Image of the Japanese State
in Secular Russian Periodicals
from 1815 to 1904: “Son of the Fatherland”,
“Ancient and New Russia” and “Siberian Herald”**

UDC 327(470+571:520)(091):070(470+571)(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_32

EDN XSTBJX

Abstract: The article provides a brief overview of articles devoted to Japan in selected periodicals of the Russian Empire in 1815–1904. First of all, the analysis is devoted to “Notes of the Fleet Captain Golovnin about his adventures in captivity among the Japanese”, partially published in 1815 in the journal “Son of the Fatherland”, then published as a separate book, as well as the article of St. Equal-to-the-Apostles Nicholas of Japan “Japan and Russia”, published in 1879 on the pages of the journal “Ancient and New Russia”. Then the discussion of the first years of the 20th century is briefly covered. about the “yellow threat” on the pages of the “Siberian Herald”.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations in the 19th century, St. Nicholas of Japan, Russian Equal-to-the-Apostles mission in Japan, V. M. Golovnin, periodicals of the Russian Empire.

About the author: **Ilya Vitalyevich Brusilovsky**

Master’s student in theology, first-year postgraduate student at the Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

E-mail: brusilovskiji@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-2296>

For citation: Brusilovsky I. V. Formation of the Image of the Japanese State in Secular Russian Periodicals from 1815 to 1904: “Son of the Fatherland”, “Ancient and New Russia” and “Siberian Herald”. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 32–38.

* Photos are taken from open sources.

Одним из первых источников о национальном характере Японского государства для русского человека явилась «Космография» — переведенное и изданное в 1670 г. произведение голландского географа Герарда Меркатора, где Япония представлялась сказочно богатой страной, а сами японцы описывались как смыслённый, но по своей природе жестоко нравный народ¹. Последнее замечание было основано на свидетельствах иезуитов-проповедников о действительно имевшей место жестокости японцев в отношении христиан при Хидэеси Токатоми, Иэясу Токугаве и последующих сёгунах эпохи Эдо.

Однако со временем реальные свидетельства породили бесчисленное количество слухов, что привело к формированию в Европе устойчивого образа японца как невинно жестокого и безнравственного варвара.

В России, ввиду относительной близости ее азиатской части к самому архипелагу Японских островов, представления о данном государстве формировались не только из общераспространенных в европейском пространстве сведений, но и на основании прямых или опосредованных контактов, например, через Китай.

Известно, что в 1702 г. Петр I принял и опросил некоего Дэмбэя — японца, потерпевшего кораблекрушение на Камчатке. Данный рассказ способствовал закреплению в умах высшего российского общества идеи о том, что Япония — страна действительно богатая, но при этом обладающая огнестрельным оружием и, в связи с этим, далеко не варварская. Петр I был заинтересован в установлении торговых связей с таким государством и повелел подготовить переводчиков для последующей деятельности в Японии².

В 1739 г. члены второй экспедиции В. Беринга М. П. Шпанберг и В. Вальтон открыли точное местонахождение Японии и проложили маршрут, что послужило началом нового этапа русско-японских контактов.

Пик взаимоотношений пришелся на вторую половину XIX — начало XX вв., однако и в более ранние годы контакты продолжались, но были ограничены только географическими экспедициями или локальными немногочисленными связями русского населения Дальнего Востока с японцами. При этом необходимо особо указать на факт того, что сама Япония с 1639 г. по 1854 г. находилась в добровольной самоизоляции, получившей название «Сакоку»³, что также не способствовало установлению прочных отношений двух государств.

Вновь внимание широкой общественности к Японии было привлечено в 1814–1815 гг., когда на страницах журнала «Сын Отечества» были опубликованы заметки о путешествии, пленении и освобождении капитана шлюпа «Диана» Василия Михайловича Головнина.

В мае 1811 г. шлюп «Диана» по заданию морского министерства отплыл в сторону Курильских островов для их изучения, однако В. М. Головнин и несколько членов его команды в июле были взяты в плен японским гарнизоном Кунашира и после двух неудавшихся попыток в 1813 г. все же были вызволены, благодаря умелым действиям и тонкой политике П. И. Рикорда, взявшего на себя управление «Дианой».

В выпусках журнала «Сын Отечества» за 1814 и 1815 гг. данный инцидент был описан постфактум, а наиболее подробно изложен самим В. М. Головниным в «Записках о приключениях его в плену у японцев».

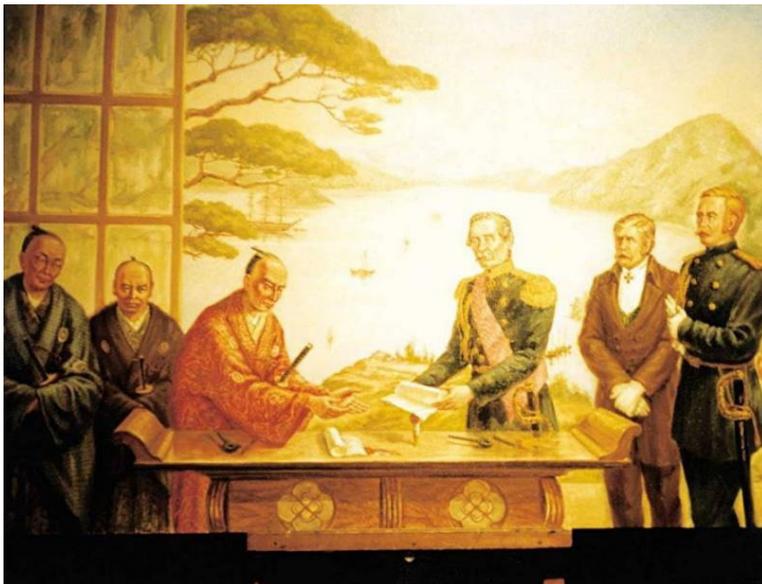
В статье за 1814 г. отмечается, что В. М. Головнин не усвоил вовремя «полезную недоверчивость к коварству японцев», а также не был убежден в «необходимой осторожности при обхождении с сими хитрыми островитянами»⁴. В статье за 1815 г.,

¹ Митико И. Образ Японии в России в период Эдо (XVII–XIX вв.) // Известия Восточного института. 2005. С. 110.

² Там же. С. 116.

³ Кожевников В. В. «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции) // Труды института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2018. С. 163.

⁴ Путешествие капитана Головнина на Курильские острова // Сын Отечества. 1814. № VI. С. 230.

Дипломатическая миссия адмирала Е. В. Путятина.
Подписание 26 января 1855 г. в г. Симода первого договора о дружбе и торговле
между Россией и Японией, известного как Симодский трактат

повествующей об обстоятельствах вызволения из плена, преимущественно сохраняет общий нейтральный стиль описания. Однако все же можно отметить, что широкой массе общества в данных статьях был представлен вполне стереотипный для европейского пространства негативный образ населения Японии.

Однако сам В. М. Головнин в своих «Записках» вполне лестно отзывался о японцах, что было довольно удивительно для человека, находившегося у них в плену два года. Вначале он отмечал, что и сам негативно мыслил о Японском государстве, но благодаря проведенным в данной стране годам понял обратное⁵. Среди положительных качеств В. М. Головнин упоминал, что сами японцы «умны и тонки»⁶, а также честны и отличаются гостеприимством. Что же касается их отрицательного отношения к европейцам, то такой подход был выработан ими из-за потребительского и подчас эксплуататорского отношения со стороны европейских миссионеров и торговцев⁷.

При этом Головнин предупреждает, что Япония имеет великий потенциал и если сможет преодолеть свою отсталость и взять на вооружение передовые европейские технологии, то в перспективе станет опасным соседом и серьезным противником России в азиатском регионе⁸. В целом же, как уже отмечалось, мнение В. М. Головнина о Японском государстве и его народе весьма положительно. Линию добрых и лестных отзывов о Японии можно продолжить статьей «Япония и Россия» равноапостольного Николая Японского, опубликованной в 11-м номере журнала «Древняя и новая Россия» за 1879 г.

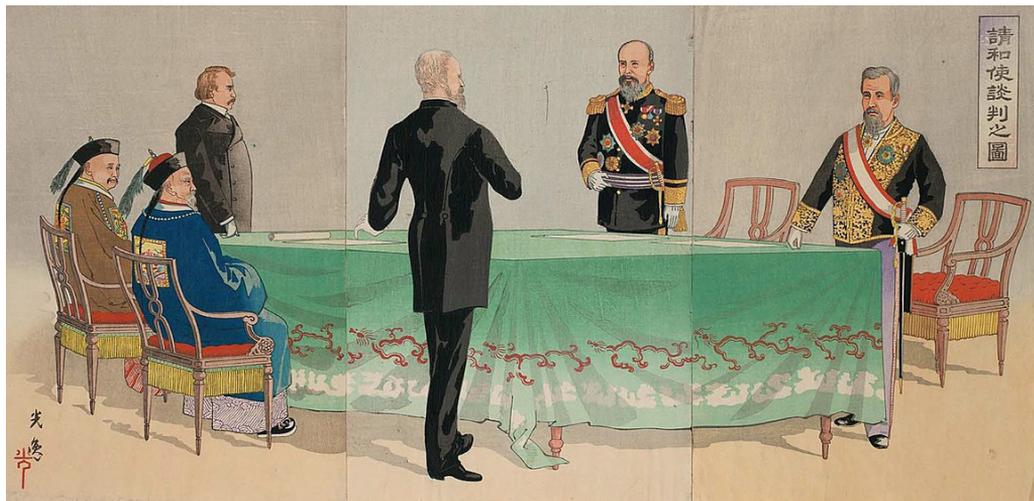
Целью данной статьи как раз и была презентация широкому кругу отечественных читателей положительного образа Японии и японского народа. В частности,

⁵ Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 г. СПб., 1816. С. 77–78.

⁶ Там же. С. 235.

⁷ Козлов С. А. «Записки...» В. М. Головнина и формирование образа Японии в русской периодике и литературе XVIII – начала XIX в. // Меньшиковские чтения. 2012. Вып. 3 (10). С. 152.

⁸ Там же.

Встреча японских представителей с китайской миротворческой миссией.
Мирные переговоры Первой китайско-японской войны в Хиросиме в феврале 1895 г.

свт. Николай пишет: «Внутренние исторические обстоятельства Японии складывались удивительно благоприятно для выработки свободы и самостоятельности народного духа»⁹. Иными словами, японцы обладают внутренней свободой и национальной и во многом благой гордостью, что в целом было сформировано на протяжении истории данного государства.

Объясняя негативное отношение японского народа к европейцам, равноапостольный Николай, продолжая апологетическую линию В. М. Головнина, пишет, что отчасти такое отношение объясняется тем, что японская военная история не знала поражений: «И потому, что удивительного, если они до последнего времени смотрели на себя как на самый великий народ в мире, и с пренебрежением относились ко всем другим народам и царствам!»¹⁰ При этом, святитель отмечает, что данное самомнение не явилось для Японского государства сколь бы то ни было значительным препятствием и с легкостью было преодолено в ходе реформ Мэйдзи, когда того потребовало благо страны.

Подобно В. М. Головнину равноапостольный Николай Японский также размышляет о модернизации и европеизации Страны восходящего солнца. В отличие от капитана «Дианы», святитель с большим оптимизмом отзываясь о перспективах русско-японских отношений в свете проводимых реформ: «Положение обоих государств такое, что им, по-видимому, в будущем предстоит только приязнь, дружба и взаимные услуги»¹¹. По мнению свт. Николая, такой дружбе способствует уже существующая в Японии русская духовная миссия, которая со временем сможет привести всю страну к свету Христовой истины: «Это несомненно закрепит самую прочную связь между двумя народами, и даст им возможность многие и многие века идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга»¹².

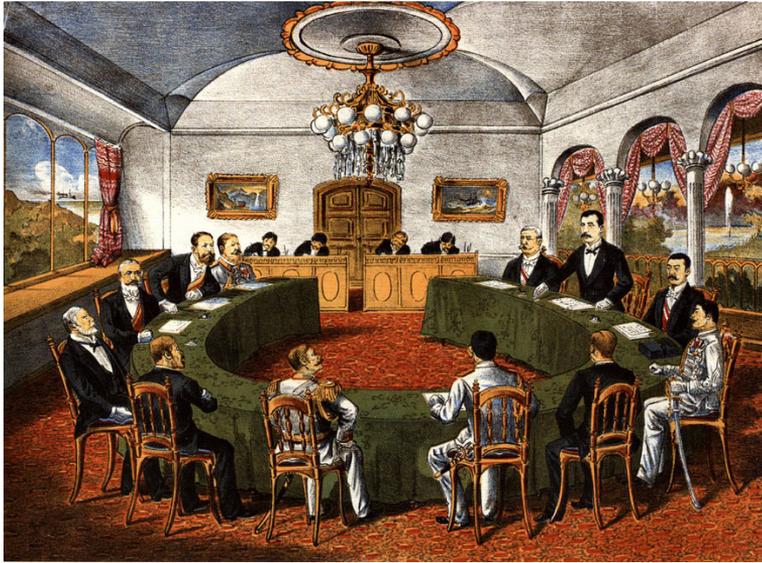
Таким образом, равноапостольный Николай дает крайне положительную оценку Японскому государству и его народу, отмечая, что тот живо и со всякой для себя пользой заимствует у других держав все лучшее, преодолев при этом столь присущий в более ранние годы несколько высокомерный дух национального самосознания.

⁹ Николай (Касаткин), архим. Япония и Россия // Древняя и новая Россия. 1879. № 11. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 222–223.

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 230.

Заключение мирного договора в Портсмуте

Помимо приведенных выше статей, представлявших Японию в крайне положительном свете, в отечественных периодических изданиях публиковались и некоторые другие материалы, которые были призваны сформировать у читателей положительный образ Страны восходящего солнца.

Однако в первые годы XX в. некоторые из посвященных Японскому государству статей в газетах и журналах Российской империи приобретали все более дискуссионный характер.

Так, споры о все увеличивающихся амбициях Японии и ее пути, который формировался совсем не в том направлении, которое прогнозировал свт. Николай, велись уже со времени японо-китайской войны 1894–1895 гг., однако представители консервативных и либеральных течений высказывали зачастую противоположные мнения¹³.

Например, в сибирских периодических изданиях особое место в первое десятилетие XX в. занимала дискуссия о так называемой «желтой угрозе». В частности, обсуждалось мнение французского поэта Франсуа Коппе, который в весьма жесткой манере предрекал грандиозное нашествие Востока на Запад: «Будущий завоеватель, вождь с длинными ногтями и висящей на спине косой, будет, без сомнения, варваром, но варваром, знающим последнее слово военной тактики и стратегии»¹⁴. Иными словами, в данном случае российская периодическая печать на своих страницах отображает негативный европейский образ о варварском японском народе.

Однако, к чести отечественных авторов, необходимо отметить, что здесь же, на страницах Сибирского вестника, данная точка зрения Ф. Коппе объявляется несостоятельной и апеллирующей к эмоциям читателя, а не к достоверным фактам. Суммируя же все, делается вывод, что «конкуренция не есть всеобщий закон, и придет время, когда она уступит свое место великому началу солидарности»¹⁵.

Таким образом, на страницах отечественной периодической печати с 1815 г., когда мнение широкой публики больше не было приковано к театру военных действий и противостоянию с наполеоновской Францией, а значит могло быть занято чем-то

¹³ Ермолаев И. В., Кармов Т. М. Формирование негативного образа Японии российской периодической печатью в 1895–1905 гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2018. Ч. 1. С. 151.

¹⁴ «Франсуа Коппе» о «желтых»: Из очерков о «желтой опасности» (после японо-китайской войны 1894) // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2.

¹⁵ Там же.

иным, и до 1904 г., когда разразившаяся русско-японская война изменила общую публицистическую палитру, а после поражения Российской империи обратила свое внимание на внутренние проблемы Отечества, представленную характеристику Японского государства и его народа можно охарактеризовать следующим образом.

Публикации авторов первых десятилетий XIX в. носят общий стереотипный характер в отношении Японского государства. Подобного рода представления со рвением опровергаются авторами, которые лично были знакомы со нравами и обычаями японского народа. Это в первую очередь Василий Михайлович Головнин, который одним из первых непосредственно ознакомился с бытом и внутренней жизнью Японского архипелага в последние десятилетия периода Эдо, а также равноапостольный Николай Японский, заставший закат данного периода и становление обновленной Японии эпохи Мэйдзи.

Авторы последующих лет вплоть до начала активного противостояния России и Японии в целом придерживались присущей последним десятилетиям XIX в. и первым годам XX в. этически выверенной и благожелательной позиции в отношении внешних государств, противостояние с которыми не обоснованно историческими реалиями. Однако несмотря на это, все же возникали в тех или иных периодических изданиях дискуссии относительно взглядов на Японию и ее народ, как, например, в Сибирском вестнике.

В завершении необходимо отметить, что отечественная периодическая печать с 1815 по 1904 г. формировала общественное мнение о Японии и японском народе в соответствии с общими тенденциями, происходящими в мире и непосредственно успехами или неудачами в русско-японских отношениях, будь то едва не разгоревшееся из-за пленения В. М. Головнина военное противостояние, основание и расширение духовной миссии равноапостольного Николая Японского, а также постепенный накал русско-японских отношений на исходе XIX и в начале XX вв.

Источники и литература

1. *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 г. СПб., 1816. 286 с.
2. *Ермолаев И. В., Кармов Т. М.* Формирование негативного образа Японии российской периодической печатью в 1895–1905 гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2018. Ч. 1. С. 151–155.
3. *Кожевников В. В.* «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции) // Труды Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2018. С. 160–172.
4. *Козлов С. А.* «Записки...» В. М. Головнина и формирование образа Японии в русской периодике и литературе XVIII – начала XIX в. // Меньшиковские чтения. 2012. Вып. 3 (10). С. 147–155.
5. *Митико И.* Образ Японии в России в период Эдо (XVII–XIX вв.) // Известия Восточного института. 2005. С. 107–127.
6. *Николай (Касаткин), архим.* Япония и Россия // Древняя и новая Россия. 1879. № 11. С. 219–231.
7. Путешествие капитана Головнина на Курильские острова // Сын Отечества. 1814. № VI. С. 225–238.
8. «Франсуа Коппе» о «желтых»: Из очерков о «желтой опасности» (после японо-китайской войны 1894) // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2–3.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

М. В. Шкаровский

**Настоятель Путиловского храма,
новомученик, протоиерей Иоанн Зимнев**

УДК 271.2-726.25(470.23-25)-36:929
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_39
EDN EKZWDN

Аннотация: В статье говорится о трагической судьбе последнего настоятеля церкви при Путиловском заводе протоиерея Иоанна Зимнева. Он был назначен настоятелем храма в 1920 г. и в период своего служения испытал кампанию изъятия церковных ценностей и двукратное закрытие Путиловской церкви в мае 1922 г. и в феврале 1925 г. Если в первый раз о. Иоанн смог отстоять храм, то в 1925 г. это сделать не удалось. В дальнейшем протоиерей служил в различных храмах Ленинграда и погиб как новомученик в 1938 г. Статья написана на архивных документах и воспоминаниях очевидцев событий.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, Путиловский храм, антирелигиозные гонения, новомученик, настоятель, протоиерей, Иоанн Зимнев.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории, Санкт-Петербургская Духовная Академия, главный архивист, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Для цитирования: Шкаровский М. В. Настоятель Путиловского храма, новомученик, протоиерей Иоанн Зимнев // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 39–49.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Mikhail V. Shkarovsky

**Rector of the Putilov Church,
New Martyr, Archpriest John Zimnev**

UDC 271.2-726.25(470.23-25)-36:929
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_39
EDN EKZWDN

Abstract: The article tells about the tragic fate of the last rector of the church at the Putilov factory, Archpriest John Zimnev. He was appointed rector of the church in 1920 and during his service experienced a campaign of confiscation of church valuables and two closures of the Putilov Church in May 1922 and February 1925. If the first time Fr. John was able to defend the church, then in 1925 he failed to do so. Later, the archpriest served in various churches in Leningrad and died as a new martyr in 1938. The article is based on archival documents and the recollections of eyewitnesses of the events.

Keywords: Russian Orthodox Church, Saint Petersburg, Putilov Church, anti-religious persecution, new martyr, rector, archpriest, John Zimnev.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Church History, St. Petersburg Theological Academy, Chief Archivist, Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

For citation: Shkarovsky M.V. Rector of the Putilov Church, New Martyr, Archpriest John Zimnev. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 39–49.

Последним настоятелем церкви при Путиловском заводе перед ее закрытием в 1925 г. был протоиерей Иоанн Петрович Зимнев. Он родился 2 ноября (согласно следственному делу — 12 сентября) 1877 г. в селе Посадников Остров (Острова) Новоладожского уезда Петербургской губернии. Отцом будущего пастыря был священник Петр Герасимович Зимнев, служивший настоятелем Ильинской церкви с. Посадников Остров¹.

В 1897 г. Иван Петрович окончил по первому разряду Петербургскую духовную семинарию, обвенчался с дочерью диакона церкви Всех Святых при Ушаковском земском училище и больнице Игнатия Каменева Марией Зимневой. 24 мая 1898 г. Иван Зимнев был рукоположен во диакона в Исаакиевском соборе. 19 мая 1898 г. он был определен в Свято-Троицкую церковь села Красное Царскосельского уезда², где служил диаконом по 20 марта 1907 г.

С 1 февраля 1905 г. о. Иоанн также работал законоучителем Михайловского земского училища, с 8 сентября 1906 г. — законоучителем Петербургского реального училища Юргенсона и с 2 ноября 1906 г. — законоучителем Николаевского земского училища (до лета 1907 г.)³. 6 мая 1906 г. он получил благословение Св. Синода. 20 марта 1907 г. о. Иоанна перевели в Сергиевскую церковь на Новосивковской улице в Петербурге. С 1 сентября 1907 г. диакон также работал законоучителем Сергиевской приходской школы, 1 декабря того же года он был утвержден законоучителем 14-го Нарвского городского мужского училища, а с 14 октября 1908 г. стал трудиться законоучителем Московского девятиклассного училища, продолжив работу в 14-м Нарвском училище⁴.

21 мая 1909 г. о. Иоанн Зимнев был назначен настоятелем церкви Всех Святых при Ушаковском земском училище и больнице на Петергофском шоссе, д. 54 (ныне — пр. Стачек, д. 34), история которой была непосредственно связана с Путиловским заводом (здесь он служил до 1919 г.). 30 мая 1909 г. о. Иоанн был рукоположен во иерея епископом Сергием (Страгородским) в Петропавловском соборе⁵.

Весной 1919 г. настоятелем Ушаковской церкви Всех Святых был назначен известный церковный деятель, узник Соловецкого лагеря архимандрит Феодосий (Алмазов).

Путиловский храм, 1910 г.

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 115. Д. 67. Л. 3.

² Там же. Л. 4, 11; Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899. Стб. 348 (2-я паг.); Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1898. № 22.

³ Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1905. № 3; 1906. № 21–22.

⁴ Там же. 1907. № 6; 1908. № 21, 24.

⁵ Там же. 1912. № 11; Весь Петроград. Пг., 1917. Ст. 413.

В своих воспоминаниях он отмечал, что один из членов причта Всехсвятской Ушаковской церкви перешел служить в Путиловский храм после расстрела его настоятеля протоиерея Павлина Смирнова⁶. Несомненно, что здесь говорилось об о. Иоанне Зимневе, к началу 1920-х гг. возведенному в сан протоиерея. Правда, настоятелем церкви он стал только в 1920 г., сменив на этом посту священника Василия Нечаева. Таким образом, с 1920 г. до ее закрытия 2 февраля 1925 г. о. Иоанн Зимнев служил настоятелем Путиловского храма. В 1920–1923 гг. он также состоял членом приходского совета, причем с 1920 до осени 1922 гг. являлся его председателем⁷.

После Октябрьского переворота Путиловская церковь оставалась действующей, и число ее прихожан доходило до 12 тысяч человек. В соответствии с советскими законами общине приходилось регистрироваться, заключать договор о пользовании храмом и утверждать состав приходского совета — так называемой «двадцатки» (по закону в него должно было входить не менее 20 человек).

1 сентября 1921 г. Путиловский приходской совет представил в отдел управления Петрогубисполкома справку о составе с указанием, что возникший в 1898 г. при постройке храма церковный совет продолжает свою деятельность, в него входят 38 человек — рабочих и служащих, а председателем является протоиерей Иоанн Зимнев. 5 марта 1922 г. произошли перевыборы приходского совета (о. Иоанн остался в его составе), 22 марта община Путиловского храма вновь была официально зарегистрирована⁸.

Уже в начале 1920-х гг. о. Иоанну Зимневу пришлось претерпеть много тяжелых испытаний. В первый раз советские власти попытались закрыть Путиловский храм весной 1922 г., в результате чего он не действовал около двух недель — с 4 по 20 мая. Временное закрытие храма произошло в ходе проведения высшим руководством РКП(б) и советского государства кампании по изъятию церковных ценностей. Эта широкомасштабная кампания в Петрограде началась с апреля 1922 г. Несмотря на вероятные репрессии, именно рабочие Путиловского завода оказали фактически самое сильное в городе сопротивление большевистской политике изъятия церковных ценностей, которое смогли подавить только с помощью оружия. В частности, при попытке членов специальной комиссии 4 мая изъять ценности из храма собралась многочисленная толпа верующих, которая оказала решительное и самоотверженное сопротивление.

3 мая, накануне проведения этой акции, председатель районной подкомиссии по изъятию церковных ценностей указал членам причта и приходского совета, чтобы «они приняли самое активное участие и предупредили волнения». Когда же о. Иоанн и другие священнослужители сказали, что «за спокойствие ручаться не могут», их известили, что вина ляжет на них и приходской совет». Подкомиссия запросила у городских властей прислать «четыре автомобиля и 40 коммунаров», а также наряд милиции. На случай массовых волнений в резерве находился и отряд вооруженных курсантов⁹.

На следующий день после 12 часов к церкви приехали два автомобиля с 12 рабочими-коммунистами под охраной милиции. Уполномоченный по изъятию ценностей из Путиловского храма М. Левицкий составил специальный акт, подписанный о. Иоанном, и собирался приступить к изъятию. Однако собравшиеся прихожане забросали камнями милицию, обрезали шланги у пожарной машины, испортили автомобиль фабрики Госзнак и нанесли побои членам комиссии, в том числе Левицкому, после чего изъятие прекратилось. При этом настоятель, стремясь избежать кровавых эксцессов, успокаивал прихожан. В частности, арестованный член приходского совета Василий Иванович Соустов на допросе 9 мая так говорил о поведении о. Иоанна: «Из церкви выходил священник, имея в руках две чаши, и успокаивал публику,

⁶ Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М., 1997. С. 43.

⁷ Центральный государственный Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4. Л. 336–337; Д. 44. Л. 21 об.; Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 50; Д. 51, 70, 72.

⁸ Там же. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4. Л. 336–337; Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 49.

⁹ Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 58.

говоря: «Видите, оставляют эти чаши». Когда священник вернулся обратно в церковь, толпа начала вести себя в беспорядке, как то видно было, что бросают камнями»¹⁰. На заседании Петроградского губернского революционного трибунала 24 июня В. И. Соустов дал похожие показания: «4-го мая... у храма была толпа, через некоторое время вышел священник, который успокоил толпу, сказав, что все обстоит благополучно, и Комиссия оставила просимые ценности в храме»¹¹.

Однако действия о. Иоанна лишь временно успокоили собравшихся. В 14 часов пришедший к председателю районной подкомиссии милиционер известил его о «возмущении толпы», после чего последовал срочный вызов 25 курсантов и 30 бойцов из отряда ЧОН (частей особого назначения). Прибывшему вскоре к месту событий председателю подкомиссии пришлось спастись бегством от преследовавших его с камнями рабочих.

В дальнейшем подошедшие бойцы ЧОН, а затем и курсанты силой разогнали верующих, при этом несколько раз велась стрельба поверх голов собравшихся. Тяжело раненного Левицкого, в сопровождении о. Иоанна, вместе с другими пострадавшими, на автомобиле отвезли в больницу завода «Треугольник». После этого, по сохранившемуся у Левицкого акту из храма изъяли и вывезли многие серебряные предметы утвари, ризы и т.п. В составленной в тот же день докладной записке районной подкомиссии по изъятию церковных ценностей тенденциозно отмечалось: «Как видно, со стороны приходского совета заранее подготовлялось сопротивление, а затем, когда оно происходило, то духовенство, желая скрыть эту затею, как бы старалось уговорить бунтующих»¹².

В сводке общего политического состояния Нарвско-Петергофского района за апрель-май 1922 г. (от 23 мая) в графе ответа на вопрос «Наблюдались ли контрреволюционные выступления и агитация духовенства?» говорилось: «4 мая при изъятии церковных ценностей из церкви Николая Чудотворца (ул. Стачек, 70, около Путиловского завода) собравшейся толпой было сделано бесчинство и нападение на участников изъятия и представителей охраны: несколько лиц было избито, в том числе уполномоченный от райподкомиссии по изъятию т. Левицкий (рабочий завода “Треугольник”), красноармеец Иван Иванов и помощник начальника 1-го участка милиции т. Розанов». При разгоне толпы были «проведены аресты виновных, и дело передано через управление раймилиции в Петрогубревтрибунал». При этом приходской совет обвинялся «в непринятии соответствующих мер»¹³.

По делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» из Путиловской церкви были арестованы 22 ее прихожанина. 9 мая районное Управление милиции передало в ППУ 22 человека, которые обвинялись «в избиении при изъятии ценностей из Путиловской церкви и агитации, а также в кидании камнями в комиссию и милицию». Арестованные были заключены в Первый исправительный дом (тюрьму)¹⁴. В дальнейшем семь прихожан Путиловского храма предстали на судебном процессе 10 июня — 5 июля 1922 г. Три из них были приговорены к шести месяцам лишения свободы, а четверо других — оправданы и освобождены.

3 июня 1922 г. районная подкомиссия по изъятию церковных ценностей направила в отдел юстиции Петросовета доклад о необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся в ведении Петроградского губернского революционного трибунала и виновных «в деянии бесчинства с избиением участников изъятия», с иском о возмещении приходским советом моральных и материальных убытков пострадавшим на сумму 373 589 рублей. При этом отмечалось, что вызванные

¹⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-89305. Т. 3. Л. 246.

¹¹ Там же. Т. 5. Л. 435.

¹² ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 58.

¹³ Там же. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 1420. Л. 78 об.—83.

¹⁴ АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-89305. Т. 3. Л. 218.

в подкомиссию «для добровольной уплаты этой суммы» представители духовенства и члены приходского совета отказались ее заплатить¹⁵.

В прилагаемом к докладу списке лиц, которых предлагалось привлечь в качестве обвиняемых по делу о сопротвлении изъятию церковных ценностей», перечислялись более 30 человек, заключивших договор о пользовании храмом с отделом управления райсовета: четыре члена причта, в том числе о. Иоанн Зимнев, а также все члены приходского совета («двадцатки»)¹⁶. Подобные репрессии даже революционно-му трибуналу показались чрезмерными и проведены не были.

Массовое сопротивление верующих заставило советские власти отказаться от полного изъятия ценностей из Путиловского храма. Значительная часть его серебряной утвари и святынь была выкуплена прихожанами, сдавшими равное по весу количество собранного ими серебра, о чем 29 мая 1922 г. составили специальный акт, подписанный настоятелем.

В день героического сопротивления прихожан изъятию церковных ценностей, 4 мая 1922 г. Путиловский храм был закрыт по распоряжению заведующего районным церковным столом. Однако верующие продолжили борьбу. 18 мая приходской совет во главе со своим председателем о. Иоанном Зимневым подал в райисполком заявление с просьбой разрешить открыть церковь ввиду приближения храмового праздника¹⁷. Через два дня районная подкомиссия по изъятию церковных ценностей известила приходской совет о разрешении открыть церковь для богослужений. Таким образом, в то время советские власти были вынуждены уступить массовому сопротивлению прихожан, и 20 мая Путиловский храм открылся вновь.

В начале 1922 г. у советского руководства появились планы произвести раскол, создать более покорную церковную организацию. В ЦК РКП(б) и Совнаркоме пришли к выводу, что руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки должно взять в свои руки так называемое обновленческое духовенство, целиком и полностью лояльное советской власти и правительству.

Православное духовенство и миряне пытались бороться с обновленцами по всей стране. Но первой возникла Петроградская автокефалия, не признававшая власть созданного при активном участии ГПУ Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Она окончательно оформилась в августе 1922 г. Возглавляли ее епископы Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). После ареста владыки Алексея признанным лидером автокефалистов стал епископ Петергофский Николай (в будущем — митрополит Крутицкий и Коломенский). Он за короткий срок сумел создать сильную централизованную организацию. Вскоре число петроградских приходов, не признавших обновленцев, достигло 65, в их числе с августа 1922 г. была и Путиловская церковь.

Это, в частности, видно из протоколов общих собраний ее прихожан, которые проводились несколько раз в год с обязательного разрешения районных советских властей. Председателем приходского совета в это время являлся протоиерей Иоанн Зимнев. 30 ноября 1922 г. члены приходского совета (в том числе о. Иоанн) обратились к районным властям за разрешением совершить 3 декабря в храме литургию епископу Петергофскому Николаю. Разрешение было получено и глава Петроградской автокефалии приехал в Путиловскую церковь. Это была последняя архиерейская литургия в храме перед его закрытием¹⁸.

Через два месяца, 10 февраля 1923 г. епископ Николай был арестован. Лишенная руководителей, под репрессивными ударами Петроградская автокефалия начала распадаться, и почти все входившие в нее общины признали обновленческое Епархиальное управление. В марте 1923 г. и прихожане Путиловской церкви на своем общем собрании приняли решение признать своим правящим архиереем обновленческого управляющего епархией «архиепископа» Петроградского и Лужского Артемия

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 56–57.

¹⁶ АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-89305. Т. 5. Л. 160.

¹⁷ Там же. Т. 3. Л. 305.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 76.

(Ильинского), 25 марта они выбрали делегатов на окружное собрание. А 29 марта в помещении Путиловского храма даже прошло собрание благочинных для выборов делегатов на обновленческое Епархиальное собрание¹⁹.

Вскоре положение в Русской Церкви существенно изменилась. 27 июня 1923 г. был освобожден Патриарх Тихон. Через короткое время по всей стране начался быстрый спад влияния обновленцев и массовое возвращение верующих под окормление Предстоятеля Русской Церкви. В Петроградской епархии этот процесс развернулся осенью 1923 г. — после назначения Патриархом управляющим епархией епископа Лужского Мануила (Лемешевского). В конце 1923 г. в каноническую Церковь вернулась и община Путиловского храма.

14 декабря приходской совет, согласно своему единогласному решению, обратился к епископу Мануилу с прошением «принять общину под свое духовное водительство». Это решение поддержали все четыре члена причта, в том числе о. Иоанн Зимнев, которые написали: «К сему протокольному постановлению и прошению присоединяемся». 25 декабря владыка Мануил поставил на прошении резолюцию: «Согласен принять под свое духовное руководство причт и приход Путиловской церкви»²⁰. Таким образом, с декабря 1923 г. и до своего закрытия Путиловский храм принадлежал к Патриаршей Церкви.

11 апреля 1924 г. протоиерей Иоанн Зимнев подписал составленный представителями милиции акт об ограблении храма. В этот день были украдены четыре серебряных предмета, четыре завесы и пять облачений²¹. Их стоимость членам причта и приходского совета пришлось возместить из собственных средств. 4 июля того же года о. Иоанн заверил новую инвентарную опись церковного имущества²².

В начале 1925 г. якобы «по инициативе рабочих и отдельных мастеровых» советскими властями Ленинграда был поднят вопрос о закрытии Путиловского храма и использовании его здания под Дом просвещения. В проведении этой акции был лично заинтересован председатель Ленсовета и Коммунистического интернационала Г. Е. Зиновьев, который в этот период боролся за власть в стране со Сталиным и стремился представить себя ближайшим сподвижником Ленина, ревностным революционером и противником религии.

31 января 1925 г. президиум Ленгубисполкома принял постановление о закрытии Путиловского храма: «Согласно вынесенного решения по всем мастерским завода “Красный Путиловец”, Путиловскую церковь закрыть, использовав помещение ее под Домпросвет»²³. Операцию решили провести внезапно, поэтому настоятеля и приходской совет известили о решении закрыть храм только в день самой акции. Фактически церковь закрыли при активной поддержке милиции 2 февраля 1925 г. В этот день протоиерей Иоанн Зимнев был вынужден подписать акт закрытия и опечатывания храма²⁴.

В городских газетах с задержкой напечатали о принятом постановлении президиума Ленгубисполкома. После этого, 2 февраля (в день закрытия храма) в Смольный пришла представительная делегация верующих, которая заявила, что на заводе «Красный Путиловец» имеются лишь 1200 коммунистов и 900 комсомольцев, которые «насилуют, притесняют беспартийных рабочих». Пришедшие просили представителей властей: «Помогите нам, нас восемь тысяч верующих». На следующий день в Смольный действительно принесли около восьми тысяч подписей, в том числе целых семейств с детьми²⁵. Одним из организаторов этой акции был протоиерей Иоанн Зимнев.

¹⁹ Там же. Л. 78.

²⁰ Там же. Л. 79.

²¹ Там же. Л. 81.

²² Там же. Д. 51.

²³ Там же. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 104. Л. 17 об.

²⁴ Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 147–148, 150.

²⁵ Там же. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 3. Л. 73–75.

Из-за массовых протестов верующих решение о закрытии Путиловской церкви принималось высшими советскими инстанциями. Так, 13 февраля постановление президиума Ленгубисполкома утвердил пленум Ленинградского совета²⁶. 26 февраля и Секретариат председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета известил городские власти, что президиум ВЦИК утвердил решение о закрытии церкви и «отклонил просьбу верующих» о его пересмотре²⁷.

Архимандрит Феодосий (Алмазов) в своих воспоминаниях так описывает эти события и участие в них протоиерея Иоанна Зимнева: «Перехожу к трагической гибели Путиловского храма. Он закрытию не подлежал, если следовать даже большевистскому декрету. Он был всегда приходским, а не домовым... Нужно было доказать, что путиловский рабочий ненавидит свой храм, горит желанием превратить его в клуб. Удалось ли это доказать? Никак не удалось инсценировать согласие рабочих закрыть свой храм, построенный на их трудовые гроши. Все улицы за Нарвской заставой поселены путиловскими рабочими. Если не считать химического завода (75–100 чел.), за Нарвской заставой и фабрик больше нет. И вот все население тех мест, взволнованное слухами о готовящемся закрытии храма путиловцев, бросилось на защиту своего чудного великолепного храма, и духовенство тут ни при чем.

Еще при изъятии церковных ценностей рабочий Крылов П. И. еле унес ноги из Путиловского храма, опершись руками о плечи настоятеля о. Зимнева (Крылов был во главе комиссии отбиравшей золото и серебро). А духовенство путиловского храма по своему авторитету было ниже всякой критики. Протоиереем там был Александр Молчанов [в действительности — Беляев]. Ни Зимнев, ни Молчанов проповедей не говорили, действовали только кадилом и кропилом, выпивали да закусывали, а о. Зимнев был большой мастер рассказывать анекдоты, чем рабочим и нравился.

И отцы, и дети, и матери, и дочери, и молодые, и старые — все оказали сопротивление. Много значила тут и моя пропаганда. Но больше тут заслуг протоиерея Клеандрова, мученика. Сколько собраний на заводе не назначали, сколько голосований не производили, все получались результаты нежелательные: не отдают рабочие храма под клуб. Пустили в ход Евдокимова, члена Петросовета, рабочего экспедиции заготовления государственных бумаг. Вновь созвали собрание. Пропускали только по билетам, а билеты выдавали только коммунистам и сочувствующим. Мало голосов за закрытие.

И вот взволнованные христиане видят, что идут целые тучи грузовиков: наполненных молодежью с возбужденными лицами. Решили, что едут оцепить храм и оттеснить верующих от храма. Женщины стали молиться посредине дороги наперерез машинам. Произошло замешательство. Грузовики снова тронулись. Милиция энергично действовала. Кое-кого задавили. Стоны, крики, ужас. Полетели камни. Вмешалась конная милиция. Грузовики проехали. Комсомольцы со всех концов города на собрании неистовствовали. Евдокимов ругал защитников храма “белой сволочью”. Нескольким христианам, бывшим на собрании вопреки всем кордонам, почти не давали говорить, а над говорившим издевались. Атмосфера была грозовая. Все были наэлектризованы. При голосовании тысячи комсомольских рук поднялись за закрытие храма. А комсомольцы эти не имели никакого отношения к Нарвскому району и Путиловскому храму. И храм не для неверующих, а для верующих. Проголосовали обращение храма в клуб. Но надо решение провести в исполнение, т. е. фактически закрыть. Не дает народ: тут грузовики не помогут. И день, и ночь народ стеной сторожил церковь. Около нее молитвы, пение. Около трех месяцев прошло, пока народная энергия пошла на убыль. Закрыли святое место. Устроили мерзость запустения. Говорят, ухлопали двести тысяч рублей на переделку под клуб. Я его видел, хотя и противно было видеть. Занятия в клубе долго не начинались, все боялись народного гнева.

²⁶ Там же. Л. 72, 78.

²⁷ Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Л. 156, 158.

Итак, рабочий народ ярко показал, какой он правды хочет: марксистской или христианской. Нельзя говорить, что церковь защищал рабочий по невежеству. Народ рабочий лучше нас знает свою пользу, ибо душа человека по природе христианская. Церковь защищал не народ, одурманенный “попами”, а народ, сознающий свою государственность христианской. И опять по сему делу аресты, тюрьмы, суд, ссылки и даже расстрелы. И где теперь Иван Петрович Зимнев, и Александр Алексеевич Молчанов [правильно — Беляев] — иереи путиловские? Чем они кормят своих уже поднявшихся многочисленных детишек? Горе! Горе! Спасли жен и детей, но погубили церковное дело»²⁸.

Действительно, когда Путиловскую церковь захотели превратить в советский клуб, рабочие с женами и детьми двинулись на ее защиту. Около трех месяцев длилась фактическая осада храма. Верующие выстраивались живой цепью, защищая свою святыню. По некоторым сведениям были задавленные и убитые в давке, милиция производила аресты защитников храма. Некоторые из них были отправлены в ссылку или умерли в тюрьмах от голода и болезни²⁹. Подобная ситуация с Путиловской церковью была редким для того времени явлением: свой храм защищали не единицы, как обычно, а сотни прихожан.

Лишь 3 апреля начался вывоз церковного имущества. В этот день вывезли 523 предмета на склад производственно-экономического отдела Московско-Нарвского райисполкома и 23 серебряных предмета, общим весом 570 граммов (которые весной 1922 г. выкупили прихожане), в губернский финансовый отдел³⁰. Часть церковного инвентаря: 130 икон, запрестольный крест, Голгофу, 22 богослужебных книги и др. передали в действующую Казанскую церковь на Красненьком кладбище³¹.

Путиловский храм был окончательно ликвидирован как церковное здание 5 мая 1925 г. Через месяц, 6 июня президиум Ленгубисполкома принял постановление (протокол № 7): утвердить решение президиума Ленгубэконо от 1 апреля — передать оставшееся имущество храма Домпросвету при заводе, а также «предложить ускорить переоборудование помещения церкви под клуб»³².

Обвинения о. Феодосия членов причта Путиловской церкви в недостаточном сопротивлении, фактически даже в трусости, не вполне справедливы. В тех условиях закрытию храма невозможно было помешать. Протоиерей Иоанн Зимнев участвовал в сборе подписей верующих и подачи прошения во ВЦИК. Вероятно, он старался действовать легальными методами, рассчитывая ими спасти от закрытия храм, как это уже было в мае 1922 г. Все три члена причта Путиловской церкви на февраль 1925 г.: о. Иоанн, протоиерей Александр Беляев и диакон Василий Сутокский в дальнейшем были расстреляны, кровью засвидетельствовав свою верность Христу.

Протоиерей Иоанн Зимнев с весны 1925 по весну 1936 гг. около десяти лет вновь служил в церкви Всех Святых (бывшей при Ушаковском земском училище) на проспекте Стачек³³. Следует отметить, что в этот храм, община которого в 1924 г. вернулась из обновленческого раскола в Московский Патриархат, перешли и другие бывшие члены причта Путиловской церкви. О. Иоанн служил в церкви Всех Святых вторым священником.

Вскоре после закрытия Путиловской церкви, в 1925–1926 гг. о. Иоанн фиктивно развелся со своей женой Марией Игнатьевной, снова взявшей девичью фамилию Каменева, чтобы, как он показал на допросе 1938 г., «дать возможность учиться... детям». При этом протоиерей вплоть до своего ареста материально помогал проживавшим

²⁸ Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания... С. 58–61.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 1. Л. 58.

³¹ Там же. Д. 49. Л. 164–165.

³² Там же. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 104. Л. 105.

³³ Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 569.

отдельно жене и детям³⁴. Весной 1935 г., при массовой высылке духовенства из Ленинграда в ходе так называемого «Кировского потока», протоиерей Иоанн Зимнев оказался оставлен в городе³⁵.

Церковь Всех Святых была закрыта в мае 1936 г. и в том же году снесена. Все члены ее причта были вынуждены перейти в другие храмы города. Протоиерей Иоанн Зимнев со 2 июня 1936 г. до декабря 1937 г. служил в Троицком Измайловском кафедральном соборе. 9 декабря 1937 г. о. Иоанн был переведен в церковь святого Иоанна Предтечи на Лиговском проспекте³⁶.

В начале 1938 г. он служил в Николо-Богоявленском Морском соборе, затем ушел по болезни за штат. Пастырь был арестован у себя на квартире 26 февраля 1938 г. В справке на арест от 22 февраля говорилось, что о. Иоанн якобы «ведет активную антисоветскую деятельность среди прихожан и духовенства Троицкого собора. Проводит контрреволюционную агитацию и пропаганду, распространяет контрреволюционные провокационные слухи о гонении на Церковь, религию и верующих. В контрреволюционном духе критикует новую Сталинскую Конституцию»³⁷. При аресте у пастыря изъяли 22 богословские книги, паспорт и 60 рублей.

Непосредственной причиной ареста о. Иоанна стали показания на допросе 16 февраля настоятеля Троицкого Измайловского собора протоиерея Михаила Славницкого. Он сказал следователю, что знает протоиерея Иоанна Зимнева, как человека систематически проводящего контрреволюционную агитацию. В частности, в 1936 г. о. Иоанн говорил: «Советским правительством с одной стороны провозглашается Конституция, а с другой стороны усиливаются репрессии, не прекращаются расстрелы людей, как ранее, так и сейчас, при объявлении новой Конституции, органы НКВД продолжают отбирать у людей паспорта и высылать из центральных городов Союза, как Ленинграда и других городов. Доказательством является то, что в день объявления проекта Конституции к нему, то есть Зимневу, на квартиру явились сотрудники милиции и отобрали паспорт у его жены и предложили ей выехать из города Ленинграда за приделы 101 километра, человеку ни в чем не виновному»³⁸.

По свидетельству протоиерея Михаила Славницкого, о. Иоанн также говорил: «Советское правительство в своих законодательствах пишет, что Церковь отделена от государства, а в действительности занимается гонениями против религии, не давая возможности служить»³⁹. Другим свидетелем был священник Владимир Константинович Воскресенский (сам вскоре приговоренный к высшей мере наказания и расстрелянный 12 марта 1938 г.) из русско-эстонской Успенской церкви г. Красногвардейска (ныне — Гатчина), который на допросе показал, что знает протоиерея Иоанна Зимнева три года, и он якобы всегда «ведет контрреволюционные разговоры»⁴⁰.

На единственном допросе 26 февраля протоиерей, возможно, под пытками сознался в то, что «высказывал систематически контрреволюционное недовольство мерами, проводимыми Советской властью». В частности, о. Иоанн заявил следователю, что власти «с одной стороны публикуют многообещающую Конституцию, а на деле не прекращаются расстрелы лучших людей страны». Признался пастырь и в своих словах о том, что Петр Алексеев и Иван Газа были обыкновенными рабочими и хулиганами и недостойны того, чтобы их именами называли улицы

³⁴ АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-72408. Л. 20.

³⁵ Репрессии православного духовенства Ленинграда и области в 1930-е гг. / Сост. М. В. Шкаровский. СПб., 2010. С. 82.

³⁶ *Алексий (Симанский), митр.* Алфавитный список клира Ленинградской области на 1 мая 1937 г. / Изд. подгот. А. А. Бовкало, А. К. Галкин. СПб., 2014. С. 58, 195.

³⁷ АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-72408. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 14–15.

³⁹ Там же. Л. 15.

⁴⁰ Там же. Л. 17.

и проспекты⁴¹. Важно подчеркнуть, что протоиерей не дал ни о ком нужных следователю обвинительных показаний.

Следствие было чисто формальным и недолгим. Уже 11 марта о. Иоанн оказался приговорен Особой Тройкой при Управлении НКВД Ленинградской области к высшей мере наказания по обвинению в том, что он якобы «систематически среди окружающих проводил контрреволюционную агитацию, распространял провокационные измышления о гонениях в СССР на религию и верующих. Злостно клеветал на Сталинскую Конституцию. Высказывал сожаления о расстрелах врагов народа. Доказывал неизбежность поражения СССР в войне с фашистами»⁴².

Протоиерей Иоанн Зимнев был расстрелян в Ленинграде 12 марта 1938 г. и похоронен на Левашевской пустоши. О. Иоанн был реабилитирован Прокуратурой Ленинграда 7 августа 1989 г.⁴³ Память о последнем настоятеле Путиловской церкви сохраняется в приходе возрожденного храма.

Источники и литература

1. *Алексий (Симанский), митр.* Алфавитный список клира Ленинградской области на 1 мая 1937 г. / Изд. подгот. А. А. Бовкало, А. К. Галкин. СПб., 2014.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-89305; Д. П-72408.
3. *Весь Петроград*. Пг., 1917.
4. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1898. № 22; 1905. № 3; 1906. № 21–22; 1907. № 6; 1908. № 21, 24; 1912. № 11.
5. Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899.
6. Репрессии православного духовенства Ленинграда и области в 1930-е гг. / Сост. М. В. Шкаровский. СПб., 2010.
7. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-, церковнослужителей, монашествующих и мирян Северо-Запада России. СПб., 2017.
8. *Сорокин В., прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005.
9. *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М., 1997.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 104. Оп. 2. Д. 1, 49, 51, 70, 72; Ф. 1000. Оп. 9. Д. 3, 104; Ф. 1001. Оп. 3. Д. 1420; Оп. 7. Д. 4; Д. 44.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 115. Д. 67.

⁴¹ Там же. Л. 21–22.

⁴² Там же. Л. 24.

⁴³ Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-, церковнослужителей, монашествующих и мирян Северо-Запада России. СПб., 2017. С. 196–197.

ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Н. Р. Славнитский

Ведомственная принадлежность
Петропавловского собора
в XVIII–XIX вв.

УДК 94(470)+271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_50
EDN ICCBIS

Аннотация: Петропавловский собор в XVIII–XIX вв. находился на особом положении. В первую очередь, он являлся придворным собором, местом погребения членов императорской семьи. Официально собор считался кафедральным, однако кафедральные службы в нем проводились редко. Забота о сохранности имущества собора лежала на комендантском ведомстве крепости, технический надзор за содержанием в исправности здания Петропавловского собора осуществляла Строительная контора министерства императорского двора. В 1859 г. Петропавловский собор был передан из ведения епархии в Придворную строительную контору министерства императорского двора, но при этом у него по-прежнему оставались тесные связи с военным ведомством.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская крепость, Петропавловский собор, министерство императорского двора, юбилеи Санкт-Петербурга, А. В. Эллис, А. Я. Сукин.

Об авторе: **Николай Равильевич Славнитский**

Кандидат исторических наук, архивист научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

E-mail: slavnitski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Для цитирования: Славнитский Н. Р. Ведомственная принадлежность Петропавловского собора в XVIII–XIX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 50–58.

* Фотографии предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Nikolay R. Slavnitsky

Departmental affiliation
of the Peter and Paul Cathedral
in the XVIII–XIX centuries

UDC 94(470)+271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_50
EDN ICCBIS

Annotation: Peter and Paul Cathedral in the XVIII–XIX centuries. was in a special position. First of all, it was a court cathedral, a burial place for members of the imperial family. Officially, the cathedral was considered a cathedral, but cathedral services were rarely held in it. The concern for the safety of the property of the cathedral lay with the commandant's department of the fortress, technical supervision of the maintenance of the building of the Peter and Paul Cathedral was carried out by the Construction Office of the Ministry of the Imperial Court. And in 1859, the Peter and Paul Cathedral was transferred from the jurisdiction of the diocese to the Court Construction Office of the Ministry of the Imperial Court.

Keywords: St. Petersburg Fortress, Peter and Paul Cathedral, Ministry of the Imperial Court, anniversaries of St. Petersburg, A. V. Ellis, A. Ya. Sukin.

About the author: **Nikolay Ravilevich Slavnitsky**

Candidate of Historical Sciences, archivist of the scientific and departmental archive of the State Museum history of St. Petersburg.

E-mail: slavnitski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

For citation: Slavnitsky N. R. Departmental affiliation of the Peter and Paul Cathedral in the XVIII–XIX centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 50–58.

* Photos provided by the author.

Петропавловский собор, построенный в 1712–1733 гг. (до того времени на этом месте находилась деревянная церковь, возведенная в 1704 г.) до 1917 г. являлся придворным собором. В период перестройки собора (1712–1724) Петр I пристально следил за строительными работами¹, и в дальнейшем его потомки внимательно относились к состоянию здания: освящение собора происходило в присутствии императрицы Анны Иоанновны², перестройка колокольни после сильного пожара 1756 г. осуществлялась по указу императрицы Елизаветы Петровны. Работы производились под контролем Санкт-Петербургской Канцелярии от Строений, по ее же указанию российский посланник в Голландии занимался закупкой нового часового механизма³. Возведение нового шпиля в середине XIX в. началось по инициативе императора Николая I: в 1852 г. «Государь Император при посещении 19 сего ноября Санкт-Петербургской крепости Высочайше изволил заметить, что крест на шпиле погнулся»⁴. В апреле 1856 г. была создана комиссия для освидетельствования шпиля и принятия решения о его дальнейшей судьбе, а окончательное решение было принято императором Александром II, который изъявил согласие на устройство нового железного шпиля⁵. Но у представителей верховной власти, естественно, не было возможности заниматься вопросами повседневной жизни Петропавловского собора, этим занимались соответствующие ведомства.

Непосредственно строительными и ремонтными работами в первой половине XVIII столетия занималась Канцелярия от строений, в ведении которой находились все казенные и придворные постройки в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Позже ситуация стала меняться — в объявлениях 1770-х гг. подрядчиков, поставлявших для ремонтных работ строительный материал, приглашали явиться для торгов уже не в Канцелярию, а непосредственно в Санкт-Петербургскую крепость⁶.

Положение духовенства Петропавловского собора отличалось от остальных храмов Российской империи. В 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о придании собору кафедрального значения, однако кафедральные службы и архиерейские служения, отправлявшиеся высшими иерархами церкви, здесь стали проводиться позднее (с 1737 г.)⁷. При этом расположение Петропавловского собора не позволяло проводить здесь регулярные богослужения — в апреле и в ноябре во время ледохода и ледостава он оказывался отрезанным от левобережной части города, и архиерейские служения проводились в других храмах, а со временем большая часть служб стала проходить в Казанском соборе (начало этому было положено в царствование Екатерины II⁸, а окончательно закрепилось в царствование Павла I⁹). Однако еще в начале царствования Екатерины II Петропавловский собор оставался главным в столице

¹ Элькин Е. Н. Строительство Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 62–65.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1733. № 53. 2 июля. С. 214; Журнал Кабинета Министров, 29 июня 1733 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 106. Юрьев, 1898. С. 321.

³ Новоселов С. Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостол Петра и Павла в Санкт-Петербурге. СПб., 1857. С. 10.

⁴ Цит. по: Ознобишина Т. Н. К вопросу о сооружении шпиля и создании четвертого Ангела Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 191.

⁵ Там же.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1773. № 44. 31 мая; 1773. № 50. 21 июня; 1775. № 59. 24 июля.

⁷ Трофимов С. В. Церковно-служебная жизнь Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 272–273.

⁸ В то время это была церковь Рождества Пресвятой Богородицы. О службах см.: Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004. Перенос служб был, скорее всего, связан с тем, что в Петропавловском соборе в то время шли ремонтные работы. С 1770-х гг. архиерейские службы проходили и в других церквях столицы (подробнее см.: Трофимов С. В. Церковно-служебная жизнь... С. 273).

⁹ Флоринский Д. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского собора. СПб., 1857. С. 89.

империи. Отметим в частности, такой момент — 22 сентября 1762 г., в день коронации императрицы «весь генералитет и прочие всех классов чины съехались в Петропавловский собор», где состоялась литургия и молебен¹⁰.

В 1785 г. коменданту крепости поступило следующее отношение: «Минувшего мая 30 в полученном в экспедицию от его превосходительства г-на Директора, тайного советника, сенатора и кавалера Петра Васильевича Заводовского ордере объявлено, что ее императорское величество приказать соизволила строение Петропавловской соборной церкви dokonченное под смотрением экспедиции отдать в ведомство вашего превосходительства, во исполнение чего и благоволите ваше превосходительство помянутое церковное строение и часовую и колокольную машину по приложенной при сем описи принять в свое ведение от оной экспедиции...»¹¹

Петр Васильевич Заводовский (1739–1812) являлся в 1770-е гг. кабинет-секретарем императрицы, поэтому выскажем предположение, что ремонтные работы производились под непосредственным контролем императрицы и ее канцелярии, а после их завершения, собор был передан в ведение коменданта крепости.

Отдельно отметим трофейные знамена, доставлявшиеся в Петропавловский собор в конце XVIII и начале XIX вв. Предписание об их приеме и дальнейшей передаче в собор комендант крепости получал от главнокомандующего в столице (военного губернатора Санкт-Петербурга)¹². Эти трофеи передавались на хранение плац-майору крепости¹³. При назначении нового плац-майора уходивший передавал ему все имущество по описи¹⁴. Позже было установлено, что первая опись трофеев была составлена в 1795 г., правда, без обозначения, когда в собор были переданы те знамена¹⁵.

Еще один интересный документ, касающийся работ, относится к 1823 г. Комендант крепости А. Я. Сукин в марте обратился к Санкт-Петербургскому военному губернатору с отношением о необходимости проведения в Петропавловском соборе ремонтных работ (к нему была приложена смета, составленная архитектором собора). Военный губернатор (непосредственный начальник коменданта), в свою очередь, направил отношение в министерство внутренних дел, после чего оно было рассмотрено в комитете министров¹⁶.

То есть по сути дела, Петропавловский собор в тот период оказался в ведении военного министерства, но в то же время, ремонтные работы согласовывались через министерство внутренних дел с высшими государственными учреждениями. Более того, из представленного документа видно, что строительный комитет министерства внутренних дел направил в крепость своего архитектора, который составил новую смету (предложил немного сэкономить)¹⁷.

В последующие годы (и десятилетия) при необходимости проведения ремонтных работ в соборе учреждали комитеты для этого. Один из таких был учрежден в 1830 г.¹⁸, следующий — в 1841 г. (для исправления пришедших в ветхость полов, рам, кровли печей и прочего)¹⁹. В то десятилетие Петропавловский собор содержался из особых сумм духовной консистории²⁰.

Во второй половине XIX столетия ситуация изменилась. В 1858 г. главным (кафедральным) храмом Санкт-Петербургской епархии был объявлен Исаакиевский

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1762. № 77. 24 сентября.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1280. Оп. 2. Д. 22. Л. 85.

¹² Там же. Д. 86. Л. 335, 337, 338.

¹³ Там же. Д. 368. Л. 29 об.

¹⁴ Там же. Л. 12 об.; Д. 1104. Л. 6.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 3192. Л. 5.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 202. Л. 91.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Флоринский Д. И.* Собор во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. СПб., 1882. С. 30.

¹⁹ *Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостол... С. 17.

²⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 360. Л. 5.

Петропавловская крепость

собор. В связи с этим в 1859 г. здание Петропавловского собора было передано в придворную строительную контору, а в 1863 г. и причт был изъят из ведения Санкт-Петербургской епархии и передан в Придворное духовное ведомство. С этого времени собор и формально стал придворным²¹.

Незадолго до того возник вопрос и о подчиненности не только Петропавловского собора, но и церковного дома при нем. Связано это оказалось с усилением гарнизона Санкт-Петербургской крепости в годы Крымской войны — осенью 1854 г. в ней было размещены два гренадерских батальона²². В это время комендант крепости поднял вопрос о постоянном присутствии в ней священнослужителей, а также о ремонте церковного дома²³. Однако митрополит в ответ написал, что не имеет средств для ремонтных работ. Дело затянулось, и в 1859 г. (то есть уже после окончания войны, когда надобность в усиленном гарнизоне отпала) митрополит сообщил, что «причт признает справедливым, чтобы помянутый дом, причтом не занимаемый и нужный для собора только на время печальных церемоний, передан был в ведение строительной конторы Министерства Императорского двора, которой по высочайше утвержденному 25 февраля сего года положению вверен технический надзор и содержание в исправности здания Петропавловского собора»²⁴. Строительная контора министерства императорского двора отказалась принимать в свое ведение соборный дом, так как не имела в своем ведении никаких зданий, и осуществляла только технический надзор за содержанием в исправности Петропавловского собора. Поэтому 27 июля 1860 г. император Александр II распорядился передать этот дом военному ведомству

²¹ Трофимов С. В. Церковно-служебная жизнь... С. 274.

²² РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 708. Л. 1.

²³ Там же. Д. 712. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 22–23.

для устройства в нем помещения командиру гарнизонного батальона «с тем, чтобы в оном отделено было два небольших покоя для принятия преосвященных архиереев»²⁵. Таким образом, Петропавловский собор и церковный дом оказались в ведении разных учреждений.

2 мая 1883 г. Петропавловский собор со всем церковным имуществом передан в ведение министерства императорского двора, после чего должность старосты при нем была упразднена²⁶.

Назначением архитекторов Петропавловского собора тоже ведало министерство императорского двора²⁷. Так же обстояло дело и с ктиторами: в 1883 г. плац-майор крепости полковник В. П. Сабанеев был утвержден министром императорского двора на должность ктитора собора на три года, затем на следующее трехлетие (1886–1889). В 1890 г. было предложено оставить В. П. Сабанеева в этой должности еще на три года²⁸. Но тут интересно то, что ктиторов назначали из числа военных. В начале XX в. эту должность занимал подполковник М. С. Веревкин²⁹. Священнослужителей в собор тоже назначал заведующий придворным духовенством³⁰.

Богослужения, связанные с памятью членов императорского дома, тоже согласовывались с министерством императорского двора. Однако бывали и исключения. В частности, в сентябре 1906 г. к коменданту крепости обратился управляющий конторой двора его императорского высочества Михаила Николаевича, сообщивший, что великий князь «изволил выразить желание», чтобы 7 сентября — накануне дня рождения великой княгини Ольги Федоровны (1839–1891), супруги Михаила Николаевича — в соборе была отслужена панихида, причем служить ее собиралось духовенство церкви дворца Михаила Николаевича³¹. Генерал от инфантерии А. В. Эллис (комендант крепости) направил это отношение настоятелю и ктитору собора³².

Со временем в состав церковного комплекса крепости вошли еще два здания — Великокняжеская усыпальница, а также и упоминавшийся выше Церковный дом. Однако в 1896 г. этот перестроенный дом был передан учрежденной в июле того года Строительной комиссии по сооружению усыпальницы. Данная комиссия, состоявшая из шести членов, входила в структуру Хозяйственного отдела министерства императорского двора. Строительство комплекса зданий Великокняжеской усыпальницы и церковного дома также осуществлялось на средства министерства императорского двора, и после окончательного завершения строительных работ в 1909 г. здания были переданы от Хозяйственного отдела министерства Дворцовому управлению³³, в ведение которого они, как и Петропавловский собор, входили вплоть до 1917 г.

В одной из предыдущих работ мы останавливались на богослужениях, проходивших в Петропавловском соборе в дни 200-летнего юбилея Санкт-Петербурга³⁴, и отмечали, что они проводились неофициально. Из вновь выявленных документов оказывается, что дело обстояло не совсем так.

По правилам, установленным распоряжением императора в марте 1898 г., возложение венков, медалей, лампад на гробницы членов императорского дома, разрешалось

²⁵ Там же. Л. 25, 46.

²⁶ Там же. Д. 2109. Л. 36; Д. 2014. Л. 34.

²⁷ Там же. Д. 2072. Л. 93, 99, 102.

²⁸ Там же. Д. 2109. Л. 36 об.

²⁹ Там же. Д. 3199. Л. 32, 33.

³⁰ Там же. Д. 2291. Л. 27.

³¹ Там же. Д. 3194. Л. 71.

³² Там же. Л. 72.

³³ Андреева Ю. П., Трубинов Ю. В. История строительства Великокняжеской усыпальницы // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 219–256.

³⁴ Славинский Н. Р. Церемонии в Петропавловском соборе в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга (май 1903 г.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 346.

Петропавловский собор

ту³⁹, но А. В. Эллис в документах писал, что он сам узнал из газет. Генерал сразу сообщил, городскому голове П. И. Леянову⁴⁰ и градоначальнику Н. В. Клейгельсу⁴¹ о необходимости согласования таких мероприятий. Ходатайство о возложении медали на гробницу Петра I от городского управления успели утвердить у императора (это было сделано 12 мая)⁴², а 16 мая министр императорского двора В. Б. Фредерикс уведомил А. В. Эллиса, что в дни юбилея комендант сам может давать разрешение на проведение церемоний и на возложение венков. При этом он должен был после завершения юбилейных торжеств доложить министру о всех мероприятиях, проходивших в те дни⁴³.

Разрешения комендант, по всей видимости, давал в устной форме, а о богослужениях и возложениях действительно докладывал в министерство императорского двора. Сохранились его сообщения о возложении венков на гробницу Петра I от средних учебных заведений Санкт-Петербурга, от города Киева⁴⁴, на гробницу императора

возлагать только с высочайшего соизволения, которое следовало получать через министерство императорского двора³⁵.

И действительно, такие обращения были перед юбилеем, причем Петровское коммерческое училище оформило его еще в апреле 1903 г.³⁶ Непосредственно перед торжествами было согласовано с министерством императорского двора и разрешение на богослужение с возложением венка для учащихя городских начальных и четырехклассных школ³⁷. Сама церемония состоялась 24 мая³⁸.

Но большая часть депутатов и организаций, которые собирались в период празднеств проводить богослужения в соборе, об этом правиле не знали. Комендант крепости узнал о некоторых из планировавшихся мероприятий из газет. Точнее, первым из газет об этом сведения получил настоятель Петропавловского собора, сразу сообщивший об этом коменданту

³⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2983. Л. 36.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 49.

³⁸ Там же. Л. 78.

³⁹ Там же. Л. 54.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 36.

⁴² Там же. Л. 41.

⁴³ Там же. Л. 63.

⁴⁴ Там же. Л. 67.

Александра III от городов Парижа⁴⁵, Тулона, Бреста⁴⁶, Компьена⁴⁷, о богослужениях (с возложением венков к гробнице Петра I), проводившихся депутациями от 17-го пехотного Архангелогородского и Смоленского пехотного полков⁴⁸.

Еще один аспект, который следует отметить. Петропавловский собор, находясь в Санкт-Петербургской крепости, все время был тесно связан с жизнью ее гарнизона. Приведем такой пример. В январе 1906 г. в собор доставили новые надгробия для могил императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Сообщение об этом комендант крепости А. В. Эллис получил от архитектора министерства императорского двора 15 января, и тут же отдал распоряжение начальнику инженеров о том, что к работе по ремонту Иоанновских ворот следует приступить не 17 числа (когда предполагалась доставка саркофагов), а на следующий день после этого⁴⁹.

Салютационная пальба в пасхальные дни производилась не по сигналу из Зимнего дворца (как обычно), а по часам Петропавловского собора⁵⁰. Кроме того, на пасхальные, и иные богослужения, проводившиеся в соборе, всегда наряжали офицеров и солдат гарнизона, и этим занималось комендантское управление — комендант отдавал соответствующий приказ, а адъютант комендантского управления следил за расстановкой воинских частей в церкви⁵¹.

Таким образом, в XVIII и XIX веках жизнь Петропавловского собора и деятельность его священнослужителей была наиболее тесно связана с двумя государственными ведомствами — комендантским управлением Санкт-Петербургской крепости и министерством императорского двора.

Источники и литература

Источники

1. Журнал Кабинета Министров, 29 июня 1733 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 106. Юрьев, 1898.
2. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1280. Оп. 2. Д. 22. Входящие бумаги по разным вопросам.
3. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 86. Рапорты инженерной команды.
4. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 202. Рапорты и ведомости инженерной команды.
5. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 360. Дело о доношении Инженерному департаменту о состоянии казенных строений в крепости.
6. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 368. О назначении в Санкт-Петербургскую крепость плацмайором полковника Лесникова.
7. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 708. Дело об увеличении числа фонарей в крепости.
8. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 712. Об исправлении и передаче в военное ведомство церковного дома, состоящего при Петропавловском кафедральном соборе.
9. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 1104. О назначении нижних чинов в управление коменданта Санкт-Петербургской крепости.
10. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2014. Переписка о Петропавловском соборе, о священнослужителях оного и о передаче оного в ведение министерства императорского двора
11. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2109. Переписка о Петропавловском соборе.

⁴⁵ Там же. Л. 69.

⁴⁶ Там же. Л. 73.

⁴⁷ Там же. Л. 72.

⁴⁸ Там же. Л. 71.

⁴⁹ Там же. Д. 3194. Л. 4, 8.

⁵⁰ Там же. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 29; Оп. 4. Д. 538. Л. 140.

12. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2291. Переписка о Петропавловском соборе.
13. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2983. О праздновании 200-летнего юбилея со дня основания Санкт-Петербургской крепости и города Санкт-Петербурга.
14. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 3192. Переписка о трофеях, хранящихся в Петропавловском соборе.
15. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 3194. Переписка по Петропавловскому собору, не имеющая особого значения.
16. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3199. О производстве в чины за выслугу лет и о наградах.
17. РГИА. Ф. 1280. Оп. 4. Д. 538. Приказы по гарнизону крепости.
18. Санкт-Петербургские ведомости. 1733. № 53. 2 июля; 1762. № 77. 24 сентября; 1773. № 44. 31 мая; 1773. № 50. 21 июня; 1775. № 59. 24 июля.

Литература

19. *Андреева Ю. П., Трубинов Ю. В.* История строительства Великокняжеской усыпальницы // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 219–256.
20. *Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостол Петра и Павла в Санкт-Петербурге. СПб., 1857.
21. *Ознобишина Т. Н.* К вопросу о сооружении шпиля и создании четвертого Ангела Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 190–195.
22. *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004.
23. *Славнитский Н. Р.* Церемонии в Петропавловском соборе в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга (май 1903 г.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 344–350.
24. *Трофимов С. В.* Церковно-служебная жизнь Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 272–281.
25. *Флоринский Д.* Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского собора. СПб., 1857.
26. *Флоринский Д. И.* Собор во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. СПб., 1882.
27. *Элькин Е. Н.* Строительство Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 56–86.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Н. В. Пивоварова

**Николай Владимирович Малицкий:
последние годы служения отечественной науке**

УДК 7.072(470+571)(092)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_59
EDN HGZBDF

Аннотация: В статье анализируется научная деятельность исследователя византийского и древнерусского искусства Н. В. Малицкого (1881–1938). Преимущественное внимание автор уделяет последним годам жизни ученого. Этот период (конец 1920-х–1930-е гг.) практически не освещен в специальной литературе. В статье использованы архивные материалы из Ведомственного архива Русского музея и Научного архива Института истории материальной культуры. Впервые приводятся сведения об участии Н. В. Малицкого в подготовке экспозиции древнерусского искусства Русского музея. Затрагивается вопрос об изменившейся в 1930-е гг. концепции экспонирования памятников древнерусского искусства, вынуждавшей ученых старой школы следовать в своей деятельности новым идеологическим установкам.

Ключевые слова: Николай Малицкий, Николай Покровский, Государственный Русский музей, Академия истории материальной культуры, экспозиция древнерусского искусства.

Об авторе: **Надежда Валерьевна Пивоварова**

Кандидат искусствоведения, профессор факультета церковных искусств (Иконописное отделение) Санкт-Петербургской Духовной Академии, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

E-mail: nad-pivovarova@yandex.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9717-555X>

Для цитирования: Пивоварова Н. В. Николай Владимирович Малицкий: последние годы служения отечественной науке // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 59–66.

* Фотография подготовлена редакцией журнала.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Nadezhda V. Pivovarova

**Nicholas Vladimirovich Malicky:
Last Years of the Service of the Science of our Country**

UDC 7.072(470+571)(092)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_59

EDN HGZBDF

Abstract: The article analyzes the scientific activity of the researcher of Byzantine and Old Russian art N. V. Malitsky (1881–1938). The author pays primary attention to the last years of the scientist's life. This period (late 1920s–1930s) is practically not covered in the specialized literature. The article uses archival materials from the Departmental Archive of the Russian Museum and the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture. For the first time, information is provided about the participation of N. V. Malitsky in the preparation of the exposition of Old Russian art at the Russian Museum. The issue of the changed concept of exhibiting monuments of Old Russian art in the 1930s is touched upon, forcing scientists of the old school to follow new ideological guidelines in their activities.

Keywords: Nikolay Malitsky, Nikolay Pokrovsky, State Russian Museum, Academy of the History of Material Culture, exposition of Old Russian art.

About the author: **Nadezhda Valeryevna Pivovarova**

Candidate of Art History, Professor of the Faculty of Church Arts (Icon Painting Department) of the St. Petersburg Theological Academy, leading researcher at the State Russian Museum.

E-mail: nad-pivovarova@yandex.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9717-555X>

For citation: Pivovarova N. V. Nicholas Vladimirovich Malicky. Last years of the service of the science of our country. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 59–66.

* The photograph was prepared by the editors of the scientific journal.

Имя Николая Владимировича Малицкого (1881–1938) сегодня известно узкому кругу историков Русской Православной Церкви и исследователей памятников византийского и древнерусского искусства¹. В 1930-е гг. репрессированный и погибший в лагерных застенках² Малицкий был реабилитирован лишь в 1956 г, но и после этого имя его редко попадало на страницы специальных сочинений. Утрата материалов научной деятельности и отсутствие полноценного архивного фонда служили и ныне служат серьезным препятствием как для восстановления подробной биографии Малицкого, так и детального анализа его трудов³.

Николай Владимирович был выходцем из духовного сословия, хотя в анкетах советского времени, как и большинство его современников, имевших аналогичное происхождение, называл себя сыном сельского учителя. Он родился в селе Белка Вежгородской волости Кременецкого уезда Волынской губернии, обучался в Кременецком

Н. В. Малицкий

Духовном училище и Волынской духовной семинарии, затем в Петербургской Духовной академии, которую окончил в 1905 г., написав кандидатскую работу по кафедре истории разбора западных исповеданий. В 1905 г. Малицкий поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и окончил его в 1909 г. с дипломом I степени и вручением золотой медали за работу «*Speculum Perfectionis*» как источник для истории Франциска Ассизского (Историко-критический этюд)⁴.

¹ Удивительно, но факт: статья об ученом отсутствует в последнем издании Православной энциклопедии, издаваемой с 2000 г.

² Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.

³ См. краткие сведения о Н. В. Малицком в работах общего характера: *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000. С. 295–296, прим. 14; *Длужневская Г. В.* Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // *Археологические вести.* 2003. № 10. С. 353–355, 360; *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб., 2003. С. 142, 150, 152, 154, 264, 265, 270–271, 274, 277, 279–280; *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. С. 104, 108, 111, 115, 130, 141, 143, 261, 350. Попытка восстановления биографии, обзор деятельности и оценка научных заслуг: *Пивоварова Н. В.* Забытые имена в русской церковной археологии: И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий // *Искусство христианского мира.* 2004. Вып. VIII. С. 426–437; *Ее же.* К 125-летию со дня рождения Николая Владимировича Малицкого (1881–1938). Предисловие, библиография работ, список публикаций о Н. В. Малицком // *София.* Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 20–27; *Ее же.* Николай Владимирович Малицкий и изучение памятников владими́ро-суздальской каменной пластики в 20-е гг. XX века // *Георгий Карлович Вагнер — ученый, художник, человек.* М., 2006. С. 341–348; *Гутовский А., Пивоварова Н.* О Николае Владимировиче Малицком // *София.* Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 25–27. Републикация статей: *Пятницкий Ю. А.* Послесловие к статье Н. В. Малицкого «Панагиар Афонского монастыря Руссик (св. Пантелеймона)» // *Византия и византийские традиции.* Сборник научных трудов. СПб., 1996. С. 201–208; *Малицкий Ник.* Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // *София.* Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 20–25.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10301.

В июне того же года по представлению А. И. Садова он был рекомендован для чтения лекций по латинскому языку в Санкт-Петербургской Духовной Академии⁵.

Реформы, происшедшие в академии, кардинально изменили судьбу Н. В. Малицкого. Разделение кафедры литургики и церковной археологии на две позволило ему в 1911 г. баллотироваться на кафедру церковной археологии. Из трех кандидатов — Дмитриевского, Лисицына и Малицкого — предпочтение было отдано последнему (он был избран 14-ю голосами против 4-х)⁶. Так у профессора Н. В. Покровского, 37 лет занимавшего кафедру литургики и церковной археологии, появился достойный преемник.

Еще в 1905 г., выйдя на пенсию с правом чтения лекций в звании сверхштатного ординарного профессора, Н. В. Покровский начал подыскивать себе смену. Эта задача была не из легких, поскольку занятия церковной археологией привлекали немногих. Отдавая отчет в том, что лицо без специальной подготовки не справится с предметом⁷, Покровский в январе 1912 г. взял на себя обязательства подготовить Н. В. Малицкого к преподавательской деятельности⁸. По инициативе Покровского Малицкий освободился от чтения лекций и командировался с ученой целью «внутри России и за границу»⁹. Время с 1 сентября 1912 по 1 января 1913 гг. молодой ученый провел в Италии.

Подготовка прошла успешно. Вернувшись из Италии, Н. В. Малицкий приступил к чтению лекций. Спустя три года, он смог принять эстафету от Н. В. Покровского не только в академии, но и в стенах Археологического института¹⁰. К моменту смены политического строя он имел репутацию не только талантливого ученого, но и одаренного лектора.

Высоким профессионализмом и необычайной работоспособностью, собственными ученому, объяснялось приглашение его сразу в несколько научных учреждений Петрограда. В их числе Российская (затем Государственная) Академия истории материальной культуры, куда он был принят 28 октября 1919 г. на должность научного сотрудника I категории¹¹. Основным его занятием в Российской Академии истории материальной культуры на первых порах было изучение миниатюр греческих рукописей в особой Комиссии по изучению миниатюры¹². Впоследствии, после ликвидации Комиссии, он успешно работает и в других областях знаний, исследуя, главным образом, монументальную живопись и скульптурное убранство храмов¹³. Деятельность в Государственной Академии истории материальной культуры была прервана в 1930 г. в связи с ликвидацией Разряда русской живописи (последнее подразделение Академии, где служил ученый).

⁵ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год (в извлечении). СПб., 1909. С. 346–347.

⁶ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб., 1912. С. 87–90.

⁷ Курсовое сочинение Н. В. Малицкого в Санкт-Петербургской Духовной Академии «Евхаристический спор на Западе в IX веке» было подготовлено на кафедре истории и разбора западных исповеданий. Впоследствии (1918 г.) работа на эту тему защищена как магистерская диссертация.

⁸ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб., 1912. С. 139–142.

⁹ Там же. С. 159–160.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 72, 84 об., 87.

¹¹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН (далее — НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 3. Д. 400.

¹² Пивоварова Н. В. Византийские лицевые рукописи в исследованиях членов Комиссии по изучению миниатюры // Древнерусские и греческие рукописи Российской национальной библиотеки. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 июня 2005 г.). СПб., 2007. С. 153–159.

¹³ Пивоварова Н. В. Николай Владимирович Малицкий и изучение памятников владимиро-суздальской каменной пластики в 20-е гг. XX века. С. 341–348.

В 1922 г. Н. В. Малицкий поступает на службу в Русский музей. Первоначально он был зачислен в Комитет древнерусской живописи, а в 1923 г. по предложению Н. П. Сычева переведен в состав бывшего Отделения христианских древностей¹⁴. (В советское время это музейное подразделение для краткости именовали «I отделением», или Отделением древнерусского искусства). Именно здесь ученый проработал до дня ареста 29 ноября 1933 г., оставшись последним из могижан — коллег-единомышленников, уволенных из отделения в июне-сентябре 1933 г. по сфабрикованным делам.

В 1920-е гг., состоя на службе в Академии истории материальной культуры и Русском музее, Н. В. Малицкий не порывал с преподавательской деятельностью. Параллельно с основными занятиями он вел лекции в Археологическом институте (с 1922 г. — Археологическое отделение Факультета общественных наук Петроградского университета), в Российском институте истории искусств (бывший Зубовский), был профессором Петроградского богословского института (1920–1923).

Столь напряженный распорядок жизни, казалось бы, не оставлял времени для систематических научных занятий. Однако архивные документы сообщают об ином. Один только перечень докладов, сделанных в разных отделениях Академии истории материальной культуры, включает десятки наименований¹⁵. В ежегодных отчетах Российской (Государственной) Академии истории материальной культуры приводятся сведения о рукописях, подготовленных к печати или сданных в академическое издательство. Некоторые из них включали от четырех до семи печатных листов текста¹⁶. Одним из таких сочинений было, например, исследование «Греческий кодекс Ленинградского Публичной библиотеки № 21» (7 печ. л.), подготовленное к 1929 г. совместно с коллегой по Академии и Русскому музею Л. А. Дурново.

Особое место в научном творчестве Н. В. Малицкого занимало изучение миниатюр знаменитой Хлудовской псалтири IX в. из собрания Российского Исторического музея. К счастью, результаты работ были изданы. Один из текстов, посвященных рассмотрению вопроса о монастырском происхождении рукописи, увидел свет в 1932 г. на французском языке в сборнике памяти Ф. И. Успенского¹⁷. Он способствовал популяризации российского византиноведения на Западе. Кстати, публикация в другом западном издании — пражском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» — не прошло для Н. В. Малицкого бесследно. За участие в нем вместе с другими сотрудниками Академии он подвергся «чистке». В протоколе заседания комиссии по чистке Государственной Академии истории материальной культуры от 8 июля 1930 г. Малицкому и его коллегам вменялось в вину сотрудничество с белоэмигрантами, а сами статьи характеризовались как «явно враждебные советской науке, открыто показавшие антисоветские и антинаучные построения, не совместимые с положением советских ученых»¹⁸. Антисоветские построения было несложно усмотреть уже в самом названии статьи, озаглавленной автором: «Черты палестинской и восточной иконографии в византийской псалтири с иллюстрациями на полях типа Хлудовской»¹⁹.

¹⁴ Ведомственный архив Государственного Русского музея (далее — ВА ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 284а. Л. 7 об.; Оп. 6. Д. 314. Л. 13. В заседании Совета Художественного отдела от 10 июня 1924 г. Н. В. Малицкий был переизбран научным сотрудником (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 314. Л. 18).

¹⁵ Краткий перечень опубликован: Список докладов, прочтенных в Разряде археологии и искусства ранне-христианского и византийского в 1919–1926 гг. // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. [V.] I. С. 324–325.

¹⁶ См., например, перечень работ по изучению миниатюры, исполненных Н. В. Малицким в Академии истории материальной культуры в 1920–1927 гг. (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 19–19 об.).

¹⁷ *Malickij N. Le psautier byzantin à illustrations marginales du type Chludov est-il de provenance monastique? // L'art byzantin chez les slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij. Paris, 1932. P. 235–243.*

¹⁸ НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4. Л. 301.

¹⁹ *Малицкий Ник. Черты палестинской и восточной иконографии в византийской псалтири с иллюстрациями на полях типа Хлудовской // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. [V.] I. С. 49–63.*

Приведем еще несколько названий докладов и статей, подготовленных в Академии истории материальной культуры. Они прекрасно характеризуют размах работ по исследованию византийских и русских миниатюр российских хранилищ: «Страничка из истории византийского инициала (греческие рукописи Ленинградской публичной библиотеки № 214 и Московского Университета № 1)», «Фрагмент царьградской рукописи 1053–1054 г. Ленинградской публичной библиотеки (гр. 266)», «Миниатюры Псалтири 1397 г.», «О миниатюрах Остромирова Евангелия» и т. д. Изучение памятников материальной культуры (читай — церковного искусства) имело результатом появление работ «Панагиар Антониевского монастыря», «Древнерусские кресты и образки с изображениями магического значения», «К вопросу о датировке “Тверских врат” Александровской слободы», «О датировке некоторых памятников, изданных Н. П. Кондаковым в его “Памятниках православного искусства на Афоне”» и др.²⁰

Однако наиболее значительное число работ, связанных с изучением вещественных памятников, было подготовлено в стенах Русского музея, где Н. В. Малицкий по роду своих служебных обязанностей принимал на хранение и инвентаризировал сотни и даже тысячи музейных предметов. В 1928 г. в Русском музее вышел в свет первый выпуск сборника «Материалы по русскому искусству» (к сожалению, издание не стало серийным: первый выпуск так и остался единственным). Для публикации в сборнике Малицкий подготовил две статьи: «Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки» и «Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы»²¹. Статьи демонстрировали феноменальную эрудицию автора, обладавшего не только знанием обширного вещественного материала, но владевшего различными методами анализа: иконографическим, лингвистическим, стилистическим. Комплексный подход к предмету исследования обеспечивало знание древних и новых языков: в анкетах Н. В. Малицкий сообщал, что владеет немецким, французским, итальянским, английским и древними языками, а также своим родным украинским.

Хорошо известно, что советская действительность не способствовала полновесному раскрытию потенциала исследователей памятников христианского искусства. Часто в их статьях оставалась недосказанность, а христианское содержание облакалось в завуалированные формы или вовсе игнорировалось. Эта тенденция наиболее явственно проявилась в 1930-е гг., когда в Русском музее шла подготовка к открытию новой экспозиции.

Экспозиция должна была базироваться на марксистской идеологии. В каждом из залов бывшего Отделения христианских древностей предполагалось показать искусство разных этапов феодальной формации, начиная с эпохи разложения основ феодального хозяйства под влиянием эволюции торгового капитала до крепостнически-бюрократического абсолютизма Московской Руси XVII в. Этот идеологический перегиб привел к полному разрушению концепции старой экспозиции — так называемого Древлехранилища памятников иконописи и церковной старины, открытой в 1914 г. и представлявшей собой подобие церковного интерьера в музейном пространстве²².

В работе над экспозицией начала 1930-х гг. принимал участие и Н. В. Малицкий. Не приходится удивляться, что в это время тематика его статей оказывается напрямую связанной с экспозиционной деятельностью. Так, в списке научных трудов, составленном в сентябре 1932 г. в Русском музее, он упоминает о рукописи статьи «Очерки по истории художественного импорта на Руси в эпоху сложения

²⁰ Пивоварова Н. В. Забытые имена в русской церковной археологии... С. 431.

²¹ Малицкий Ник. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Государственный Русский музей. Художественный отдел. Материалы по русскому искусству. Вып. I. Л., 1928. С. 1–9; *Его же*. Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы // Государственный Русский музей. Художественный отдел. Материалы по русскому искусству. Вып. I. Л., 1928. С. 32–36.

²² Древлехранилище памятников иконописи и церковной старины в Русском музее (Альманах. Вып. 433). СПб., 2014.

московского феодализма»²³. Тезисы доклада на тему «Отражение политической идеологии Москвы XVI в. в памятниках искусства» сохранились в личном архивном фонде младшей современницы и коллеги Николая Владимировича — Е. И. Кутиловой²⁴.

Последней публикацией, вышедшей в свет в год ареста Н. В. Малицкого, стали его «Заметки по эпиграфике Мангупа»²⁵. Занятия эпиграфикой позволяли избежать той вульгаризации научных знаний, к которой были склонны многие современники Малицкого и в которой, как представляется, сложно упрекнуть самого ученого.

29 ноября 1933 г. в биографии Николая Владимировича было обычным рабочим днем. Продолжая работы над экспозицией, он составил три докладные записки заведующему Художественным отделом и ученому секретарю музея. В одной из них он писал: «В виду того, что на заседании Комиссии, созванной 26 сего ноября для экспертизы по оформлению экспозиции искусства эпохи раннего феодализма, общая установка экспозиции и группировка памятников не вызвала принципиальных возражений, основные же замечания касались возможного расширения экспозиции прикладного искусства, показ которого не мог быть организован к заседанию Комиссии, настоящим прошу разрешить приступить к развеске намеченных к экспозиции памятников». В тот же день последовала резолюция на записке: «Приступить к развеске. Д[аниил] Соловей. 29/XI-33»²⁶. Однако, в связи с арестом приступить к развеске Н. В. Малицкому не пришлось. Приказом от 31 января 1934 г. он был уволен со службы из музея с исключением из списков служащих с 8 февраля того же года как отсутствующий более двух месяцев²⁷.

Источники и литература

Источники

1. Архив Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея. Д. 5 (1933–1934).
2. Ведомственный архив Государственного Русского музея (далее — ВА ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 113.
3. ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 314.
4. ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 284а.
5. Научный архив Института истории материальной культуры РАН (далее — НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4.
6. НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 409. Д. 103.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10301.
9. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410.

Литература

10. Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.
11. Гутковский А., Пивоварова Н. О Николае Владимировиче Малицком // София. Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 25–27.

²³ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 284а. Л. 2.

²⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 409. Д. 103.

²⁵ Малицкий Ник. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 17 (отд. отд.).

²⁶ Архив Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея. Д. 5 (1933–1934). Л. 42.

²⁷ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 113. Л. 141 об.

12. Длужневская Г. В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // Археологические вести. 2003. № 10. С. 349–360.
13. Древлехранилище памятников иконописи и церковной старины в Русском музее (Альманах. Вып. 433). СПб., 2014.
14. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год (в извлечении). СПб., 1909.
15. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб., 1912.
16. Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000.
17. Малицкий Ник. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Государственный Русский музей. Художественный отдел. Материалы по русскому искусству. Вып. I. Л., 1928. С. 1–9.
18. Малицкий Ник. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // София. Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 20–25.
19. Малицкий Ник. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 17 (отд. отд.).
20. Малицкий Ник. Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы // Государственный Русский музей. Художественный отдел. Материалы по русскому искусству. Вып. I. Л., 1928. С. 32–36.
21. Малицкий Ник. Черты палестинской и восточной иконографии в византийской псалтири с иллюстрациями на полях типа Хлудовской // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. [V.] I. С. 49–63.
22. Пивоварова Н. В. Византийские лицевые рукописи в исследованиях членов Комиссии по изучению миниатюры // Древнерусские и греческие рукописи Российской национальной библиотеки. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 июня 2005 г.). СПб., 2007. С. 153–159.
23. Пивоварова Н. В. Забытые имена в русской церковной археологии: И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий // Искусство христианского мира. 2004. Вып. VIII. С. 426–437.
24. Пивоварова Н. В. К 125-летию со дня рождения Николая Владимировича Малицкого (1881–1938). Предисловие, библиография работ, список публикаций о Н. В. Малицком // София. Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 20–27.
25. Пивоварова Н. В. Николай Владимирович Малицкий и изучение памятников владими́ро-суздальской каменной пластики в 20-е гг. XX века // Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник, человек. М., 2006. С. 341–348.
26. Пятницкий Ю. А. Послесловие к статье Н. В. Малицкого «Панагиар Афонского монастыря Русик (св. Пантелеймона)» // Византия и византийские традиции. Сборник научных трудов. СПб., 1996. С. 201–208.
27. Список докладов, прочтенных в Разряде археологии и искусства ранне-христианского и византийского в 1919–1926 гг. // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. [V.] I.
28. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
29. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016.
30. Malickij N. Le psautier byzantin à illustrations marginales du type Chludov est-il de provenance monastique? // *L'art byzantin chez les slaves*. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij. Paris, 1932. P. 235–243.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Д. А. Карпук

**Духовно-цензорская деятельность
епископа Арсения (Иващенко)**

УДК 271.2-726.2:929

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_67

EDN BUQIVS

Аннотация: В статье на основании архивного и впервые вводимого в научный оборот материала рассматривается духовно-цензорская деятельность в Санкт-Петербургском духовно-цензурном комитете в период с 1872 по 1886 гг. выдающего церковного ученого, византолога, переводчика греческих святоотеческих текстов XII–XV вв. епископа Арсения (Иващенко, 1830–1903). С одной стороны, цензорская деятельность в 1870–1880-х гг. в столичном комитете не была загруженной, что позволяло владыке Арсению заниматься научными изысканиями. С другой стороны, поступавшие на рассмотрение рукописи, книги, брошюры, стихотворения, изображения, даже монеты, требовали пристального к себе внимания. В некоторых случаях возникали конфликты и даже скандальные истории с вынужденным вмешательством высшего церковного органа — Св. Синода. Рассмотренные в статье несколько эпизодов позволяют сделать предварительный вывод, что владыка Арсений, будучи цензором, был максимально тактичным и внимательным. При этом, пропуская довольно большой объем материала, цензор аргументированно запрещал материалы низкого качества, а также те, которые подпадали под ограничения Св. Синода.

Ключевые слова: духовная цензура, акафист, византология, Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет, епископ Арсений (Иващенко), прп. Серафим Саровский, протоиерей Андрей Хойнацкий, Александр Дюма (сын).

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской Духовной Семинарии.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Для цитирования: Карпук Д. А. Духовно-цензорская деятельность епископа Арсения (Иващенко) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 67–78.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Dmitry A. Karpuk

**Spiritual and Censorship Activities
of Bishop Arseny (Ivaschenko)**

UDC 271.2-726.2:929

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_67

EDN BUQIVS

Abstract: The article, based on archival material and material introduced into scientific circulation for the first time, examines the spiritual and censorship activities of the outstanding church scholar, Byzantologist, translator of Greek patristic texts of the 12th-15th centuries Bishop Arseny (Ivaschenko, 1830–1903) in the St. Petersburg Spiritual and Censorship Committee from 1872 to 1886. On the one hand, censorship activities in the capital committee in the 1870s-1880s were not busy, which allowed Bishop Arseny to engage in scientific research. On the other hand, manuscripts, books, brochures, poems, images, and even coins submitted for review required close attention. In some cases, conflicts and even scandals arose with the forced intervention of the highest church body – the Holy Synod. Several episodes considered in the article allow us to make a preliminary conclusion that Bishop Arseny, being a censor, was extremely tactful and attentive. At the same time, allowing a fairly large amount of material, the censor reasonably prohibited low-quality materials, as well as those that fell under the restrictions of the Holy Synod.

Keywords: spiritual censorship, akathist, Byzantology, St. Petersburg Spiritual Censorship Committee, Bishop Arseny (Ivaschenko), Venerable Seraphim of Sarov, Archpriest Andrei Khoynatsky, Alexander Dumas (son).

About the author: Dmitry Andreevich Karpuk

Candidate of Theology, Head of Postgraduate Studies, Associate Professor of the Department of Church History at the St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church History and General Humanities at the Pskov-Pechersk Theological Seminary.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

For citation: Karpuk D. A. Spiritual and Censorship Activities of Bishop Arseny (Ivaschenko). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 67–78.

* Photos are taken from open sources.

Епископ Арсений (в миру Антоний Ильич Иващенко, 1830–1903) в научных кругах известен как выдающийся специалист в области истории Византии, переводчик и издатель греческих текстов XII–XV вв.¹, знаток древних и новых языков — латинского, греческого, немецкого, французского, итальянского, испанского, румынского, многих западных славянских наречий². Однако в имеющейся историографии ничего не говорится, за исключением лишь упоминаний³, о цензурской деятельности владыка Арсения, хотя она продолжалась только в столице Российской империи в течение 13 лет. Нельзя не отметить и подчеркнуть, что это был довольно продолжительный срок для такой ответственной и сложной должности. В данной статье мы в общих рассмотрим некоторые аспекты этой деятельности.

Биография этого архиерея и ученого не так богата на выдающиеся внешние события. Родился он в семье священника Херсонской губернии в 1830 г. Далее последовал традиционный для выходца из духовного сословия путь: учеба в духовном училище, Херсонской духовной семинарии, Киевской Духовной Академии. Примечательно, что, еще поступая в духовную академию, он уже проявлял и демонстрировал недюжинные способности и глубокие познания в области истории. Протоиерей Димитрий Певницкий, однокурсник владыки Арсения, впоследствии вспоминал о вступительных экзаменах в Киевскую духовную академию: «В комиссии по истории председателем был профессор Андрей Васильевич Граников. Ответы были не важные. Но удивил ответами одесский студент Иващенко (скончавшийся в сане епископа Кирилловского). Он обладал обширной памятью. Не помню, какой билет ему достался. Только он говорил много и долго, между прочим, о каких-то царях Тетроках, чего мы и не слыхивали. Кажется, и профессор Граников, вообще требовательный, был удивлен»⁴.

Окончив академию в 1853 г. со степенью кандидата богословия и приняв монашеский постриг, иеромонах Арсений пошел по духовно-образовательному пути: инспектор Одесского училища, учитель Волынской семинарии. В 1859 г. переведен в Воронежскую семинарию, где сначала трудился в качестве преподавателя, а с 1863 г. — инспектора. С 1865 по 1868 гг. являлся редактором «Воронежских епархиальных ведомостей»⁵. С 1868 г., будучи уже архимандритом, о. Арсений трудился ректором Полоцкой духовной семинарии, из которой в 1872 г. переведен на должность члена Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета. В 1886 г. последовало назначение на должность настоятеля Заиконоспасского московского монастыря. С 1889 г. о. Арсений трудился в Московской синодальной

Епископ Арсений (Иващенко)

¹ Спасский А. А. † Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, и его труды в области византологии // Византийский временник. 1903. Т. X. Вып. 3–4. С. 667–703.

² Родосский А. С. Памяти преосвященного Арсения, епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Ученые богословские труды покойного // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 936.

³ Кедринский М. † В Бозе почивший Преосвященный Арсений, еп. Кирилловский // Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 5. Часть неоф. С. 265–266.

⁴ Певницкий Д., прот. Академические воспоминания † протоиерея Д. Ф. Певницкого // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 4. Часть неоф. С. 82.

⁵ Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке. Библиографический указатель. Т. 1: А — М. New York, 1998. С. 56.

конторе. Наконец, в 1893 г. в Исаакиевском соборе был рукоположен в архиерейский сан и был назначен сначала епископом Каширским, а потом епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии. От последующих предложений занять самостоятельную кафедру отказывался («никуда от Новгородских святынь»), скончавшись в 1903 г. викарием⁶.

Теперь что касается непосредственно цензурской деятельности, начавшейся в 1872 г. В имеющихся биографических очерках владыки Арсения всегда особо подчеркивается его жертвенность при относительно небольших доходах. Действительно, жалование столичного духовного цензора составляло 1000 руб. в год. И это при том, что, например, годовое жалование доцента духовной академии в это же время составляло 1200 руб., экстраординарного профессора — 2000 руб., ординарного профессора — 3000 руб.⁷ На этом фоне доход столичного цензора выглядел довольно скромным. При этом, согласно действовавшим правилам, цензорам было запрещено занимать одновременно с этим какую-либо другую должность. Предполагалось все время тратить исключительно на цензурирование поступающих рукописей, книг, брошюр, статей и т. п.

При этом свободное время у духовных цензоров, трудившихся в 1870–1880-х гг. было. Объем работы был не таким значительным как в 1850–1860-х гг. Примечательно, что в период в 1870–1871 гг. в Санкт-Петербургском цензурном комитете трудился всего один (sic!) цензор — архимандрит Геласий (Клементьев), который, как видно, вполне справлялся со своими обязанностями, хотя, конечно, и не без напряжения. Безусловно, такую ситуацию нельзя назвать нормальной. На первый взгляд кажущаяся при возросшем объеме литературы парадоксальной ситуация объясняется тем, что именно в 1860-х гг. появляется целый ряд структур, которые взяли на себя по сути дела цензурские обязанности. В качестве примера можно указать на Учебный комитет при Св. Синоде, который должен был с момента своего учреждения в 1867 г. рецензировать все издававшиеся и предназначавшиеся для духовных училищ и семинарий учебники и учебные пособия. Духовные академии, согласно уставу 1869 г., получили право издавать свои периодические издания и монографии наставников под своей собственной цензурой. В каждой епархии, начиная с 1860 г., постепенно учреждаются свои епархиальные ведомости, для просмотра за содержанием которых назначался отдельный цензор из числа духовенства соответствующей епархии. До 1860-х гг. все вышеуказанные материалы должны были проверять духовные цензоры из Санкт-Петербургского и Московского духовных цензурных комитетов. Теперь ситуация изменилась кардинальным образом. Именно поэтому вполне можно согласиться с одним из биографов епископа Арсения, отметившего, что в период службы в Санкт-Петербурге у владыки было время на научные занятия⁸.

Вместе с тем, даже относительно небольшой объем поступавших рукописей требовал особого внимания и осторожности, чтобы не пропустить в печать откровенно слабые и даже вредные тексты. Относительно безболезненно проходили цензуру статьи для духовных столичных журналов (например, для журнала

⁶ Родосский А. С. Арсений (Иващенко), епископ // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина: в 12-ти томах. Т. 1: А — Архелая. Пг., 1900. Стб. 1068–1071; Литвинов В. Воронежская духовная семинария в год прославления и открытия мощей Св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 34. Часть неоф. С. 833; Э. П. Р. Арсений (Иващенко), еп. // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 401–403; Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4-х томах. Т. 1: А — Й. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. С. 556–558.

⁷ Карпук Д. А. Материальное положение профессоров духовных академий во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургской духовной академии) // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции, Минск, 2 ноября 2016 г. Минск, 2017. С. 193–199.

⁸ Родосский А. С. Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (некролог) // Церковный вестник. 1903. № 9. Стб. 284.

«Странник»), редакторы которых сами по сути проводили первичную цензуру, одобряя или не одобряя тот или иной текст к печати. Другое дело, когда в цензуру свои рукописи представляли неопытные, но при этом иногда довольно амбициозные авторы, среди которых были как образованные священники, так и малограмотные крестьяне или отставные солдаты.

В качестве иллюстрации рассмотрим несколько случаев, когда архимандрит Арсений вынужден был запрещать рукописи к печати. Несмотря на то, что будет приведено небольшое количество примеров, считаем, что и они позволяют взглянуть на ключевые моменты из жизни духовных цензоров второй половины XIX в.

Начнем с акафистов, которых во второй половине XIX столетия в духовные комитеты поступало очень и очень много. Разумеется, их качество было разным. Что-то сразу пропускалось в печать, что-то сразу же забраковывалось, а с какими-то текстами цензоры вынужден были «возиться» длительное время, приводя их вместе с авторами в надлежащий вид с точки зрения содержания⁹.

В сентябре 1872 г.о. Арсений вынужден был запретить акафист св. ап. Иоанну Богослову. Цензор четко, хотя и кратко, сформулировал свои замечания. Во-первых, о. Арсений обратил внимание на «неправильность языка», т.е., стилистическую неяршливость. Во-вторых, в тексте акафиста встречались неясные и невразумительные выражения. В-третьих, в рукописи события из жизни апостола излагались не в хронологической последовательности. Наконец, в-четвертых, цензор обратил внимание на часто встречающееся «несоответствия воззваний в икосах с основной мыслью икосов»¹⁰. В итоге, на основании 236 статьи цензурного устава¹¹, рукопись была отклонена¹².

Следующая история с цензурированием акафиста оказалась более продолжительной и, как кажется, довольно любопытной. В июне 1872 г. архимандрит Арсений не пропустил к печати рукопись «Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, чудесами своими в чудотворной Ея иконе Почаевской благодатне сияющей», поскольку в ней встречались «ошибки против словосочинения славянского, выражения, часто неудобовразумительные, мысли, могущие вести к не православному пониманию учения веры»¹³. Примечательно, что акафист составил ни кто-нибудь, а законоучитель Нежинского лицея священник Андрей Хойнацкий, впоследствии протоиерей, автор многочисленных проповеднических,

Протоиерей Андрей Хойнацкий

⁹ См. подробнее: Попов А. В. Православные русские акафисты. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 807. Оп. 2. Д. 1513. Л. 20.

¹¹ «Но сочинения большие и малые с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения, противны образованным, бесполезны необразованным и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы» (Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. С. 42).

¹² РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 86 об.–87.

¹³ Там же. Л. 51 об.–52.

литургических и церковно-исторических сочинений, член Московского общества любителей духовного просвещения, церковно-археологического общества при Киевской духовной академии и исторического общества преподобного Нестора Летописца¹⁴. Как бы то ни было, по мнению архимандрита Арсения, несмотря на статус составителя, представленный акафист не заключал в себе никакой «назидательности»¹⁵.

На этом история не закончилась. В следующем 1873 г. священник Андрей Хойнацкий составленные им тропарь, канон и акафист Почаевской иконе Божией Матери представил уже в Московский духовный цензурный комитет, где эти тексты рассматривал протоиерей Филарет Сергиевский. Московская цензура была более благосклонна и в итоге акафист был разрешен и отправлен в Св. Синод, который и должен был, согласно уставу духовной цензуры, вынести итоговое суждение. Увы, вердикт высшего церковного органа был отрицательным. И здесь особый интерес представляет мотивационная часть: «при существовании общего акафиста и канона молебного Божией Матери издание акафистов в честь разных икон Ее представляется излишним»¹⁶.

Впрочем, священник Андрей Хойнацкий руки не опустил и, став уже протоиереем, представил акафист вместе с несколькими другими службами на рассмотрение в Синод в 1883 г. Итоговое решение по этим богослужебным текстам, спустя 10 лет, вновь пришлось выносить именно архимандриту Арсению. На этот раз цензор был более благожелателен, хотя и сделал целый ряд исправлений. В итоге, в 1883 г. акафист был разрешен. Смею предположить, что этому в определенной степени способствовало и то обстоятельство, что в 1883 г. отмечался пятидесятилетний юбилей «Почаевской Лары со дня включения ее в число православных российских лавр»¹⁷.

Отдельного внимания заслуживают рукописи с описанием чудес. Последние в синодальный период были под особым контролем священноначалия. В июле 1873 г. архимандрит Арсений не пропустил в печать переведенную с греческого языка рукопись «Чудеса Пресвятой Богородицы». Причина заключалась в том, что в тексте, по мнению цензора, заключались «сказания о чудесах, частью правдивую историей не подтверждаемые, частью странные историческими и даже географическими несообразностями наполненные, частью заимствованные из католических легенд сказочного характера»¹⁸.

Пришлось о. Арсению запрещать и сочинение (точнее, отдельные места), посвященное пока еще не причисленному к лику святых иеромонаху Серафиму Саровскому. Речь идет о представленной летом 1877 г. из типографии князя Владимира Владимировича Оболенского рукописи под названием: «Сказания о благодатных дарах пустынноика и затворника Саровския обители, иеромонаха Серафима». В итоге цензор запретил печатать содержащиеся в тексте «сказания новые против прежде известных в печати, сказания, не проверенные и не подтвержденные местной епархиальной властью»¹⁹. Мотивируя свой отказ, цензор сослался на синодальные указания, правда, без конкретики.

Это привело к тому, что князь Оболенский обратился с жалобой на цензора в Синод. Из сохранившегося в синодальной канцелярии архивного дела по данному вопросу видно, что автором-составителем жизнеописания и чудес иеромонаха Серафима Саровского являлся настоятель Павло-Обнорского монастыря игумен Иоасаф (Толстошеев)²⁰. Важно отметить, что о. Иоасаф был учеником прп. Серафима Саровского, впоследствии он примет схиму также с именем Серафим²¹.

¹⁴ Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. С. 68–69.

¹⁵ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 52.

¹⁶ Попов А. В. Православные русские акафисты. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 280.

¹⁸ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1535. Л. 59 об., 63.

¹⁹ Там же. Д. 1591. Л. 16.

²⁰ Букова О. В. Тьма никогда не скроет свет: жизнеописание схиигумена Серафима (Толстошеева), ученика прп. Серафима Саровского: размышления над страницами Дивеевской летописи в свете архивных данных. М.: Приход храма св. Духа сошествия, Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2010.

²¹ В одной из работ указывается, что игумен Иоасаф покинул должность игумена в январе 1877 г. (Берташ А., *свящ.* Павлов Обнорский во имя Святой Троицы мужской монастырь //

Игумен Иоасаф 31 августа 1877 г. написал доверенность на князя Оболенского, из текста которой следовало следующее: «Небезызвестно Вам, что я принял на себя труд издать жизнеописание и чудеса подвижника и пустынно-жителя Саровской обители — иеромонаха старца Серафима.

Не имея возможности лично испросить разрешение духовной цензуры на напечатание означенного издания, я уполномочиваю Ваше Сиятельство представить за Вашею подписью в С.-Петербургский Комитет Духовной Цензуры и получить из него рукопись о жизни и чудесах иеромонаха старца Серафима. В случае ежели бы Комитет Духовной Цензуры нашел неудобным допустить к печатанию означенное издание в целом или части его, прошу Вас испросить на это разрешение Святейшего Синода, для чего поручаю Вам подавать от Вашего имени в Святейший Синод и в другие Правительственные учреждения, а также и должностным лицам прошения, заявления, выслушивать решения, получать с них копии, изъявлять на них удовольствие или неудовольствие, приносить жалобы, словом вести это дело на правах полновластного владетеля, как бы я сам. Доверенность эту Вы можете передать в части, или целом другому лицу, и во всем, что Вы по ней законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду»²².

Князь Оболенский написал жалобу в Синод на неправильное, с его точки зрения, решение столичного духовного цензурного комитета 28 ноября 1877 г. Сначала князь отметил, что цензура в июле 1877 г. пропустила к печати только те сведения о чудесах, которые неоднократно публиковались в предыдущих изданиях и не разрешила печатать сведения о новых чудесах, «требуя о них удостоверения епархиальных начальств»²³. По мнению Оболенского, такое распоряжение было неправильным, поскольку новые «сказания» об о. Серафиме не представляли по сути, «никакого различия с прежде уже напечатанными, и кроме того они касаются лица известного всей России своими деяниями. Получение же удостоверений о них от всех епархиальных начальств представляется, по многосложности дела, невозможным, потому что новые сказания об отце Серафиме получены почти из всех губерний Империи и некоторые из них относятся к давно истекшему времени, и за тем все это повлечет за собою лишь подтверждение в чудесах подобных тем, которые уже были напечатаны»²⁴.

Синод вынужден был отреагировать на данную жалобу, отправив в виде указа запрос в столичный цензурный комитет на предмет того, кто и почему не пропустил рассматриваемую рукопись к печати в полном объеме. Примечательно, что в этом указе Синода, направленном в цензурный комитет от 11 января 1878 г. за № 60, автор-составитель игумен Иоасаф именуется уже схиигуменом Павло-Обнорского монастыря Серафимом²⁵.

Комитет в ответ на запрос Синода ответил, что сведения о новых чудесах были запрещены архимандритом Арсением на основании синодальных же указов от 31 августа 1850 г. за № 9273 и от 18 декабря 1868 г. за № 3735. Первым указом, после рассмотрения пропущенной столичным цензурным комитетом к печати книги «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (Ч. II. СПб., 1850), содержавшей рассказы о новых, но не подтвержденных местной церковной властью чудесах, было дано знать всем духовным цензурным комитетам, «чтобы все сочинения, в которых заключаются сказания о разных неизвестных нашей Церкви чудесах, они представляли с мнением в Св. Синод и ожидали разрешения»²⁶. Вторым указом

Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 172). Вместе с тем, из рассматриваемого дела видно, что игумен Иоасаф еще в августе 1877 г. являлся настоятелем монастыря, что подтверждается подписью судьи на доверенности, имеющейся в деле. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 2–2 об.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Д. 1617. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Л. 6.

Синод запретил публиковать в рукописи «Жизнеописание святителя Питирима» сведения о чудесах. Разрешалось только сделать примечание, что о чудесах святителя Питирима имеется запись в Тамбовском кафедральном соборе²⁷. Само собой предполагалось, что цензурные комитеты в схожих ситуациях будут поступать подобным же образом, т. е., не пропускать к печати сведения о новых чудесах, не засвидетельствованных епархиальной властью.

Рассмотрев ответ столичного духовного цензурного комитета, Св. Синод своим указом от 28 февраля 1878 г. просьбу князя В. В. Оболенского не удовлетворил, не разрешив печатать сведения о новых чудесах без подтверждения епархиальных начальств²⁸. Можно только предположить, учитывая статус просителя и духовный авторитет составителя, что данное дело доставило немало неприятных минут для о. Арсения.

Александр Дюма (сын)

Теперь, что касается запрещенных переводных сочинений. Например, в мае 1872 г. о. Арсений «по причине грамматических ошибок, неточностей в смысле, изуродовании текстов Св. Писания» не пропустил в печать сочинение некоего Попандопуло «Золотой труд»²⁹. Еще один запрещенный труд принадлежал перу ни кого-нибудь, а Александра Дюма (сына). Точнее, речь шла о нескольких страницах из памфлета последнего «L'homme-femme» («Мужчина-женщина», 1872). На указанных страницах, подлежащих рассмотрению духовной цензуры, согласно отзыву о. Арсения, речь шла о сотворении человека, о зле и искуплении.

Однако этот перевод ни в целом, ни в какой-либо своей части не мог быть разрешен к печати, «потому что мысли автора не основаны на Библии, а суть произведения фантазии и некоторого галантерейного отношения к женщине. В частности, мысли: о первом человеке, как муже-жене, которому Господь дал повеление плодиться, об организации женщины, о том, что вечность не доступна отдельной личности и др. такие мысли»³⁰. В итоге, на основании 237 статьи цензурного устава³¹, указанные страницы были запрещены.

Приходилось архимандриту Арсению цензурировать и совершенно безграмотные сочинения. Так, летом 1872 г. на его рассмотрение поступили две рукописи, написанные солдатом Федором Гудковым. Первая статья «О любви Иисуса Христа и Его святая заповедь к православным христианам, как мы должны любить друг друга и суд Господень», написанная в память о 200-летию со дня рождения Петра I, представляла собой сборник выдержек из Св. Писания и нескольких церковных книг. В итоге она была запрещена «по причине безграмотности изложения, искажения текстов Св. Писания, спутанности понятий и неудобовразумительности

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. Л. 7–8 об.

²⁹ Там же. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 41 об.

³⁰ Там же. Л. 101.

³¹ «Сочинения, в которых под предлогом благонамеренного и основательного исследования вопросов, касающихся христианской веры Церкви, приводятся в сомнения важные истины веры, или постановления Православной Церкви, как неблагонамеренные сочинения, не должны быть пропускаемы в напечатанию» (Устав цензурный... С. 42).

предмета»³². Суждение о второй статье того же автора под названием «Домашние беседы» также было отрицательным и при этом довольно резким. Рукопись была запрещена «по причине лживости представления о некоторых предметах, клеветливости на Слово Божие, изуродованию текстов и мыслей Св. Писания, неправильности понимания дела, не обозначению имен Св. Отцов, коих слова приводит автор, неуместных острот и хитрословия, противоречий себе и, наконец, исключительности в постановке предмета, как будто чтение Св. Писания есть единственный руководитель к спасению нашему»³³.

Приходилось духовным цензорам проверять в том числе и изображения. Причем речь шла не обязательно об иконах. Так, в мае 1872 г. архимандрит Арсений не пропустил к печати рисунок «Освящение русской церкви в Ницце», присланный из гражданского цензурного комитета. Причин было несколько. Во-первых, цензор не смог рассмотреть надпись на рисунке, которая была «сделана неявственно, так что смысла не примечается, кроме слова “оупокою”». Во-вторых, непонятным было положение первенствующего священнослужителя на рисунке. Наконец, в-третьих, цензор никак не мог понять, «какой именно момент в освящении схвачен кистью художника». В итоге цензор заключил, что этот рисунок, «без надлежащего исправления, к печатанию дозволен быть не может»³⁴.

Разумеется, цензуре приходилось проверять и стихотворения, обращая внимание не только на содержание, но и на форму. В январе 1873 г. о. Арсений запретил, присланное из Одессы стихотворение «Ангел и демон», поскольку основная мысль произведения сводилась к учению о предсуществовании душ. Кроме того, встречались в сочинении недостойные о небожителях мысли, а также выражения, противоречащие, по мнению цензора, морали и нравственности (например, о. Арсению не понравились выражения «счастливой грешницы» и «невинной грешницы») ³⁵.

Если говорить собственно о богословских сочинениях, то в 1873 г. цензор запретил присланную из гражданского столичного цензурного комитета рукопись под весьма своеобразным названием «Легкий катехизис». Архимандрит Арсений сразу же отметил неуместность подобного заголовка. Что же касается содержания, то было обращено внимание на то, что катехизис «проникнут лютеранством и по местам необстоятельно излагает дело»³⁶.

Время от времени цензорам попадались, насколько можно судить из кратких отзывов, и публицистические работы, которые по несоответствию тогдашней церковной политике, также запрещались. Например, в 1874 г. о. Арсений запретил статью «Одна лишь Изгарь без блесков» «по неосновательности и резкости суждений о предполагаемой реформе церковного суда»³⁷. Учитывая то обстоятельство, насколько острым был тогда и остается сейчас вопрос о церковном суде, остается только догадываться, в каких именно выражениях автор запрещенной рукописи высказывался об этой проблеме.

В ноябре 1872 г. о. Арсению пришлось рассматривать брошюру, посвященную чрезвычайно острой на тот момент времени международной церковной проблеме — «Болгарской схизме». Рассматриваемая брошюра под названием «Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате», судя по всему, отражала греческую позицию. И из краткого, но при этом максимально деликатного отзыва цензора, можно сделать вывод, что в тексте содержалась критика позиции, которую занял Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви. О. Арсений запретил брошюру, ссылаясь на 237 и 239 статьи цензурного устава, отмечая следующее: «В ней (брошюре. — Д. К.) выражается преждевременное

³² РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 60.

³³ Там же. Л. 60–60 об.

³⁴ Там же. Л. 42.

³⁵ Там же. Д. 1535. Л. 4 об., 10.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Д. 1551. Л. 15.

и небеспристрастное суждение о важном деле, касательно решения коего миролюбивым и справедливым образом заботятся пастыри Церкви, и заключаются как обидно вызывающий тон по отношению к высшему Церковному Правительству, так и несправедливые нарекания на Св. Синод Русской Церкви»³⁸.

Нужно было духовным цензорам отчасти разбираться как в истории, так и в нумизматике. Например, в декабре 1875 г. о. Арсений запретил, «по странности воззрений и неосновательности догадок», представленное в прозе и стихах «Описание золотой монеты с изображением Муция Сцеволы» некоего Пасовского³⁹. Возможно, краткость отзыва вынудила автора представить свою рукопись повторно. Поэтому в апреле следующего 1876 г. о. Арсений вынужден был вновь рассматривать указанное выше «Описание». Правда, в этот раз отзыв был более развернутым, так как необходимо было аргументированно пресечь все возможные в дальнейшем попытки представлять рукопись к печати.

Итак, из нового отзыва следовало, что Пасовский представил в цензурный комитет рукопись, включающую три отдельных сочинения: 1) Описание золотой римской монеты с изображением Муция Сцеволы; 2) Второе странное воззрение с основательной догадкой и доказательством на первое; 3) Стихотворное пояснение той же монеты⁴⁰. Что же смутило и заставило выдающегося специалиста в области византологии о. Арсения отказать автору в пропуске к печати его прозаических и поэтических комментариев в отношении указанной монеты? Во-первых, автор считал рассматриваемую им монету выбитой римлянами в память Муция Сцеволы в 5000 году от сотворения мира и притом с аллегорическим указанием именно на этот год. Однако, как справедливо указывает цензор по сути на школьную ошибку автора-«исследователя», римляне не имели понятия о сотворении мира, считали мир вечным и летоисчисление свое вели от основания Рима. Во-вторых, на монете читалось слово «civilis», а не Сцевола. Кроме того, золотая монета появилась в Риме только спустя двести лет после Сцеволы. В-третьих, придаваемый монете символический смысл — указание на имеющего родиться Спасителя миру, Сына Божия, совершенно произволен и бездоказателен. Наконец, в-четвертых, путаница в изложении, недостаток понимания дела и малограмотность таковы, что, как считал цензор, «затрудняют чтение и понимание произведений автора, не говоря уже о странности самого содержания; в пример грамотности можно предоставить первые страницы “Второго странного воззрения” и “Стихи”, где пострямляется (так в тексте. — Д. К.) Ренан с своим выводом в сочинении *Via Iesu* (как будто Ренан по-латыни написал какой-то “путь Иисуса”)»⁴¹. Данная рукопись вполне оправданно была запрещена на основании 236 статьи устава духовной цензуры.

Завершая этот общий разговор о цензурской деятельности архимандрита Арсения в Санкт-Петербургском духовной цензурном комитете для полноты картины следует отметить, что о. Арсений с 1865 по 1868 гг. был цензором проповедей духовенства Воронежской епархии, а в 1888–1889 гг. состоял цензором изданий «Общества любителей духовного просвещения» в Москве⁴². Другими словами, цензурская деятельность красной нитью проходит практически через всю жизнь епископа Арсения. При этом, рассмотренные материалы позволяют утверждать, что владыка был всегда максимально внимателен к поступающим рукописям, пропуская или даже поправляя некоторые тексты, и запрещая тексты или совершенно безграмотные, или подлежащие ограничениям на основании указов Св. Синода. В том числе и этим профессионализмом можно объяснить тот факт, что архимандрит Арсений в 1886 г. сначала был перемещен в Москву, а затем рукоположен в архиерейский сан.

³⁸ Там же. Д. 1519. Л. 105.

³⁹ Там же. Д. 1567. Л. 107 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1584. Л. 34 об.

⁴¹ Там же. Л. 34 об., 40.

⁴² Кедринский М. † В Бозе почивший Преосвященный Арсений... С. 266.

Между Сциллой и Харибдой духовно-цензорской деятельности владыка Арсений прошел вполне достойно, хотя и не без неприятных для себя историй.

Источники и литература

1. *Андреев Г. Л.* Христианская периодическая печать на русском языке. Библиографический указатель. Т. 1: А — М. New York, 1998. 213 с.
2. *Берташ А., свящ.* Павлов Обнорский во имя Святой Троицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 165–176.
3. Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4-х томах. Т. 1: А — Й. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. 576 с.
4. *Букова О. В.* Тьма никогда не скроет свет: жизнеописание схиигумена Серафима (Толстошеева), ученика прп. Серафима Саровского: размышления над страницами Дивеевской летописи в свете архивных данных. М.: Приход храма св. Духа сошествия, Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2010. 656 с.
5. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. 120 с.
6. *Карпук Д. А.* Материальное положение профессоров духовных академий во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургской духовной академии) // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции, Минск, 2 ноября 2016 г. Минск, 2017. С. 193–199.
7. *Кедринский М.* † В Бозе почивший Преосвященный Арсений, еп. Кирилловский // Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 5. Часть неоф. С. 264–275.
8. *Литвинов В.* Воронежская духовная семинария в год прославления и открытия мощей Св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 34. Часть неоф. С. 829–836.
9. *Певницкий Д., прот.* Академические воспоминания † протоиерея Д. Ф. Певницкого // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 4. Часть неоф. С. 81–84.
10. *Попов А. В.* Православные русские акафисты. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 656 с.
11. *Родосский А. С.* Арсений (Ивашенко), епископ // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина: в 12-ти томах. Т. 1: А — Архелая. Пг., 1900. Стб. 1068–1071.
12. *Родосский А. С.* Памяти преосвященного Арсения, епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Ученые богословские труды покойного // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 936–942.
13. *Родосский А. С.* Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (некролог) // Церковный вестник. 1903. № 9. Стб. 284–286.
14. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. По жалобе поверенного, от схиигумена Павло-Обнорского монастыря Серафима, князя Оболенского на С.-Петербургский Духовно-цензурный Комитет, по поводу не разрешения к напечатанию вновь собранных сказаний о чудесах стара Серафима. 10 л.
15. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1513. Бумаги за сентябрь месяц 1872 г. Дело о рассмотрении рукописей: Лекки «История возникновения и влияния рационализма в Европе», И. Пржецлавского «Спиритизм пред судом здравого смысла» и др. 30 л.
16. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Журналы заседаний Комитета за 1872 г. 116 л.
17. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1535. Журналы заседаний Комитета за 1873 г. 106 л.
18. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1551. Журналы заседаний Комитета за 1874 г. 111 л.
19. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1567. Журналы заседаний Комитета за 1875 г. 123 л.
20. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1584. Журналы заседаний Комитета за 1876 г. 113 л.

21. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1591. Бумаги за месяц июль 1877 г. О рассмотрении рукописей и книг: «Календари на 1878 г.», свящ. Ф. Морева «Поучения...» и др. 32 л.
22. Спасский А. А. † Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, и его труды в области византологии // Византийский временник. 1903. Т. X. Вып. 3–4. С. 667–703.
23. Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. 909 с.
24. Э. П. Р. Арсений (Иващенко), еп. // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 401–403.

ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Иеромонах Серафим (Тищенко)

**Антон Владимирович Карташёв: детство и годы обучения
в Пермской духовной семинарии (1875–1895)**

УДК 94(470+571):929+271.2-75-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_79
EDN SUEEBL

Аннотация: Статья посвящена годам становления А. В. Карташёва, которые включают в себя изучение данных о происхождении рода и положении родителей будущего обер-прокурора Св. Синода. Особое место уделяется восприятию образования как безусловной ценности в семье Карташёвых. Данные о времени обучения А. В. Карташёва в духовном училище и семинарии реконструируются на материале делопроизводственных документов соответствующих учебных заведений, а также с помощью данных, выявленных в источниках личного происхождения. Восстанавливается исторический фон обучения церковного историка в указанных учебных заведениях: прослеживается состояние духовного образования, особенности быта конкретного учебного заведения, интеллектуальная и воспитательная среда. Автор делает вывод, что годы обучения и семейная атмосфера оказали колоссальное влияние на мировоззрение и психологию А. В. Карташёва, заложили фундамент его научных интересов, стремления к церковному служению.

Ключевые слова: Антон Владимирович Карташёв, история фамилий, Екатеринбургское духовное училище, Пермская духовная семинария, духовная школа в конце XIX в., семинарские бунты, преподаватели духовных учебных заведений.

Об авторе: **Иеромонах Серафим (Тищенко Семён Анатольевич)**

Магистр богословия, соискатель Санкт-Петербургской Духовной Академии, преподаватель Воронежской духовной семинарии.

E-mail: s.tishenko2009@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9668-9989>

Для цитирования: Серафим (Тищенко), иером. Антон Владимирович Карташёв: детство и годы обучения в Пермской духовной семинарии (1875–1895) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 79–88.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Hieromonk Seraphim (Tishchenko)

**Anton Vladimirovich Kartashev: Childhood and Years of Study
at the Perm Theological Seminary (1875–1895)**

UDC 94(470+571):929+271.2-75-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_79
EDN SUEEBL

Abstract: The article is devoted to the formative years of A. V. Kartashev, which include the study of data on the origin of the family and the status of the parents of the future Chief Prosecutor of the Holy Synod. Special attention is paid to the perception of education as an absolute value in the Kartashev family. Data on the time of A. V. Kartashev's study at the theological school and seminary are reconstructed based on the materials of the office documents of the relevant educational institutions, as well as with the help of data identified in personal sources. The historical background of the training of the church historian in the aforementioned educational institutions is reconstructed: the state of spiritual education, the peculiarities of the life of a particular educational institution, the intellectual and educational environment are traced. The author concludes that the years of study and the family atmosphere had a colossal impact on the worldview and psychology of A. V. Kartashev, laid the foundation for his scientific interests, aspirations for church service.

Keywords: Anton Vladimirovich Kartashev, history of surnames, Yekaterinburg Theological School, Perm Theological Seminary, theological school at the end of the 19th century, seminary riots, teachers of theological educational institutions.

About the author: **Hieromonk Seraphim (Tishchenko Semyon Anatolyevich)**

Master of Theology, applicant for a degree at the St. Petersburg Theological Academy, teacher at the Voronezh Theological Seminary.

E-mail: s.tishenko2009@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9668-9989>

For citation: Seraphim (Tishchenko), hieromonk. Anton Vladimirovich Kartashev: Childhood and Years of Study at the Perm Theological Seminary (1875–1895). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 79–88.

* Photos are taken from open sources.

По поводу происхождения фамилии «Карташёв» исследователи чаще всего ссылаются на статью В. В. Руммеля в словаре Брокгауза и Ефрона. Здесь указывается, что род Карташёвых восходит к татарскому мурзе Акмаю Картышу, который в конце XVI в. владел небольшим поместьем у реки Ишейка (ныне республика Мордовия)¹. В свою очередь слово «Картыш» имеет тюркское происхождение и образовано от слова «qardas», которое дословно переводится как «единутробник», т. е., в современном значении «брат» или «сестра»².

Вместе с этим ряд ученых предполагают, что фамилия «Карташёв» могла появиться на прозвища «картавый»³ и указывает не на тюркское, а русское происхождение. Например, к этой версии склоняется Александр Сергеевич Карташев, который в своем, пожалуй, самом глубоком исследовании о роде Карташёвых считает, что вероятнее всего он имеет псковско-новгородские корни⁴.

Во всяком случае, уже в середине XVI в. фамилия Карташёвых принадлежала лицам, имеющим различный социальный статус: от детей боярских из города Костромы⁵ до стрельцов, служивших в Свяжском остроге⁶. Это свидетельствует о том, что родовое прозвание (своего рода прототип фамилии) Карташёвых к этому времени было широко распространено, большинство ее носителей были людьми служилыми, и что род Карташёвых появился не позднее конца XV — начала XVI столетий⁷.

Сложно сказать, принадлежал ли сам А. В. Карташёв к упомянутому древнему роду Карташёвых. В своей автобиографии Антон Владимирович утверждает, что семьи его отца и матери были из тульских крепостных крестьян⁸. Можно предположить, что их предки были служилыми людьми, которые, по каким-либо причинам, попали в крепостную зависимость, или когда-то принадлежали землевладельцам Карташёвым, от которых и унаследовали фамилию. Известно, что в писцовых книгах города Белева (Тульской области) Карташёвы в статусе детей боярских упоминаются в первой половине XVII в.⁹

А. В. Карташёв

¹ Руммель В. В. Карташевы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4. СПб., 1895. С. 610.

² Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 25.

³ Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 128; *Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии — Карташевы. URL: http://samlib.ru/k/kartashov_a_s/a5istoffam.shtml (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ *Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии...

⁵ Самое раннее свидетельство о роде Карташёвых содержится в Тысячной книге Иоанна Грозного (1550 г.), где упоминаются дворовые дети боярские: Игумен и Богдан Дмитриевичи Карташёвы из города Кострома (*Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 136).

⁶ Упоминаются в писцовой книге Свяжского уезда 1565–1567 гг. (*Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии...).

⁷ А. С. Карташев считает, что родоначальником рода Карташёвых был псковский боярин Картач, чьи сыновья, посадник Ефрем и воевода Арист, упоминаются в Псковско-новгородских летописях в начале XV в. (*Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии...).

⁸ *Карташёв А. В.* Автобиография Антона Владимировича Карташёва (1875–1960) // Вестник русского студенческого христианского движения. 1960. № 58–59. С. 57.

⁹ *Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии...

Судя по всему, именно прадед А. В. Карташёва со своей семьей переселился из Тульской земли в Кыштымское заводское поселение Екатеринбургского уезда. Еще в 1755–1757 гг. промышленник Н. Н. Демидов у реки Кыштым построил два завода: Верхне-Кыштымский чугуноплавильный и Нижне-Кыштымский железоделательный. Для формирования и пополнения кадрового состава предприятий мастеровых и крестьян привозили из центральных губерний. Их поселяли к Верхне-Кыштымскому заводу, тогда как каких-либо поселений у Нижне-Кыштымского завода не было даже во второй половине XIX в.¹⁰ Вероятнее всего время переселения прадеда Антона Владимировича нужно отнести до 1810 г., так как в этом году новый владелец Кыштымских заводов Л. И. Расторгуев приобрел 569 крестьян, после чего основным источником формирования рабочей силы становится население горнозаводского округа и близлежащих территорий¹¹.

В начале XX в. основной контингент переселенцев состоял из посессионных крестьян (категория крепостных крестьян, которые закреплялись за предприятиями), личных крестьян владельцев завода, а также небольшой части (около 8%) наемных рабочих. Среди крестьян была также небольшая часть мастеровых (казенных или принадлежащих владельцам предприятий) и заводских служащих¹². Последние формировали администрацию предприятий, которых в конце XVIII — начала XIX вв. было не более 50 человек (около 2–5% от общего кадрового состава). Нередко в заводские служащие брали тех, кто имел опыт административной работы на подобных предприятиях в прошлом, которые в дальнейшем на Кыштымских заводах образовывали семейную преемственность¹³. Известно, что к этой категории служащих относились прадед (управляющий завода) и дед (помощник казначея) Антона Владимировича Карташёва.

В начале XIX в. заводские служащие находились на привилегированном положении, как и высококвалифицированные мастеровые и заводские лекари, т. к. они имели ряд льгот и более высокие оклады, чем основная масса рабочих. Например, заводской приказчик получал годовое жалование в размере 1200 руб., служащие канцелярии — 300 руб., надзиратели — от 45 до 90 руб., лекарь — 150 руб., а его ученик — 30 руб. Остальные посессионные крестьяне получали жалование от 2 до 4 руб. в месяц¹⁴.

На протяжении XIX в. положение рабочих Кыштымского округа постепенно менялось в лучшую сторону в соответствии с тенденциями социально-экономического развития горнозаводской промышленности Урала. Например, это выражалось в правовом регулировании государством отношений между рабочими и заводладельцами (определение минимальной оплаты труда, возрастного ценза на тяжелых работах и т. д), введение пенсий для отличившихся работников, медицинских услуг и начального образования¹⁵.

Последнее нововведение было необходимо, прежде всего, для пополнения новыми квалифицированными кадрами служащих и мастеровых на заводах Кыштымского округа. Не позднее 1833 г. в одном из зданий Верхне-Кыштымского завода появилась первая двухклассная школа¹⁶, где и учился отец А. В. Карташёва¹⁷ — Владимир Васильевич (1845–1911 гг.). К концу XIX в. в округе их уже было 12 и еще 5 мужских и 4 женских училища¹⁸.

¹⁰ *Расторгуев Л. И.* Кыштымские горные заводы наследников. СПб., 1900. С. 67.

¹¹ *Линник О. В.* Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа в 1745–1900 гг. Дисс... канд. истор. наук. Курган, 2002. С. 138.

¹² В 1809 г. Кыштымские заводы были проданы П. Г. Демидовым купцу Л. И. Расторгуеву (Там же. С. 264).

¹³ Там же. С. 150.

¹⁴ *Расторгуев Л. И.* Кыштымские горные заводы... С. 98.

¹⁵ *Линник О. В.* Социально-экономическое развитие... С. 140–158.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ *Карташёв А. В.* Автобиография... С. 63.

¹⁸ *Линник О. В.* Социально-экономическое развитие... С. 202–203.

Впоследствии Антон Владимирович вспоминал: «Пафосом семьи было “выйти в люди” путем образования»¹⁹. Очевидно, эта идея была присуща не только отцу будущего церковного историка, но и прадеду и деду, которые занимали привилегированное положение на заводе, во многом благодаря начальному образованию.

Под влиянием данной идеи Владимир Васильевич Карташёв (после отмены крепостного права в 1861 г. и введения Земства в 1864 г.) стал волостным писарем, а затем — гласным (т. е., избранным членом) земских собраний Кыштымского округа. Известно, что Владимир Васильевич по поручению Пермского губернатора Н. Е. Андреевского в 1878 г. посещал башкирские селения Екатеринбургского уезда, чтобы убедить жителей наравне с остальными принять участие в организации земских училищ²⁰.

11 июля 1875 г. Клавдия Васильевна Карташёва, супруга Владимира Васильевича, родила сына — Антона Владимировича. По словам протопресвитера Иоанна Мейендорфа, из-за страха перед высокой детской смертностью родители его крестили в день рождения²¹. Данное свидетельство опровергает сведения метрической книги «Духо-Сошественской церкви Кыштымского завода»: младенец Антон был крещен 13 июля (получается на 3-й день) в честь прп. Антония Киево-Печерского. При этом восприемниками были весьма знатные люди: Л. Н. Духанов (на то время управляющий заводами Кыштымского горного округа от лица совладелицы Е. Л. Зотовой) и супруги потомственного дворянина Иоанна Мартьянова-Белецкого — Аполлиарии Иоанновны²².

Три года спустя, в 1879 г., Владимир Васильевич Карташёв был избран членом земской управы Екатеринбургского уезда и вскоре со своей семьей переехал из глухого заводского поселения в крупный город — Екатеринбург²³.

В одной из доверительных бесед с другом С. П. Каблуковым Антон Владимирович признался, что полюбил православное богослужение с 7 лет²⁴, благодаря чему в ранние годы осознал свое истинное предназначение — служение Православной Церкви²⁵. В дальнейшем об этой любви будут неоднократно говорить, как он сам, так и его друзья, коллеги и ученики. Так, Н. М. Зернов свидетельствовал, что Антон Владимирович был зачарован красотой церковных служб, был его исключительным знатоком и всегда пел на клиросе²⁶. Протоиерей Алексей Князев считал, что все творчество А. В. Карташёва было пронизано литургичностью²⁷. По выражению А. В. Карташёва, он «пропагандировал» некоторые службы Великого поста — замечательные по своей красоте и содержанию. С его точки зрения «дьячковская наука» (т. е., опытное знание богослужебного строя) может многое открыть «верующему сердцу и богословствующему уму»²⁸.

Очевидно, высокое социальное положение отца Антона Владимировича способствовало тому, что он в юные годы познакомился с правящим архиереем Екатеринбурга — епископом Нафанаилом (Леандровым), который и посвятил мальчика в стихарь в 8 лет. Владыка Нафанаил был из вдовых священников и очень любил детей,

¹⁹ Карташёв А. В. Автобиография... С. 63.

²⁰ Давшевич Л. А. Русско-башкирские школы Екатеринбургского уезда: опыт национально-образовательной деятельности земства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 168.

²¹ Мейендорф И., протопр. А. В. Карташёв — общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169.

²² Последний обер-прокурор Антоний Карташёв // Официальный сайт Объединенного государственного архива Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/news/posledniy-ober-prokuror-antoniy-kartashyov> (дата обращения: 16.01.2024).

²³ Карташёв А. В. Автобиография... С. 63.

²⁴ Каблуков Сергей Платонович. Дневник за 1909 г. (с 13 апреля по 13 июня) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 27.

²⁵ Карташёв А. В. Автобиография... С. 63.

²⁶ Князев А., прот. Памяти А. В. Карташева // Вестник русского студенческого христианского движения. 1960. № 58–59. С. 262.

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ Там же.

Пермская духовная семинария

что естественно способствовало более глубокому воцерковлению Антона Владимировича, возможности соприкоснуться с красотой как архиерейских, так и приходских богослужений.

Видя искреннее желание служить в Церкви, владыка посоветовал родителям отправить сына в местное духовное училище, которое он закончил в 13 лет по 1-му разряду (в 1888 г.)²⁹, и далее поступил в Пермскую духовную семинарию.

Пермь являлся губернским городом, однако по сравнению с Екатеринбургом он был не намного больше: в конце XIX в. здесь проживало чуть больше 45 тыс. человек, находилось 16 храмов, женский монастырь, духовная семинария, мужское и женское духовные училища и т. д.³⁰

В то время шестилетнее образование семинарии приравнялось к образованию в гимназии. В связи с тем, что Пермская губерния считалась очагом старообрядчества, учебная программа местной семинарии уделяла большое внимание подготовке к миссионерской деятельности будущих пастырей. В последних двух классах семинаристы изучали предмет «Обличительное богословие, история и обличение старообрядчества и сектантства»: в 5-м классе уделялось по 4 урока в неделю, а в 6-м — по 3 (только предмет «Священное Писание» занимал чуть больше уроков — по 4 часа в неделю в последних двух классах). В 1884 г. при семинарии было открыто миссионерское общество, основная деятельность которого заключалась в борьбе со старообрядческим расколом³¹.

Необходимо отметить, что в Пермской семинарии как минимум с 60-х гг. имело место протестное движение среди учащихся (как и во многих других духовных учебных заведениях), которое выражалось в массовых беспорядках и бунтах³². Во второй половине XIX в. они были связаны, скорее всего, не с распространением революционных идей, а с системным кризисом духовно-учебных заведений. Согласно мнению

²⁹ Список учеников, прошедших выпускные испытания по итогам обучения в Екатеринбургском духовном училище в 1887–88 учебном году // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1888. № 27. С. 627.

³⁰ *Вейнберг Л. Б.* Пермь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 13. СПб., 1898. С. 339.

³¹ *Нечаев М. Г.* Пермская модель народного образования XVIII — начала XX вв. // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii--nachala-xx-uv.html> (дата обращения 08.01.2024).

³² *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Л.: Государственное изд-во, 1924. С. 17.

ряда современных исследователей, политические мотивы семинарские бунты приобретут только в начале XX в.³³ Во всяком случае, во второй половине XIX в. в Пермской семинарии было известно только два инцидента, когда учащихся арестовывали по обвинению в политических преступлениях³⁴.

Упомянутый системный кризис заключался, прежде всего, в отсутствии альтернативы в среде замкнутого духовного сословия. Как правило, в духовные училища и семинарии поступали люди не по призванию, а в силу своей принадлежности к духовному сословию. Митрополит Евлогий (Георгиевский), в свое время преподававший в нескольких учебных духовных заведениях, отмечал, что многие представители начальствующих принимали постриг по карьерным соображениям и в результате становились одиозными руководителями. А многие преподаватели, не находя удовлетворения в своей работе и возможности как-то иначе реализовать себя, либо читали лекции совершенно формально, либо находили утешение в пьянстве³⁵.

Известно, что в Пермской семинарии с 1877 по 1884 г. было уволено 4 преподавателя по причине пьянства³⁶. Позже кандидатом на увольнение по той же причине был преподаватель греческого языка П. А. Мстиславский, к которому, согласно воспоминаниям В. А. Яхонтова, ученики относились с презрением³⁷. В докладе по итогам очередной ревизии Пермской семинарии от 1886 г. отмечалось, что преподаватель истории словесности и истории литературы В. Д. Фоминский готовился, в частности, к урокам халатно³⁸, на которых обнаруживал свое полное невежество³⁹.

Наибольшую ненависть семинаристы испытывали к инспекторам, на которых возлагалось их воспитание. Инспектора С. М. Ливанов и П. С. Потоцкий имели своих доносителей, которые состояли из служащих семинарии (швейцар, буфетчики, гардеробщики и др.) и самих учеников⁴⁰. За малейшие проступки П. С. Потоцкий сажал учеников в карцер, где провинившиеся иногда сидели на хлебе и воде неделями⁴¹. Даже после его увольнения с должности инспектора молва о его чрезмерной грубости и жестокости передавалась нескольким поколениям учащихся⁴².

Полуголодное существование в семинарских стенах того времени было обычным явлением. Формально в Пермской семинарии меню в столовой было разнообразным, и учеников кормили весьма сытно⁴³. Однако В. А. Яхонтов вспоминал, что по факту качество еды было очень низким из-за дешевой и некачественной

³³ Попова О. Д. Протестное движение воспитанников Пермской семинарии // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 87.

³⁴ В 1884 г. был осужден по политическому делу А. Любимов, а в 1890 г. был арестован по обвинению в государственном преступлении Золотавин. См.: Титлинов Б. В. Молодежь и революция. С. 30.

³⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 70–99. См. также: Пашков В. П. Вопросы реформирования среднего духовного образования по материалам Предсоборного присутствия 1906 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (13). С. 49–57.

³⁶ Седых Н. П. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 год. Пермь, 1915. С. 89.

³⁷ Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 3.

³⁸ О ревизии статским советником Григорьевским в 1886 году в духовно-учебных заведениях Пермской епархии // Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. 1886 г. Д. 8. Л. 81 об.

³⁹ Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания». Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 388.

⁴¹ Там же. Л. 391.

⁴² Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX в. Ч. I. Пермь, 2017. С. 92.

⁴³ О ревизии статским советником Григорьевским в 1886 году духовно-учебных заведений Пермской епархии. Л. 108.

провизии, которая в свою очередь была результатом воровства эконома. Когда у семинаристов были деньги, они ходили в близлежащий трактир под названием «Сион», где можно было купить относительно дешёвую и качественную пищу. При этом посещение «Сиона» администрация запрещала, да и далеко не все ученики могли себе позволить там питаться⁴⁴.

В знак протеста над вопиющими, с точки зрения учащихся, случаями самоуправства, жестокости администрации и отвратительного питания устраивались погромы не только так называемыми бурсаками, но и иногда «квартирными» (т. е., живущими на съёмных квартирах) семинаристами. Иногда эти бунты приводили к определенным изменениям: менялись инспектора, администрация немного ослабляла свои строгие методы управления. Правда, в большинстве случаев главных зачинщиков наказывали: сажали в карцер, снижали баллы по поведению или просто отчисляли из семинарии.

По мнению В. А. Яхонтова, заниматься воспитанием детей пытались лишь А. И. Тихомиров, преподаватель Св. Писания, библейской и церковной истории, и помощник инспектора П. Н. Черемшанский.

Семинаристы чувствовали, что А. И. Тихомиров своего предмета не любил, но преподавал на должном уровне. Он организовал у себя дома литературный кружок, на который приходило 20 учеников. Здесь обсуждали труды Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Ф. М. Решетникова и даже Н. Г. Чернышевского. Вероятно, для А. И. Тихомирова этот кружок был некой «отдушиной», возможностью заниматься тем, что ему было более интересно, нежели формальная обязанность преподавателя-библеиста⁴⁵.

Возможно, в кружок А. И. Тихомирова ходил и А. В. Карташёв, который в дальнейшем будет проявлять интерес к светской литературе и посещать литературные кружки Д. С. Мережковского и В. В. Розанова⁴⁶.

П. Н. Черемшанский хорошо относился к семинаристам и был снисходителен к мелким проступкам, и даже иногда покрывал крупные, которые грозили виновнику исключением из семинарии. Он презрительно относился к доносителям инспекторов и уделял внимание бытовой жизни учеников. Как отмечает В. А. Яхонтов, бурса жалела П. Н. Черемшанского, потому что он тяготился своей должностью и в семинарии оказался в силу обстоятельств⁴⁷.

В Пермской семинарии никто не занимался досугом учеников. Многие ходили тайком в театр, сбегали кататься на лодках по озеру Кама, а зимой — на коньках. В старших классах процветала игра в карты. Интеллектуальные запросы семинаристов не получали удовлетворения. Строжайший надзор администрации над тем, что читали ученики, формально их ограничивали от ознакомления со многими современными писателями, размышлявшими о судьбе России, ее насущных проблемах. Тем не менее, у молодежи возникало желание присоединиться к современным дискуссиям, в той или иной степени быть участниками общественных процессов. В результате семинаристы или нелегально посещали городские библиотеки, или же заводили подпольную библиотеку: переписывали и распространяли нелегальную литературу и даже создавали свои журналы⁴⁸. Как раз за изготовление подпольного журнала В. А. Яхонтов был отчислен после окончания 3-го класса в 1889 г.⁴⁹

⁴⁴ Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания». Л. 437.

⁴⁵ Там же. Л. 426.

⁴⁶ Веритинов Н. Человек великого разума (памяти учителя) // Возрождение. Париж, 1960. № 106. Октябрь. С. 110.

⁴⁷ Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания». Л. 396.

⁴⁸ Титлинов Б. В. Молодежь и революция. С. 17.

⁴⁹ Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания». Л. 560.

Вероятнее всего А. В. Карташёв не был пленен протестным духом бурсы, на что указывает ряд аргументов. Согласно списку выпускников Пермской семинарии, Антон Владимирович значился среди самых успешных учеников 1-го разряда (второй по успеваемости после Валентина Пушина)⁵⁰. При этом на рейтинг успеваемости семинариста влияли не только баллы по предметам, но и по поведению. В 1894 г. А. В. Карташёв вместе со своим сокурсником А. И. Дергачевым поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию по рекомендации начальства Пермской семинарии за синодальный счет⁵¹. По всей видимости, Антон Владимирович с точки зрения администрации Пермской семинарии был благонадежен в своем поведении и образе мыслей и поэтому достоин продолжить образование.

Таким образом, предки А. В. Карташёва происходили или из обедневшего служилого рода Карташёвых или в статусе крепостных крестьян принадлежали помещикам Карташёвым. Вероятнее всего, прадед Антона Владимировича был переселен в Кыштымское заводское поселение Екатеринбургского уезда до 1810 г. и стал основоположником местной династии привилегированного класса заводских служащих. А. В. Карташёв воспитывался в семье, где верили в общественное развитие через просвещение, дарование свобод и активное участие народа в общественных процессах. Отец будущего церковного историка и общественного деятеля был живым воплощением этой веры: получив свободу от крепостной зависимости, впоследствии он стал земским гласным Екатеринбургского уезда во многом благодаря либеральным реформам императора Александра II. Несомненно, эта активная общественная позиция передалась и самому А. В. Карташёву.

Благодаря любви к церковному богослужению Антон Владимирович уже в юные годы определил для себя дальнейшей жизненный путь — служение в Церкви. В учебных духовных заведениях он был одним из самых успешных учеников, и, по его словам, «убежденным аскетом». А. В. Карташёв, будучи формально из крестьянского сословия, получил великолепное образование благодаря синодальной системе. В дальнейшем это помогло реализовать молодому человеку семейную задачу Карташёвых — «выйти в люди» посредством научно-преподавательской деятельности.

Источники и литература

Источники

1. *Веритинов Н.* Человек великого разума (памяти учителя) // Возрождение. Париж, 1960. № 106. Октябрь. С. 107–112.
2. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. 621 с.
3. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1894–1895 учебный год. СПб., 1908. 432 с.
4. *Игнатьев В. А.* Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX в. Ч. I. Пермь, 2017. 319 с.
5. Каблуков Сергей Платонович. Дневник за 1909 г. (с 13 апреля по 13 июня) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Ед. хр. 4.
6. *Карташёв А. В.* Автобиография Антона Владимировича Карташёва (1875–1960) // Вестник русского студенческого христианского движения. 1960. № 58–59. С. 57–61.

⁵⁰ *Шестаков И., свящ.* Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. В память исполнившегося в 1900 году 100-летия Пермской духовной семинарии. Пермь, 1900. С. 93.

⁵¹ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1894–1895 учебный год. СПб., 1908. С. 17.

7. *Карташев А. С.* История древнейшей русской фамилии — Карташевы. URL: http://samlib.ru/k/kartashov_a_s/a5istoffam.shtml (дата обращения: 16.01.2024).
8. *Князев А., прот.* Памяти А. В. Карташева // Вестник русского студенческого христианского движения. 1960. № 58–59. С. 64–72.
9. О ревизии статским советником Григорьевским в 1886 году в духовно-учебных заведениях Пермской епархии // Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. 1886 г. Д. 8.
10. Список учеников, прошедших выпускные испытания по итогам обучения в Екатеринбургском духовном училище в 1887–88 учебном году // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1888. № 27. С. 626–628.
11. Яхонтов Владимир Александрович (1871–1942), сельский учитель. «Моя жизнь и воспоминания» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107.

Литература

12. *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
13. *Вейнберг Л. Б.* Пермь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 13. СПб., 1898. С. 339.
14. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. 280 с.
15. *Давшевич Л. А.* Русско-башкирские школы Екатеринбургского уезда: опыт национально-образовательной деятельности земства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 166–180.
16. *Линник О. В.* Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа в 1745–1900 гг. Дисс... канд. истор. наук. Курган, 2002. 345 с.
17. *Мейендорф И., протопр.* А. В. Карташёв — общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169–173.
18. *Нечаев М. Г.* Пермская модель народного образования XVIII — начала XX вв. // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspri.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii--nachala-xx-vv.html> (дата обращения 08.01.2024).
19. *Пашков В. П.* Вопросы реформирования среднего духовного образования по материалам Предсоборного присутствия 1906 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (13). С. 49–57.
20. *Попова О. Д.* Протестное движение воспитанников Пермской семинарии // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 87–96.
21. Последний обер-прокурор Антоний Карташёв // Официальный сайт Объединенного государственного архива Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/news/posledniy-ober-prokurator-antony-kartashyov> (дата обращения: 16.01.2024).
22. *Расторгуев Л. И.* Кыштымские горные заводы наследников. СПб., 1900. 114 с.
23. *Руммель В. В.* Карташевы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4. СПб., 1895. С. 610.
24. *Седых Н. П.* Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 год. Пермь, 1915. 225 с.
25. *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Л.: Государственное изд-во, 1924. 166 с.
26. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
27. *Шестаков И., свящ.* Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. В память исполнившегося в 1900 году 100-летия Пермской духовной семинарии. Пермь, 1900. 101 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

И. В. Воронцова

**Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов)
как церковный публицист и редактор журнала
«Православный собеседник»**

УДК 271.2-726.2+271.2-475:070(470)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_89
EDN RMHTVH

Аннотация: В статье представлен аналитический обзор мировоззренческой позиции епископа Смоленского Иоанна (Соколова) как публициста, церковного ученого и свободомыслящего интеллигента второй половины XIX в. Описывается начало его церковного служения, области личного и пастырского интереса и деятельность на должности редактора журнала Казанской Духовной Академии в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Показано, что центральной линией его творчества, как публициста, была связь Русской Церкви с общественной жизнью, ее руководящая роль в решении любых вопросов современности, та же линия проходила через волновавший его вопрос состояния духовных школы и образования во второй половине XIX в. И эта концентрация мысли епископа Иоанна (Соколова) сказалась на его отношении к государственным реформам в России императора Александра II. Отмечается, что именно в годы расцвета его творчества рождается публицистичная проповедь, потеснившая традиционное пастырское слово. Автор делает вывод, что епископа Смоленского Иоанна (Соколова) не случайно в начале XX в. стали считать отцом русской церковной публицистики: его творчество дало направление, средства выразительности и старт ее стремительному развитию.

Ключевые слова: епископ Смоленский Иоанн (Соколов), публицистичная проповедь, церковная публицистика, журнал «Православный собеседник».

Об авторе: **Ирина Владимировна Воронцова**

Доктор теологии, кандидат исторических наук, кандидат богословия, старший научный сотрудник отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

E-mail: irinavoronc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0272-6513>

Для цитирования: Воронцова И. В. Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов) как церковный публицист и редактор журнала «Православный собеседник» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 89–95.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Irina V. Vorontsova

**Bishop Ioann Smolenskij and Dorogobuzhskiy (Sokolov)
as a Church Publicist and Editor of the Magazine
“Pravoslavnyj Sobesednik”**

UDC 271.2-726.2+271.2-475:070(470)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_89
EDN RMHTVH

Abstract: The article presents an analytical review of the ideological position of Bishop Smolenskij Ioann (Sokolov) as a publicist, church scientist and intellectual in the 2nd half of the XIX century. It describes the beginning of his church ministry, areas of personal and pastoral interest and activity as an editor of Kazan Theological Academy's journal in the late 1850s and early 1860s. It is shown that the central line of his work as a publicist was the connection of the Russian Church with public life, its leading role in solving any issues of our time, the same line passed through the question of the state of the spiritual schools and education in the 2nd half XIX of the century. And this concentration of Ioann (Sokolov)'s thought affected his attitude to the state reforms of Emperor Alexander II. It is noted that it was during the heyday of his work that a publicist sermon was born and displaced the traditional pastoral preaching in churches. The author concludes that it was not by chance that Bishop Smolenskij Ioann (Sokolov) was considered the father of Russian Church journalism at the beginning of the XXth century, his work gave direction, means of expression and the start of its rapid development.

Keywords: Bishop Smolenskij Ioann (Sokolov), publicistic sermon, church journalism, Orthodox journalism, magazine “Pravoslavnyj sobesednik”.

About the author: **Irina Vladimirovna Vorontsova**

Doctor of Theology, candidate in History, candidate in Theology, Senior research fellow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Department of Contemporary History of the Russian Orthodox Church of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: irinavoronc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0272-6513>

For citation: Vorontsova I.V. Bishop Ioann Smolenskij and Dorogobuzhskiy (Sokolov) as a church publicist and editor of the magazine “Pravoslavnyj sobesednik”. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 89–95.

* Photos are taken from open sources.

В середине XIX в. в России появилась и дала начало церковной публицистике публицистичная проповедь. Как одна из форм пастырского наставления, публицистичная проповедь развивалась на основе правил церковной гомилетики, постепенно расширяя ее рамки и границы. Такая проповедь быстро устанавливала контакт со слушателями благодаря отличающим ее включениям, таким как своеобразный авторский стиль и экспрессия, отличал ее и целенаправленный поиск новых средств выразительности. Публицистичная проповедь сохраняла задачу нравственно воздействовать на слушателя, его разум и чувства, но стремилась влиять и на общественное мнение в целом.

Епископ Смоленский Иоанн (Владимир Сергеевич Соколов, 1818–1869) историками нашей проповеднической мысли признан основателем русской церковной публицистики. Его заслуги в этой области заметили уже его современники, которые писали, что он привил церковной проповеди публицистический элемент, «вдунул в нее дыхание жизни, влил струю свежей силы, полноты, жизни и духа»¹, стимулируя ее роль *связующего звена* между церковным и внецерковным слоями русского общества. Он облакал свои рассуждения в яркую речь, объяснял духовные смыслы и значение проблем своего исторического времени. Знакомый с господствующими литературными и научными вкусами, он не отказывался от того, чтобы использовать наглядность новых научных знаний и открытий, и особенности светского литературно-художественного стиля. Не будучи единственным церковным публицистом середины и второй половины XIX в., архимандрит Иоанн отличался (например, от известного тогда публициста священника И. С. Беллюстина, критично настроенного по отношению к состоянию дел в Русской Церкви) тем, что мыслил широко, исторически, и не останавливался на проблемах одного духовного сословия. Русская Церковь обязана ему привлечением внимания светской части русского общества к пастырскому слову в годы, когда пафос революционного народничества менял представление молодежи о духовных ценностях и ставил на их место ценности гуманитарные. Наша цель — обратить внимание на начальный период служения и творчества архипастыря.

По желанию обер-прокурора Св. Синода Н. А. Протасова, который проводил политику концентрации в столице талантливого ученого монашества, выпускник Московской Духовной Академии иеромонах Иоанн (Соколов) в 1848 г. был переведен в Санкт-Петербург, 8 сентября того же года возведен в сан архимандрита, а 8 января 1851 г. назначен инспектором Санкт-Петербургской Духовной Академии. В столичной академии архимандрит Иоанн занялся изучением и преподаванием «церковного законоведения», что предполагало глубокое погружение в историю Русской Церкви, сопоставление ее жизни в до- и послепетровскую эпохи, анализирование гражданско-правовой позиции Церкви в мире. В 1853 г. архимандрит Иоанн (Соколов) за сочинение «Опыт курса церковного законоведения» получил ученую степень доктора богословия, что являлось в то время большой редкостью².

Епископ Иоанн (Соколов)

¹ Заведеев П. История русского проповедничества. Тула, 1879. С. 235.

² Епископ Смоленский Иоанн (Соколов) считается «творцом» системы русского церковного законоведения. (Иоанн (Соколов), еп. Богословские академические чтения. СПб., 1897. С. 1).

Начало его проповеднической деятельности совпало с завершением Крымской войны (1853–1856) и вступлением на российский престол (1855) императора-преобразователя Александра II. 28 февраля 1857 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга архимандрит Иоанн (Соколов) произнес «Слово в Неделю Православия», в котором обратился к текущей жизни, чтобы показать отношение Церкви к современным ей движениям и к вопросу внутрисоциальных реформ. В русском обществе, говорил он, наблюдаются стремления к реформам, забота о развитии просвещения и утилитаризм. Просвещению Церковь не может не сочувствовать, но на что опирается это церковное доверие? На здравый ли ум, имеющий Откровение источником своей мудрости, на «не поврежденную» ли вольнодумием науку? Или оно доверяет чужим источникам, чужому и чуждому православию просвещению, где есть начала, противные православной вере и духу? Архимандрит Иоанн заявил, что в России есть *своя* школа, и она может противостоять западному «лжепросвещению», и важно сохранить ее дух. Проповедь имела большой успех, особенно среди особ царского двора, по просьбам публики она была отослана в типографию, но в продажу так и не поступила и из-за небольшого тиража распространялась в списках. Это «слово» содержало в себе основные направления трудов Иоанна (Соколова) в области церковной публицистики в последующие годы.

В конце 1860-х гг. епископ Иоанн (Соколов) вновь обратился к вопросу о развитии Церкви, ее соответствии быстроменяющейся жизни и мысли. Церковь, писал он, кажется «в быстроте и шуме» несущегося к «саморазвитию» мира «слишком неподвижную, слишком безжизненную, наполненную мрачными образами древних времен, уже утерявшими для нового времени свое значение и силу плодотворную»³. Тогда как тенденция времени — «затемнить, спутать, сгладить... исторгнуть из сознания человеческого самую идею Верховного существа... все важнейшие вопросы духа и жизни решать без участия религии и самую религию подчинить свободе человеческого ума и совести...»⁴ Сохранилось около 90 бесед и речей владыки Иоанна, большинство из них рассеяны по периодическим изданиям, 30 «слов» были изданы после его смерти (1869) в 1871 г., а затем в 1876 г. в сборнике «Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского».

17 марта 1857 г., архимандрит Иоанн был назначен ректором и профессором догматического богословия в Казанскую Духовную Академию, где с 1855 г. выходил академический журнал «Православный собеседник». Он обновил редакторский портфель академического журнала и в 1858 г. получил разрешение на перевод и публикацию в нем Деяний Вселенских и Поместных Соборов. При нем журнал быстро набрал до того снизившийся тираж и вошел в число самых читаемых церковных периодических изданий XIX в., совершив «переворот во всем строе тогдашней духовной журналистики»⁵. «Православный собеседник» стал одним из немногих периодических изданий смешанной тематики, т.е., здесь печатались не только академические статьи, но и материалы по острым для того времени темам (как-то: освобождение крестьян от крепостной зависимости, проблемы духовной школы и образования, рост нигилистических настроений, место духовных академий в текущем просветительском процессе), проводился анализ религиозного сознания русского общества второй половины XIX в.

Вокруг архимандрита Иоанна образовался кружок молодых преподавателей. Чтобы стимулировать научно-образовательный процесс в академии, ректор обязал профессорско-преподавательский состав Казанской Духовной Академии ежемесячно представлять в журнал по научной статье. Больше всех авторов писал сам ректор Казанской Духовной Академии, только в 1858 г. архимандрит Иоанн напечатал в «Православном собеседнике» 18 своих статей, общим объемом до 30 печатных листов. Это были статьи по социо-культурным (например, «Слово о духовном просвещении

³ Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского. 2-е изд. Смоленск, 1876. С. 65.

⁴ Там же. С. 148–149.

⁵ *Рождественский Д., свящ.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский. Сергиев Посад, 1914. С. 25.

Казань. Духовная Академия.

Казанская Духовная Академия

России») и общественно-политическим вопросам. Верный своему убеждению в том, что Церковь должна направлять общественную жизнь, а церковная мысль — не отставать от общепросветительского прогресса, архимандрит Иоанн (Соколов) предоставлял страницы журнала церковно-публицистическим сочинениям выпускника Казанской Духовной Академии, этнографа А. И. Лилова⁶ и известного народническими взглядами демократа и историка А. П. Шапова, не скрывавшего своего мнения о Христе, как о «преподавшем демократическое учение»⁷. В этом просматривается его личная симпатия к свободе и оригинальности даже чуждого ему мышления: он не выносил косности, его раздражало невежество и отказ коллег от стремления к постоянному самообразованию. С января по март 1859 г. «Православный собеседник» опубликовал получившую известность речь А. П. Шапова («Голос древнерусской Церкви об улучшении быта несвободных людей») на годичном акте Казанской Духовной Академии 8 ноября 1858 г. В этот период были напечатаны статьи и проповеди самого архимандрита Иоанна — «Несколько слов о вере и народном просвещении в России», «Общество и духовенство», «Рождение Христа и возрождение человечества» и «Слово об освобождении крестьян». В целом, епископ Иоанн (Соколов) в своих «поучениях» и «беседах» рассуждал о свободе совести⁸ и мысли⁹, о женской эмансипации, достижениях современной ему науки¹⁰, о человеческом достоинстве и гуманности; старался показать духовную перспективу происходивших общегосударственных реформ. Например, это коснулось отмены крепостного права, в событии его отмены епископ Иоанн (Соколов) видел наступление эпохи «свободы чад Божиих», а «пророком» этой эпохи указал прп. Зосиму Соловецкого.

Редакторская политика архимандрита Иоанна (Соколова) вызвала негодование духовной цензуры¹¹ и негативную реакцию Св. Синода, нашедшего в материалах журнала реформаторские настроения, мысли «крамольные» и не соответствующие духовному назначению академического издания¹². В марте 1859 г. редакции

⁶ Лиллов Александр Ильич (1832–1890), писатель, педагог, историк, этнограф.

⁷ *Филарет (Дроздов), свт.* Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888. С. 45.

⁸ Беседы, поучения и речи... С. 91.

⁹ Там же. С. 54, 55, 68–69, 72, 153.

¹⁰ Там же. С. 29–30.

¹¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 214. Оп. 1. Д. 59. Л. 28 об.–29.

¹² Там же. Л. 20–22.

и цензорам «Православного собеседника» вновь сделали замечание (в том числе за использование в статьях иностранных слов), а цензуру переводных и оригинальных статей перевели в Московский духовно-цензурный комитет, под личный контроль митрополита Московского Филарета (Дроздова). Для не отличавшегося здоровьем архимандрита Иоанна, и без того переживавшего из-за своего перевода из столицы в Казань, цензурное давление стало дополнительным поводом к болезни и жестким ироничным замечаниям в личной переписке о непросвещенной народной вере. Как ученый и человек острого ума, он оставался сторонником сближения религии и науки, и Церкви — с общественно-политической жизнью. Душа его рвалась в столицу, как в центр культурной жизни России.

В начале 1860-х гг. архимандрит Иоанн (Соколов) широко обсуждал отставание церковного образования от светского. «При новых открытиях, утверждениях новых понятий и взглядов на мир, — писал он, — духовные науки остаются неизменными в своих идеях, неподвижными на своих основаниях... <... > духовное просвещение вынуждено ограничиваться или старыми, уже отжившими пособиями, или новыми несовершенными, или, что еще хуже — и не странно ли — вынуждено прибегать к пособиям иностранным... иноверным...»¹³ В духовном образовании он отстаивал сопряжение светских дисциплин (философии, истории и естествознания) с науками богословскими, и преподавание их в духовной школе с первых лет обучения, рассуждал о недостатке духовности в воспитательном процессе в семинариях и академиях, критиковал образовательный процесс за то, что он мало оставляет места «живому, свободному развитию ума» путем внутренних убеждений и «самосознательного мышления».

Обсуждение на страницах «Православного собеседника» острых вопросов привлекли к журналу тех культурных деятелей, которые вне православия не мыслили ни народной, ни государственной жизни¹⁴ и связывали вопрос укрепления религиозного единства в стране с воспитанием церковной общественности¹⁵.

В 1864 г. профессора Казанской Духовной Академии архимандрита Иоанна (Соколова) назначили ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии, а 17 января того же года он был хиротонисан в епископа Выборгского. Об этих годах его деятельности написано достаточно.

Завершая рассмотрение первых лет служения Церкви епископа (Смоленского) в качестве публициста и редактора академического журнала, стоит заметить, что епископ Иоанн (Соколов) опередил свое время: в начале XX в. его называли бы «прогрессивным» церковным мыслителем уже потому, что он не отрицал эволюционного процесса ни в человечестве, ни в религиозной области: религия, считал он, должна сохранять свое значение для развивающегося общественного сознания. Тема отставания церковного сознания от интеллектуальной жизни современников им поднималась неоднократно (например, в «Беседе в первую неделю Великого поста, при Торжестве Православия, сказанной в кафедральном соборе 18 февраля 1868 года»), однако, в отличие от церковных реформаторов-«прогрессистов» начала XX в., он не считал возможным решать ее за счет составления новых учений или изменений церковного учения «по новым идеям и теориям века»: «...Еще не принесли, — писал он, — новые идеи и теории такой жертвы за мир, которую можно было бы назвать новым его куплением и возрождением...»¹⁶

Отлично знакомый с господствующими литературными и научными вкусами второй половины XIX в., церковный публицист епископ Иоанн (Соколов) считал необходимым не руководствоваться ими в проповеди (как это будет происходить в церковной публицистике в начале XX в.), а руководить ими согласно началам христианского

¹³ Иоанн (Соколов), *еп.* О монашестве епископов. Казань, 1863. С. 215–216.

¹⁴ Например, И. С. Аксаков, а также — архиепископ, а в те годы протоиерей, Амвросий (Ключарев).

¹⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Д. 8. Л. 29 об., 30 об., 31 об.

¹⁶ Иоанн (Соколов), *еп.* Богословские академические чтения. С. 59.

учения. Он охотно пользовался стилем и приемами светского литературного слова, за что и получал замечания от цензоров, но прибегал к ним как к средствам большей выразительности для его современника. Живая, стилистически выверенная речь его проповедей, использовавшая и в письменной форме ораторские приемы устной речи, показывала присущие ему дар художественного слова, острый наблюдательный ум и загнанное вглубь, и рвущееся наружу, эмоциональное и мыслительное напряжение. С нашей точки зрения, епископ Смоленский Иоанн (Соколов) был ярким примером церковного ученого второй половины XIX в., имевшего типичные черты русского интеллигента: уважение к просвещению, стремление к свободе мысли, любовь и уважение к интеллектуальному труду, личную душевную уязвимость¹⁷ и желание привить европейское стремление к научному знанию своей Отчизне.

Проникновение публицистичности в пастырское слово было следствием объективных требований времени. Нельзя не признать, что публицистичная форма проповеди привела в XX в. к тому, что пастырское слово, звучавшее с церковной кафедры, сохранявшее приверженность конфессиональной традиции, вскоре стало в значительной мере отличаться от печатного проповеднического слова, все больше уходившего в беллетристику и освобождавшегося от «церковно-библейского» языка, о чем писал и от чего предостерегал профессор кафедры церковной словесности и знаток пастырского богословия и истории проповеди П. Ф. Певницкий. Уже к началу 1890-х гг. обнаружилась проблема: как только начиналась храмовая проповедь, образованный люд скучал и уходил из церкви. Был поставлен вопрос об «оживлении» церковной проповеди, вынесший на поверхность ее адогматичные формы, в 1902–1910 гг. они закрепились в печатном пастырском слове церковных реформаторов (особенно это было присуще книгам священника Г. С. Петрова).

Деятельность Иоанна (Смоленского) на посту редактора академического журнала положила начало диалогу внецерковных кругов русского общества и духовенства, сформировался запрос на участие Церкви в общественной жизни. Творчество епископа Смоленского Иоанна дало старт обновлению средств выразительности церковной проповеди, связало печатную проповедь с атрибутами публицистики; и новый журналистский жанр — церковная публицистика — начал свое стремительное развитие.

Источники и литература

1. Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского. 2-е изд. Смоленск, 1876. 240 с.
2. *Заведеев П.* История русского проповедничества. Тула, 1879. 267 с.
3. *Иоанн (Соколов), еп.* Богословские академические чтения. СПб.: Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, 1897. 391 с.
4. *Иоанн (Соколов), еп.* О монашестве епископов. Казань, 1863. 242 с.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Д. 8.
6. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 214. Оп. 1. Д. 59.
7. *Рождественский Д., свящ.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский. Сергиев Посад, 1914. 98 с.
8. *Филарет (Дроздов), свт.* Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888. 342 с.

¹⁷ *Рождественский Д., свящ.* Преосвященный Иоанн... С. 12.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Иеромонах Ферапонт (Широков)

**Ревизор Учебного комитета
Петр Иванович Нечаев:
портрет в воспоминаниях современников**

УДК 94(470):929+271.2-732.3+271.2-75
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_96
EDN ZLBHQH

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Петра Ивановича Нечаева в годы служения в Учебном комитете при Св. Синоде (1888–1905). В настоящее время внимание исследователей, которые занимаются изучением истории Русской Православной Церкви синодального периода и духовного образования, приковано в большей степени анализу развития региональных духовных семинарий и училищ, а также проблемам высшего богословского образования, в то время как контрольно-ревизионной деятельности Учебного комитета как важному фактору развития духовного образования уделяется мало внимания. Особый интерес представляют личности ревизоров Учебного комитета, которые посредством ревизий обстоятельно знакомились с положением дел в духовно-учебных заведениях и, следовательно, внесли значимый вклад в развитие духовного образования в России. Этим обусловлена актуальность и научная новизна настоящего исследования. При этом в статье представлена попытка не просто охарактеризовать деятельность синодального чиновника посредством изучения материалов официального делопроизводства, но также проведен анализ источников личного происхождения — писем и воспоминаний, которые, несмотря на субъективный характер, являются ценнейшими материалами, дополняющими официальные сведения. Анализ достаточно широкого доступного круга источников позволил представить наиболее объективный взгляд на поставленный в исследовании вопрос.

Ключевые слова: Св. Синод, Учебный комитет, ревизии духовно-учебных заведений, П. И. Нечаев, архиепископ Савва (Тихомиров), К. П. Победоносцев.

Об авторе: **Иеромонах Ферапонт (Широков Павел Федорович)**

Кандидат богословия, проректор по воспитательной работе, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Вологодской духовной семинарии, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5514-9193>

Для цитирования: Ферапонт (Широков), иером. Ревизор Учебного комитета Петр Иванович Нечаев: портрет в воспоминаниях современников // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 96–105.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Hieromonk Ferapont (Shirokov)

**Inspector of the Educational Committee
Petr Ivanovich Nechaev:
a portrait in the memoirs of contemporaries**

UDC 94(470):929+271.2-732.3+271.2-75
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_96
EDN ZLBHQH

Abstract: The article is devoted to the analysis of Peter Ivanovich Nechaev's activities during the years of his service in the Educational Committee at the Holy Synod (1888–1905). Currently, the attention of the researchers who study the history of the theological education and the Russian Orthodox Church in the Synodal period is focused mainly on the analysis of the regional theological seminaries' and schools' development, as well as on the problems of higher theological education, while little attention is paid to the control and auditing activities of the Educational Committee as an important factor in the development of the theological education. Of particular interest are the personalities of the Educational Committee auditors who through audits thoroughly got familiarized with the state of affairs at theological educational institutions and consequently made significant contribution to the theological education development in Russia. This determines the relevance and the scientific novelty of this study. At the same time, the article doesn't only present an attempt to characterize a synodal official's activities through the official records' study, but also gives the analysis of personal origin's sources such as letters and memoirs which despite their private nature are the most valuable materials that complement the official information. The analysis of a fairly wide range of the available sources allowed us to present the most objective view on the issue posed in the study.

Keywords: the Holy Synod, the Educational Committee, audits at theological educational institutions, P. I. Nechaev, Archbishop Savva (Tikhomirov), K. P. Pobedonostsev.

About the author: **Hieromonk Ferapont (Shirokov Pavel Fedorovich)**

Candidate of Theology, Vice Rector for Educational Work, Associate Professor at the Department of Church and Historical Disciplines at the Vologda Theological Seminary, doctoral student at the General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saint Cyril and Saint Methodius.

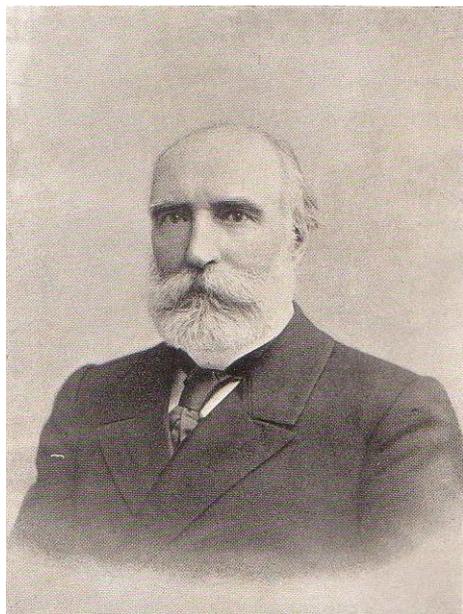
E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5514-9193>

For citation: Ferapont (Shirokov), hieromonk. Inspector of the Educational Committee Petr Ivanovich Nechaev: a portrait in the memoirs of contemporaries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 96–105.

* Photos are taken from open sources.

На сегодняшний день особое внимание исследователей обращено к теме духовного образования. Как церковные, так и светские историки, используя богатый архивный материал, исследуют состояние региональных духовных школ, а также

П. И. Нечаев

историю центрального органа управления духовно-учебными заведениями. При этом ревизионной деятельности Учебного комитета, а также личностям отдельных ревизоров, которые внести существенный вклад в развитие духовного образования, внимание уделяется крайне мало¹. В настоящей статье представлен анализ периода служения в Учебном комитете одного из членов-ревизоров конца XIX — начала XX вв. — Петра Ивановича Нечаева.

При реформе духовного образования 1867 г. и введении в действие нового устава духовных семинарий и училищ в рамках постепенного проведения реформы было необходимо наиболее оперативное утверждение положений реформы на местах. Для этого, согласно положению об Учебном комитете, с самого начала реформы в состав последнего были введены члены-ревизоры, которые должны были проводить обстоятельные ревизии духовно-учебных заведений. Цель ревизии заключалась во всестороннем и комплексном ознакомлении с положением дел в духовных школах, что являлось важным

не только для семинарии, подлежащей ревизии, но и для остальных духовно-учебных заведений, так как по итогам ревизии составлялись печатные отчеты, которые рассылались по всем духовным школам для устранения недостатков, а также разрешения имеющихся недоумений². По мнению ревизора С. В. Керского, печатные отчеты должны были иметь наибольшее влияние на молодых преподавателей, для которых, при их неопытности в педагогическом деле, было бы полезным знать, как ведется преподавание предметов их специальности в других семинариях³.

По итогам ревизии часто следовали перемены в личном составе административных лиц и преподавателей духовных школ. Во всеподданнейшем отчете за 1869 г. обер-прокурор Д. А. Толстой писал: «Бдительно следя, посредством ревизий, за преуспеванием преобразованных духовно-учебных заведений, Учебный комитет не оставлял без внимания никаких недостатков или опущений, изыскивал способы к достижению ими целей реформы и своевременно представлял свои заключения о нужных

¹ См.: Акишин С. Ю. Деятельность Екатеринбургского уездного духовного училища по ревизорским отчетам 1873 и 1876 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 43. С. 148–200; Феропонт (Широков), иером. Деятельность С. В. Керского на посту ревизора Учебного комитета // Научные труды Самарской духовной семинарии. 2022. Вып. XI–XII. С. 81–89; Вытнов В. К. Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 210–215; Керский С. В. Отчет о деятельности Екатеринбургского уездного духовного училища / Подготовка текста диак. А. Рункевича, вступ. ст. и коммент. А. В. Мангилёвой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 233–266; Попова О. Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 1. С. 7–17.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 36. Л. 1 об.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878. Д. 67. Л. 107.

мероприятиях, которые, по утверждению их Святейшим Синодом, были приводимы в исполнение»⁴.

Труд ревизора являлся в значительной степени непростым. Четкой периодичности посещения семинарий не было: в одни духовные школы ревизоры приезжали с периодичностью раз в три года, в другие — с большим перерывом, тем не менее «они стали настолько частыми, что временами даже посвященным было не ясно, кто же настоящий глава учебного заведения: ректор или ревизор»⁵, — отмечает историк С. В. Римский. По завершении ревизии и прибытии в столицу ревизор составлял подробный письменный отчет, который предоставлял обер-прокурору для ознакомления. Последний, в свою очередь, при изучении материалов ревизий оставлял свои пометки в отчете, после чего он направлялся в Учебный комитет для обсуждения и подготовки соответствующих циркуляров и разъяснений по духовно-учебному ведомству. В связи с тем, что преобразование духовных школ на начальном этапе потребовало большого внимания со стороны центрального управления духовными школами, в 1871 г. было принято решение об увеличении числа ревизоров до пяти. В первый состав ревизоров вошли обер-секретарь Св. Синода И. А. Ненарокомов, начальник отделения Канцелярии обер-прокурора Св. Синода С. В. Керский и педагог С. И. Лебедев⁶. Обязательными критериями для ревизоров были высшее богословское образование, опыт службы в духовно-учебном ведомстве и способность проводить «серьезные ревизии, а “не фиктивные, какие были академические ревизии”»⁷.

С 1888 г. в числе ревизоров Учебного комитета был Петр Иванович Нечаев. Он родился в 1842 г. в Смоленской губернии. Будущий ревизор происходил из духовного сословия, в связи с чем имел типичное для своего социального статуса образование: по окончании духовного училища в Вязьме поступил в Смоленскую духовную семинарию, которую окончил с большим успехом, о чем свидетельствует тот факт, что он был направлен казенным стипендиатом для получения высшего богословского образования в столичную Духовную Академию. В 1867 г., завершив учебу в Академии, П. И. Нечаев был определен библиотекарем в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, где также являлся преподавателем всеобщей церковной истории и членом педагогического собрания правления духовной семинарии. В 1869 г. получил степень магистра, а в 1870 г. правлением духовной школы был избран инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии и по собственному желанию стал преподавателем истории Русской Православной Церкви. В 1871 г. за усердную деятельность получил благословение Св. Синода, и в том же году был пожалован орденом св. Анны III степени. С 1872 г. становится преподавателем практического руководства для пастырей в столичной духовной семинарии, с 1876 г. — коллежский советник. В 1880 г. был удостоен ордена св. Станислава II степени «за отлично усердную и ревностную службу»⁸ и в том же году удостоен чина статского советника. В 1884 г. был награжден орденом св. Анны II степени. В период отсутствия ректора Санкт-Петербургской семинарии архимандрита Хрисанфа (Ретивцева) и протоиерея Василия Княжинского П. И. Нечаев как инспектор занимал должность исполняющего обязанности ректора.

За годы службы в столичной духовной семинарии неоднократно удостоивался положительных отзывов ревизоров Учебного комитета: в 1878 г. его труды как инспектора высоко оценил ревизор С. В. Керский⁹; в 1882 г. И. К. Зинченко в ходе ревизии Санкт-Петербургской семинарии отметил, что инспектор П. И. Нечаев «высоко

⁴ Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1869. СПб., 1870. С. 157–158.

⁵ Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 472.

⁶ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. С. 176.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892. Д. 12. Л. 255.

⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878. Д. 67. Л. 169.

отличен» как инспектор, но, прежде всего, как преподаватель практического руководства¹⁰. В данном отношении П. И. Нечаев действительно оставил существенный след: после реформы духовного образования 1884 г., когда был введен новый предмет «Практическое руководство для пастырей», П. И. Нечаев подготовил учебную программу по данной дисциплине, а затем и учебное пособие «Учебник по практическому руководству для пастырей» и труд «Практическое руководство для священнослужителей, или систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав» (1884 г.), за который был удостоен Макарьевской премии. Кроме этого, П. И. Нечаев занимался составлением трудов по церковному законоведению, в связи с чем в годы службы в Учебном комитете он, кроме ревизорских дел, занимался также рассмотрением книг по церковному праву, поступавших для рецензирования на предмет дальнейшего использования в духовных школах, а также на соискание премии памяти митрополита Московского Макария¹¹.

2 октября 1888 г. указом Св. Синода П. И. Нечаев был определен ревизором Учебного комитета, и оставил службу в семинарии, так как, согласно положению об Учебном комитете, ревизор не мог занимать никаких должностей кроме службы в Комитете¹². В 1889 г. получил чин действительного статского советника. За годы службы в Комитете за усердную службу и выслугу лет неоднократно был отмечен наградами: орденом св. Владимира III степени (1893 г.), орденом св. Станислава I степени (1896 г.), орденом св. Анны I степени (1901 г.)¹³.

За 17 лет ревизорской службы П. И. Нечаев ознакомился лично почти со всеми духовными семинариями и училищами России, прежде всего, европейской части, куда был направляем обер-прокурором К. П. Победоносцевым, и знал не только положение учебного и воспитательного дела, но и личный состав преподавателей и служащих лиц. Необходимо отметить, что период службы в Комитете П. И. Нечаева совпал с наиболее напряженным временем, когда в духовных школах сначала локально, а в начале XX в. повсеместно вспыхивали волны протестных движений. П. И. Нечаеву вместе с другими ревизорами приходилось досконально изучать все обстоятельства волнений среди учащихся той или иной духовной школы, выносить вердикты относительно благонадежности начальствующих лиц и преподавателей духовных семинарий и училищ¹⁴. Отчеты о ревизиях, составленные П. И. Нечаевым, а также его доклады о ревизиях содержат подробный материал, полноценно характеризующий как состояние отдельной духовной школы, так и всего духовного образования.

Однако сведения из формулярного списка и официальных документов не дают полной характеристики личности. В виду этого в рамках настоящего исследования мы опирались также на материалы из источников личного происхождения, в которых приводятся воспоминания о П. И. Нечаеве. Характерные воспоминания о П. И. Нечаеве оставил архиепископ Тверской Савва (Тихомиров)¹⁵. В 1888 г. П. И. Нечаев был направлен на ревизию духовно-учебных заведений Тверской епархии. Для ревизора данная ревизия стала первой в его службе в Учебном комитете, и итоги ревизии, по мнению епархиального архиерея, оставили «недобрую память»¹⁶.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1882. Д. 26. Л. 26.

¹¹ П. И. Нечаев (некролог) // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 48. С. 1932.

¹² Суржиков К., диак. Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 374.

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892. Д. 12. Л. 255.

¹⁴ Феррапонт (Широков), иером. Роль и значение начальствующих лиц духовных школ в противодействии революционным волнениям в семинариях начала XX века (на примере Вологодской духовной семинарии) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2020. № 1 (29). С. 151–173.

¹⁵ Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1–9. Сергиев Посад, 1898–1911.

¹⁶ Там же. Т. 8. С. 533.

П. И. Нечаев в ходе обстоятельной ревизии обнаружил многочисленные недочеты в духовной семинарии¹⁷. В период пребывания в Твери ревизор не высказывал недовольства по положению дел, что было типичным для П. И. Нечаева. Однако по возвращении в столицу в своем отчете ревизор представил положение дел в неудовлетворительном ключе. Член Учебного комитета протоиерей Иоанн Образцов писал архиепископу Савве: «Что-то наш ревизор нашел в вашей семинарии и моей родной? Нечаев — ревизор новый, но человек умный и добрый. Я уверен, что ревизия его будет иметь последствия для семинарии только добрые»¹⁸. В 1889 г. о. Иоанн вновь писал владыке Савве: «Нечаев подал отчет о вашей семинарии. Константин Петрович немало наделал на отчете отметок и о. председателю, между прочим, выразился так: “вот у них юбилей, просят наград, а как награждать таких? Преподаватели еще туда-сюда, а ректор? О нем нужно еще подумать: следует ли такому быть во главе семинарии”... Нечаев говорил мне, что еще смягчил много правду, — кое о чем нужно бы выразиться посильнее, да людей жалко»¹⁹. Виновником всех неустойчивостей ревизор видел ректора семинарии протоиерея Петра Соколова, которого однако не требовал заменить, а считал целесообразным предъявить ему предписания по исправлению ситуации. При этом окончательное решение по дальнейшей службе ректора должен был вынести архиепископ Савва.

Владыка Савва выразил несогласие с мнением ревизора о положении дел в семинарии, а также выступил в защиту ректора, отметив, что ревизор в своем отчете вынес предложения, которые несовместимы с реальностью²⁰. В 1891 г. архиепископ Савва направил письмо обер-прокурору, в котором писал: «Мне очень жаль, что Вы так сильно предубеждены против нынешнего Ректора, без сомнения вследствие невыгодного о нем отзыва г. Нечаева, производившего в 1888 году далеко небеспристрастно ревизию Тверской семинарии. — Слышу я притом, что Вы негодуете и на меня за поддержку ректора; но на это я должен сказать, что если бы Св. Синод... удалил Ректора от должности, я не осмелился бы протестовать против сего. Но когда Св. Синоду угодно было потребовать от меня о Ректоре отзыв и заключение, я погрешил бы против своей совести, если бы сделал о нем иной отзыв, какой мною дан в донесении Св. Синоду от 9 февраля 1890 г.»²¹

Протоиерей Евгений Соловьев²² в письме архиепископу Савве отмечал, что Уфимский директор народных училищ, выпускник Тверской семинарии в беседе с обер-прокурором удостоверился, что последний полностью поддерживал мнение П. И. Нечаева о положении дел в Тверской семинарии, отмечая: «Люблю и уважаю я Преосвященного Савву, но напрасно он защищает и оправдывает ректора, бросая неприятную тень на ревизию Нечаева; надобно-бы многое сделать по отношению к Тверской

¹⁷ Следует отметить, что недостатки в учебной и воспитательной работе были обнаружены и предыдущей ревизией. См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 16.

¹⁸ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни... Т. 8. С. 555.

¹⁹ Там же. С. 593.

²⁰ Так, в письме А. В. Гаврилову архиепископ Савва писал: «Получена, наконец, мною от Константина Петровича бумага, с приложением копии Журнала Учебного комитета по делу ревизии Семинарской... Я бегло просмотрел на первый раз Журнал и подивился некоторым странным, если не сказать более, требованиям г. ревизора. Он напр., требует, чтобы казенно-коштные и живущие в общежитии ученики за неимением при семинарии сада, отправлялись на прогулку, разумеется, ежедневную, под предводительством помощников инспектора. Итак, ежедневное шествование 350 взрослых и рослых парбов, конечно, попарно, по стогнам града Твери — картина, достойная кисти художника... Немаловажен вопрос, возбужденный ревизором и относительно помещения воспитанников семинарии в Семинарской церкви... Что же остается делать семинарскому начальству вкупе со мною? Или раздвигать стены в церкви, или ставить одних учеников на головы других. Вот ведь до чего может простираться требовательность таких ревизоров, как г. Нечаев». См.: *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни... Т. 8. С. 643–644.

²¹ Там же. Т. 9. С. 35.

²² Законоучитель Уфимской женской гимназии.

семинарии, но жалко огорчить Преосвященного. Нечаев исполнил свое дело с умением и весьма добросовестно». Сам протоиерей Евгений в письме архиепископу Савве указывал, что являлся однокурсником П. И. Нечаева по Духовной Академии и характеризовал его самым нелицеприятным образом: «Начальство, мне думается, обмануть ловкому человеку ничего не стоит. Я полотоварищ Нечаева и знаю его... он посредством надувательств попал из грязи в князи»²³.

Положительную характеристику П. И. Нечаеву в своих воспоминаниях дал помощник инспектора Вологодской духовной семинарии Н. А. Ильинский, который был свидетелем двух ревизий Вологодской семинарии, производимых П. И. Нечаевым, причем обе ревизии были обусловлены особыми обстоятельствами в духовной школе. В 1894 г. П. И. Нечаев был командирован в Вологодскую семинарию для изучения конфликта, который возник между епископом Вологодским Антонием (Флоренсовым) и семинарской корпорацией²⁴. Н. А. Ильинский в воспоминаниях пишет: «Он (Нечаев. — *иером. Ф.*) приехал к нам после большой перемены, в тот момент, когда преподаватели стали расходиться на уроки. Мы, помощники инспекции, стояли в это время в коридоре около учительской. Когда ректор, при представлении нас, назвал мою фамилию, ревизор, посмотрев на меня внимательно, спросил: “Как же вы служите, не получая жалованья?”²⁵ На это ректор²⁶ сказал, что жалованье мне пока выдается. “Да, конечно, так и должно быть”, — заметил Нечаев и с этими словами вошел в учительскую. Пробыв здесь несколько минут, он взял расписание уроков и в сопровождении ректора пошел по классам»²⁷.

Н. А. Ильинский был приглашен ревизором для беседы о сложившейся конфликтной ситуации. «Нечаев, когда я вошел к нему, пил чай. Поблагодарив меня за доставленные ему манифесты, он предложил мне разделить с ним чайную компанию. Я сел. Ревизор положил на стол мешочек с сахаром и извинился, что у него нет сахарницы. “Этот мешочек, — сказал Петр Иванович, — сопровождает меня при всех моих путешествиях”. Я выпил стакан чаю и встал, чтобы раскланяться с ревизором, но последний остановил меня и предложил мне снова сесть. Беседа велась о поведении учеников...»²⁸

Во второй раз П. И. Нечаев посетил Вологодскую семинарию с ревизией в 1902 г. в связи с протестными волнениями в духовной школе. Н. А. Ильинский пишет: «Приезд этого чиновника был для нас полною неожиданностью. Нечаев приехал к нам после 20 января, когда воспитанников почти еще не было. Представление ему состоялось в Правлении семинарии, куда приглашены были особой повесткой все преподаватели и члены инспекции. После представления состоялось педагогическое собрание, на котором Нечаев знакомился со взглядами преподавателей на происшедшие беспорядки, интересовался, чем Правление руководствовало, относя учеников к той или иной группе... Следующие дни Нечаев был занят рассмотрением журналов Правления, был у губернатора, жандармского полковника. Какой материал он получил от этих лиц, конечно, никто об этом знать не мог»²⁹. Н. А. Ильинский, описывая ревизию П. И. Нечаева, подчеркивает в своих воспоминаниях, что ревизор отличался особой объективностью: несмотря на то, что епископ Вологодский Алексей (Соболев) пытался всеми способами представить ректора семинарии протоиерея Александра Агронома виновным в неуроядках в духовной школе, ревизор по замечанию

²³ Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни... Т. 9. С. 783.

²⁴ Андроник (Трубачев), игум. Антоний (Флоренсов), еп. Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 645–646.

²⁵ Епископ Антоний желал закрыть сверхштатную должность помощника инспектора, которую занимал Н. А. Ильинский. См.: Феропонт (Широков), иером. Вологодская духовная семинария во второй половине XIX — начале XX века. Вологда, 2022. С. 122.

²⁶ Протоиерей Иоанн Лебедев.

²⁷ Государственный архив Вологодской области. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 248 об.

²⁸ Там же. Л. 249 об.—250.

²⁹ Там же. Л. 290 об.

Н. Ильинского «не нашел в действиях ректора оснований к тому, чтобы и со своей стороны очернить его пред центральным управлением и всю вину на происшедшее в семинарии свалить на ректора. Говорили, что Нечаев уезжал и, прощаясь с епископом, был холоден и на попытку Пр[еосвяще]нного узнать, какие он вынес заключения о причинах беспорядков, уклонился от прямого ответа»³⁰.

Выше уже отмечалось, что годы службы в Учебном комитете П. И. Нечаева выпали на чрезвычайно непростой период в жизни духовно-учебных заведений, омраченный протестными волнениями. Во второй половине XIX в. они имели спонтанный характер, и были вызваны как недочетами воспитательного процесса, так и агитацией среди преподавателей. Однако, в конце столетия и, в особенности, в начале XX в. протестные движения среди учащихся приобретали стихийный характер, что было связано с революционными брожениями в обществе. В связи с этим, ревизорам Учебного комитета приходилось проводить обстоятельные ревизии в духовных школах, охваченных волнениями. И первостепенной задачей ревизоров было выявление причин волнений, а также установление правильного хода учебного дела. В частности, П. И. Нечаев, посетив в 1897 г. Минскую, Нижегородскую и Черниговскую духовную семинарию, установил наличие упущений воспитательного процесса, а также административного управления, что приводило к распространению протестных идей и беспорядкам в семинариях. Так, в Минской семинарии ревизор установил, что причиной беспорядков была распушенность семинаристов из-за неправильной постановки воспитательного дела — среди воспитателей отсутствовало единство, поэтому не было строгой системы нравственного воздействия. В Нижегородской семинарии П. И. Нечаев обнаружил наличие в библиотеке книг, недопустимых для чтения воспитанниками, содержавших либеральные и антиправительственные идеи. В Черниговской семинарии виной беспорядков, по мнению ревизора, был ректор, который проявлял бестактность и неопытность³¹. Следствием ревизий становились распоряжения Учебного комитета и определения Св. Синода, в которых определялись меры для стабилизации положения, а также принимались и радикальные меры относительно начальствующих лиц в духовных школах.

В 1895 г. П. И. Нечаеву было определено совершить ревизию Московской Духовной Академии, что само по себе было фактом неординарным, так как ревизии духовных академий совершали назначаемые на это архиереи, а не члены Учебного комитета, что, по замечанию церковного историка Н. Ю. Суховой, оскорбило корпорацию, при этом «непочтительность» ревизора усугубила и без того непростую ситуацию³². Ревизия была вызвана недочетами в управлении Академией в период ректорства архимандрита Антония (Храповицкого). Ревизором были открыты многочисленные недостатки воспитательного процесса, а также экономического характера. Совет Академии представил особое заявление 13 профессоров, которые высказались против замечаний ревизора. «К объяснениям профессоров прислушались мало, но сам факт свидетельствовал о новой эпохе в жизни академии: попытке корпорации заявить духовной власти свое особое мнение»³³. Обер-прокурор, от имени которого действовал ревизор, расценил это действие корпорации как саботаж. Указ Синода засвидетельствовал необходимость строгих мер к улучшению учебной дисциплины, что относилось как к учащимся, так и преподавателям.

Службу в Учебном комитете П. И. Нечаев нес вплоть до своей кончины, последовавшей 31 октября 1905 г. В некрологе, напечатанном в Церковных ведомостях, отмечалось: «При устном обсуждении дел в заседаниях, П. И[ванови]ч всегда поражал точным знанием всякого рода распоряжений по делам духовно-учебных заведений, полезны были его опыт и наблюдения над жизнью наших духовных школ»³⁴.

³⁰ Там же. Л. 291 об.

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 71. 1 отд. 2 ст. Д. 31. Л. 5 об.–39.

³² Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа... С. 477.

³³ Там же.

³⁴ П. И. Нечаев (некролог)... С. 1932.

Таким образом, можно отметить, что П. И. Нечаев являлся одним из наиболее авторитетных сотрудников Учебного комитета второй половины XIX — начала XX вв., которого отличала объективность в работе и компетентность, приобретенная за годы учебы в духовных школах, а также педагогической и административной деятельности в столичной духовной семинарии. Материалы официального делопроизводства свидетельствуют о том, что П. И. Нечаев не являлся тем чиновником, который хотел быстро покинуть службу в Комитете, а ответственно и усердно нес свое служение в духовно-учебном ведомстве. Отчеты о ревизии духовных школ, составленные П. И. Нечаевым, отражали внимательное отношение ревизора к проблемам духовно-учебных заведений и способствовали выявлению проблем на местах, что в свою очередь способствовало правильному и своевременному реагированию со стороны центрального органа управления духовными школами. Источники личного происхождения, как и следовало ожидать, дают неоднозначные представления о нем, однако, в целом, подчеркивают его особое усердие и тщательность при проведении ревизий духовных школ в наиболее непростой период их истории.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1.
2. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1869. СПб., 1870.
3. *Керский С. В.* Отчет о деятельности Екатеринбургского уездного духовного училища / Подготовка текста диак. А. Рункевича, вступ. ст. и коммент. А. В. Мангилёвой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 233–266.
4. П. И. Нечаев (некролог) // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 48. С. 1932–1933.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 36; 1878. Д. 67; 1882. Д. 26; 1892. Д. 12; Ф. 797. Оп. 67. 1 отд. 2 ст. Д. 36; Оп. 71. 1 отд. 2 ст. Д. 36.
6. *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1–9. Сергиев Посад, 1898–1911.

Литература

7. *Акишин С. Ю.* Деятельность Екатеринбургского уездного духовного училища по ревизорским отчетам 1873 и 1876 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 43. С. 148–200.
8. *Андроник (Трубачев), игум.* Антоний (Флоренсов), еп. Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 645–646.
9. *Вытнов В. К.* Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 210–215.
10. *Попова О. Д.* Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 1. С. 7–17.
11. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. 568 с.
12. *Суржиков К., диак.* Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 371–377.
13. *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. 659 с.

14. *Ферапонт (Широков), иером.* Вологодская духовная семинария во второй половине XIX — начале XX века. Вологда, 2022. 412 с.
15. *Ферапонт (Широков), иером.* Деятельность С. В. Керского на посту ревизора Учебного комитета // Научные труды Самарской духовной семинарии. 2022. Вып. XI–XII. С. 81–89.
16. *Ферапонт (Широков), иером.* Роль и значение начальствующих лиц духовных школ в противодействии революционным волнениям в семинариях начала XX века (на примере Вологодской духовной семинарии) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2020. № 1 (29). С. 151–173.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Священник Михаил Березин

**К вопросу о восстановлении
Петропавловского викариатства и преобразование его
в самостоятельную кафедру (1956–1958 гг.)**

УДК 94(47+57)+271.2(574)-9"1956/1958"
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_106
EDN CLUMTJ

Аннотация: В статье рассматривается малоизученный вопрос возобновления Петропавловского викариатства и преобразования его в самостоятельную епархию в 50-х гг. XX в. Автор приходит к выводу, что основным инициатором епархиальных преобразований являлся святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский). Произошедшие канонические изменения являлись частью плана Предстоятеля по разукрупнению обширной Казахстанской епархии. В статье анализируются взаимоотношения управляющего епархией епископа Иосифа (Чернова) с уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви по Казахской ССР С. Р. Вохмениным. На материалах личной переписки этих лиц показывается характер церковно-государственных связей в самом начале «хрущевских» гонений на Церковь. Попутно раскрывается отношение епископа Иосифа к некоторым современным ему церковным иерархам. На основании ранее не опубликованных архивных источников показываются финансовые, кадровые и организационные трудности с которыми столкнулась вновь учрежденная церковно-каноническая единица и способы их преодоления. Показывается, что, несмотря на ряд трудностей объективного и личного характера, к 1958 г. удалось обеспечить штатную работу органов епархиального управления.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Петропавловская епархия, епископ Иосиф (Чернов), епархиальное управление, Совет по делам Русской Православной Церкви.

Об авторе: Священник Михаил Анатольевич Березин

Магистр богословия, преподаватель Алматинской Православной Духовной Семинарии.

E-mail: berezin_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0433-3019>

Для цитирования: Березин М. А., свящ. К вопросу о восстановлении Петропавловского викариатства и преобразование его в самостоятельную кафедру (1956–1958 гг.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 106–121.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Priest Mikhail Berezin

**On the restoration
of the Peter and Paul Vicariate and its transformation
into an independent department (1956–1958)**

UDC 94(47+57)+271.2(574)-9"1956/1958"
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_106
EDN CLUMTJ

Abstract: The article examines the little-studied issue of the renewal of the Peter and Paul vicariate and its transformation into an independent diocese in the 50s XX century. The author concludes that the main initiator of the diocesan transformations was His Holiness Patriarch Alexy I of Moscow and All Russia (Simansky). The canonical changes that took place were part of the Primate's plan to unbundle the vast Kazakh diocese. The article analyzes the relationship between Bishop Joseph (Chernov), the administrator of the diocese, and S. R. Vokhmenin, the commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kazakh SSR. The personal correspondence of these individuals shows the nature of church-state relations at the very beginning of the "Khrushchev" persecution of the Church. Along the way, Bishop Joseph's attitude towards some of his contemporary church hierarchs is revealed. Based on previously unpublished archival sources, the financial, personnel and organizational difficulties faced by the newly established church canonical unit and ways to overcome them are shown. It is shown that despite a number of difficulties of an objective and personal nature, by 1958 it was possible to ensure the regular work of the diocesan administration bodies.

Keywords: Russian Orthodox Church, Peter and Paul Diocese, Bishop Joseph (Chernov), diocesan administration, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church.

About the author: **Priest Mikhail Anatolyevich Berezin**

Master of Theology, Teacher of the Almaty Orthodox Theological Seminary.

E-mail: berezin_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0433-3019>

For citation: Berezin M. A, Priest. On the restoration of the Peter and Paul Vicariate and its transformation into an independent department (1956–1958). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 106–121.

Одной из актуальных тем современной исторической науки является изучение канонического устройства Русской Церкви в период советских атеистических гонений. Вопросы учреждения и пресечения епархий и викариатов, порядок назначения и перемещения высших иерархов, органы епархиального и приходского управления становятся предметом многочисленных исследований светских и церковных историков. Тем не менее, малоисследованными остаются многие темы региональной церковной истории. Одной из таких исторических тем является вопрос о восстановлении в 50-х гг. XX в. Петропавловского викариата и последующее преобразование в самостоятельную епархию. Восстановленная церковно-каноническая единица охватывала площадь равную трети территории Казахской ССР. Вследствие чего разработка озвученной темы совершенно необходима для построения цельной и непротиворечивой картины церковной жизни на территории Казахской республики в XX столетии.

История Петропавловской епархии берет свое начало в самом конце синодального периода Русской Церкви. 6 ноября 1914 г. указом Св. Синода в составе Омской епархии было создано Петропавловское викариатство¹. Необходимо отметить, что Петропавловский викарий имел весьма обширные полномочия: ему было поручено самостоятельное управление Акмолинским, Атбасарским, Кокчетавским и Петропавловским уездами Акмолинской области².

После гибели в 1921 г. первого Петропавловского викария епископа Мефодия (Красноперова) церковная жизнь на этой территории в течение нескольких лет была расстроена. Ряд назначенных архипастырей к месту служения не прибыли. Только с назначением в 1924 г. епископа Алексия (Буя) викариатство, наконец, обрело каноническое возглавление³.

При недолгом патриаршем местоблюстителстве Преосвященного Серафима (Самойловича) викариатство «де-факто» получило статус самостоятельной епархии⁴. 12 марта 1934 г. такое положение вещей было узаконено постановлением Временного патриаршего Св. Синода⁵.

Годом ранее на Петропавловскую кафедру был назначен хиротонисанный во епископа иеромонах Вениамин (Иванов). К этому времени г. Петропавловск стал центром обширной Карагандинской области, вследствие чего каноническая территория епархии была существенно расширена. Однако после вынужденного перевода Преосвященного Вениамина на Саратовскую кафедру в сентябре 1936 г., Петропавловская епархия фактически осталась без возглавления и пресеклась⁶.

В последние предвоенные годы власти завершили разгром церковной организации Северного Казахстана, вследствие чего к 1941 г. в регионе остался действующим лишь один храм, расположенный в областном центре — г. Петропавловске. Было практически полностью уничтожено все православное духовенство региона. Реставрация церковной жизни стала возможна лишь после встречи руководителя Советского правительства И. В. Сталина с группой церковных иерархов в сентябре 1943 г. и изменения характера государственно-конфессиональных отношений.

¹ Епархиальные известия // Омские епархиальные ведомости. 1914. № 24. С. 10. См. подробнее: *Березин М. А., свящ., Э. П. Р.* Петропавловское викариатство // Православная энциклопедия. Т. LVI. М., 2019. С. 315–317.

² Указ Его Императорского Величества, Самодержца всероссийского, из Омской духовной консистории // Омские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 2–3.

³ *Шкаровский М. В.* Алексий (Буй Семен Васильевич) // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 661.

⁴ *Сушко А. В., Петин Д. И.* «Вы почти своевременным приспособить деление епархий применительно к новому гражданскому делению...» Доклад епископа Омского Аркадия митрополиту Нижегородскому Сергию и Священному Синоду. 1929 г. // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 387–405.

⁵ Положение об областных Преосвященных // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. С. 222.

⁶ Специальный Государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области. Ф. 16. Д. 01485.

В начале 1945 г. территория Северо-Казахстанской области вошла в состав IV благочиния Ташкентской епархии. Уполномоченный С. Р. Вохменин в отчете Г. Г. Карпову отмечает, что это произошло без согласования с республиканским Советом, который принципиально стоял на позиции учреждения для Казахстана самостоятельной епархии и включения в оную всех действующих молитвенных помещений⁷.

В июне этого же года, постановлением патриарха и Св. Синода единственный приход области был вновь переподчинен, войдя в состав Омского благочиния Новосибирской епархии⁸. Между тем, 5 июня 1945 г. была сформирована самостоятельная Алматинская и Казахстанская епархия во главе со ссыльным архиепископом Николаем (Могилевским). Несколько позже из восточных регионов Казахской ССР была образована самостоятельная Семипалатинская и Павлодарская епархия, включающая в себя приходы Восточно-Казахстанской, Семипалатинской и Павлодарской областей⁹. Лишь во второй половине 1946 г. территория Северо-Казахстанской области вошла в состав Алматинской и Казахстанской епархии.

25 октября 1955 г. скончался правящий архиерей Казахстанской епархии митрополит Николай (Могилевский), на долю которого выпали многочисленные труды по восстановлению и укреплению церковной жизни в Казахской республике в первое послевоенное десятилетие. Уже в ноябре Св. Синодом, временно управляющим Казахстанской епархией, был назначен епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген (Голубев).

Заняв должность временно управляющего, епископ Ермоген принял решение ликвидировать самостоятельную Казахстанскую епархию (что было явным превышением возложенных на него полномочий). Православные приходы Казахской ССР должны были быть разделены на несколько частей и распределены между ближайшими епархиям. Так, приходы Северо-Казахстанской области, как и до революции 1917 г., должны были войти в состав Омской епархии. В свою очередь приходы юга республики, включая также крупнейший религиозный центр Среднеазиатского региона г. Алма-Ату, должны были быть переданы непосредственно в возглавляемую епископом Ермогеном Ташкентскую епархию.

Временное церковное руководство Казахстанской епархии не стало бы готовить заведомо выходящие из его компетенции административные решения, не получив соответствующие указания из Св. Синода или лично от патриарха Алексия I. Предположение является вероятным еще и потому, что казахстанский уполномоченный С. Р. Вохменин всегда отстаивал необходимость существования в республике самостоятельной епархии, следовательно, Совет не мог быть инициатором столь масштабного церковно-административного решения: последнее бы существенно затрудняло попытки полностью контролировать религиозные дела советской республики.

С этим также согласуется имеющаяся информация, что непосредственно перед смертью митрополита Николая, у последнего состоялись некие переговоры (по телефонной связи) с епископом Ермогеном. Предмет переговоров доподлинно неизвестен, однако Ташкентский архиерей уже тогда был указан духовенству как временно управляющий еще не вдовствующей епархии¹⁰.

Озвученные владыкой Ермогеном планы по разделению епархии вызвали широкий резонанс и породили активное сопротивление со стороны духовенства и приходских Советов по всей Казахстанской епархии. В архиве Совета сохранилась копия телеграммы, направленной на имя патриарха объединенным собранием

⁷ Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 4. Л. 21.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 35.

⁹ Переменения, назначения архиереев // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1947. № 11. С. 6.

¹⁰ Николай (Могилевский Феодосий Никифорович) // Православная энциклопедия. Т. L. М., 2018. С. 271; «Тихий свет лампы негасимой...»: священноисповедник Николай, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский / Сост. В. Королёва. М., 2015. С. 119.

Епископ Петропавловский и Кустанайский
Иосиф (Чернов)

Целостность и самостоятельность Казахстанской епархии была сохранена. 31 мая 1956 г. на Казахстанскую кафедру был назначен новый правящий архиерей, которым стал архиепископ Иоанн (Лавриненко)¹⁴. Тем не менее, мысли патриарха и Синода о преобразовании Казахстанской епархии нашли свое продолжение самым неожиданным образом.

В апреле 1948 г. в Спасское отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря прибыл приговоренный к 10 годам лишения свободы бывший епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). В июне 1954 г., по окончании срока заключения, архиерей был выслан на поселение в пос. Аккудук Кокчетавской области. Однако уже через месяц ему удалось перевестись в областной центр — г. Кокчетав, где после многих затруднений, вызванных нежеланием уполномоченного С. Р. Вохменина выдать справку о регистрации, он был назначен настоятелем городского Михаило-Архангельского храма. В июле 1956 г. последовало неожиданное благословение от патриарха Алексия I занять место почетного настоятеля собора апостолов Петра и Павла г. Петропавловска¹⁵.

Как думается, внезапный перевод в г. Петропавловск на почетную, однако совершенно не связанную с церковно-административными делами должность, был частью некогда принятого патриархом решения по преобразованию протяженной Казахстанской

церковно-приходских советов Петропавловского благочиния в поддержку сохранения самостоятельной Казахстанской епархии. Сами же подписанные протоколы собрания были высланы в канцелярию Московской Патриархии почтовым отправлением. В телеграмме также имеется указание на существование подобных петиций из других благочиний Казахстанской епархии: «присоединяемся к общему ходатайству перед Патриархом»¹¹.

Стоит отметить, что к общему ходатайству духовенства и мирян присоединился также весьма авторитетный священнослужитель Казахстанской епархии настоятель Никольского кафедрального собора г. Алма-Аты архимандрит Исаакий (Виноградов). Белый офицер-«дроздовец», выпускник и постриженник Свято-Сергиевского богословского института г. Парижа, традиционно негативно относящийся к советской власти¹², в своем письме уполномоченному С. Р. Вохменину говорит о готовящихся церковно-административных изменениях, недовольстве священнослужителей и просит содействия в сохранении самостоятельной Казахстанской епархии¹³.

¹¹ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 79. Л. 104.

¹² Королёва В. В., Никитин Д. Н. Исаакий (Виноградов Иван Васильевич) // Православная энциклопедия. Т. XXVII. М., 2011. С. 35–36.

¹³ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 79. Л. 103.

¹⁴ Определения Священного Синода // ЖМП. 1956. № 7. С. 13.

¹⁵ Макарий (Веретенников), архим. Иосиф (Чернов Иван Михайлович) // Православная энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 681.

Епископ Петропавловский и Кустанайский Иосиф (Чернов) за богослужением в кафедральном соборе апостолов Петра и Павла г. Петропавловска

епархии. Действительно, спустя несколько месяцев, 22 ноября 1956 г., владыка Иосиф был назначен епископом Петропавловским, викарием Казахстанской епархии¹⁶.

Этому назначению предшествовало согласование кандидатуры владыки Иосифа с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви: 20 ноября патриарх Алексей I в своем письме Г. Г. Карпову пишет о желании назначить Преосвященного Иосифа на должность викарного архиерея в Казахстан. Из этого же документа становится ясно, что упомянутое назначение обдумывалось патриархом еще при жизни митрополита Николая (Могилевского). Причем правящий архиерей Казахстанской епархии ранее уже входил в переговоры с Г. Г. Карповым по данному вопросу¹⁷.

Непосредственно перед этим назначением, 5 августа 1956 г. в состав Петропавловского благочиния были включены три православных прихода Кокчетавской области¹⁸. Последнее также говорит в пользу того, что уже в августе планы по преобразованию епархии были доведены до правящего архиерея архиепископа Иоанна (Лавриненко).

Весьма неприглядным в этом свете выглядит поступок владыки Иоанна, который своим распоряжением от 7 августа 1956 г. постановил передать часть церковной утвари и иных богослужебных принадлежностей из храма Всех Святых г. Петропавловска в Никольский кафедральный собор г. Алма-Аты и епархиальное управление. В частности были переданы следующие предметы: серебряный литургический набор, состоящий из потира, дискоса, лжицы, звездицы и тарелок. Кроме того, были переданы богослужебные и церковные книги в пользу приходов, расположенных вне Петропавловского благочиния¹⁹.

¹⁶ Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. Некролог // ЖМП. 1975. № 12. С. 12.

¹⁷ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н. А. Кривовой, в 2-х томах. Т. 2. М., 2010. С. 171.

¹⁸ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 84. Л. 44.

¹⁹ Там же. Л. 46–46 об.

Для исследователя весьма краткой истории Петропавловского викариатства остаются не вполне понятными должностные обязанности вновь назначенного викария. Владыке было поручено церковное управление лишь над восемью приходскими казахстанской епархии (пятью в Северо-Казахстанской и тремя в Кокчетавской области). По крайней мере, документы, проливающие свет на этот вопрос до настоящего времени не найдены и вряд ли вообще когда-либо существовали. Последнее наводит на мысль, что викариатство задумывалась патриархом Алексием I и Синодом лишь как временная административная единица. Возможно, учреждение викариатства было способом легализации находящегося в Казахстане политического ссыльного епископа Иосифа и введение его в состав действующего епископата Русской Православной Церкви. По всей видимости, единственным серьезным поручением за три месяца пребывания епископа Иосифа на должности викария Казахстанской епархии стала попытка неудачной ревизии Никольского собора г. Алма-Аты, поссорившая его с правящим архиереем владыкой Иоанном.

После назначения на Казахстанскую кафедру, архиепископ Иоанн, поборник строгой дисциплины, столкнулся с противодействием весьма почитаемых в среде верующих священнослужителей — настоятеля Никольского кафедрального собора архимандрита Исаакия (Виноградова) и секретаря епархии протоиерея Анатолия Евграфовича Синицына (бывший обновленческий архиепископ Алматинский, в годы политических репрессий осведомитель органов государственной безопасности, а затем и уполномоченного С. Р. Вохменина).

Желая дисциплинировать подчиненных ему клириков, владыка Иоанн решил провести финансово-хозяйственную ревизию в кафедральном соборе. Проведение последней, как уже было сказано, было поручено викарию, который, отслужив литургию в кафедральном храме, принял решение перенести оную на послепасхальный период ввиду возникших сильных церковных нестроений в соборе. О чем и было доложено правящему архиерею в письме от 12 марта 1957 г.²⁰

Стоит привести ответное письмо, направленное архиепископом Иоанном своему викарию, которое наглядно показывает характер взаимоотношений двух архипастырей. Кроме того, письмо хорошо иллюстрирует некоторые особенности приходской жизни Казахстанской епархии периода 1950-х гг.

Архиепископ Иоанн пишет викарию: «Простите меня, но я в корне не согласен с Вашей оценкой сложившейся ситуации. Единственными виновниками сегодняшнего безобразного выступления толпы являются отцы Исаакий и Анатолий, ибо откуда сии взбалмошные защитники “гонимых” могли узнать о назначенной ревизии, как не от отстраненного от сего дела Исаакия, либо от секретаря о. Анатолия.

Ваши “заверения” нисколько меня не убедят, ибо я очень хорошо разбираюсь в создавшейся обстановке и отлично знаю, что о. Анатолий в несколько минут мог бы успокоить и выпроводить настроенную толпу. Но он этого не сделал, ибо и все разговоры об “удалении” отцов Исаакия и Анатолия и пошли от них самих.

Успокаивать обезумевших псевдоверующих могут только сами отцы Исаакий и Анатолий, а они сего не хотят, а пребывание и служение Вашего Преосвященства только унижат святительский сан: для таких людей не должно быть архиерейской службы, а поэтому Вам, владыка Святой, лучше всего ехать домой, так как Вы не смогли защитить авторитет Епархиального Архиерея, ни перед отцами Исаакием и Анатолием, ни перед верующей паствой собора.

Прошу не гнаться на меня за правдивое слово. Зла я Вам не желаю и знаю, что Вам скоро будет совсем хорошо в Вашем же Петропавловске.

С братской во Христе любовью недостойный архиепископ Иоанн»²¹.

Действительно, спустя всего два дня, 14 марта 1957 г., из северных и центральных частей Казахской ССР была образована самостоятельная епархия с центром

²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 23.

в г. Петропавловске, во главе которой был поставлен епископ Иосиф (Чернов). Впрочем, одновременно с этим и сам архиепископ Иоанн совершенно неожиданно был переведен на Челябинскую кафедру²². Во вновь образованную епархию вошли православные приходы Северо-Казахстанской, Акмолинской, Карагандинской, Кокчетавской и Кустанайской областей — все северные регионы Казахской ССР²³.

Выделение новой епархии должно было способствовать активизации церковной жизни в упомянутых областях республики, находящихся на значительном удалении от Алматинского епархиального управления (от 1000 до 2000 км). Кроме того, из-за сокращения властями числа епархий в 1955 г. фактически утратила свою самостоятельность Семипалатинско-Павлодарская епархия, приходы которой были присоединены к Казахстанской епархии²⁴. Вследствие чего открытие новой епархии в республике должно было несколько компенсировать эту потерю.

В этой связи необходимо более подробно остановиться на личности Петропавловского епископа Иосифа (Чернова), поскольку зачастую именно характер действий того или иного архипастыря по преодолению антирелигиозного законодательства советского государства, напрямую влиял на взаимодействие епархии с региональной властью и местным уполномоченным Советом по делам Русской Православной Церкви. Также вполне ожидаемо, что характер этих взаимоотношений пропорциональным образом отражался на успешности тех или иных мер, проводимых церковным руководством для укрепления приходской и религиозной жизни в епархии²⁵.

В известном списке, составленном в 1974 г. заместителем председателя Совета по делам религии В. Г. Фуровым, владыка Иосиф (Чернов) отнесен к той группе архиереев, «которые и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдают законы о культах, и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения»²⁶.

Между тем в фондах Совета по делам Русской Православной Церкви Казахской ССР отложился довольно обширный эпистолярный архив епископа Иосифа в бытность того правящим архиереем Петропавловской епархии, который, не считая поздравительных телеграмм и кратких деловых информационных сообщений, составляет 54 единицы. Адресатом писем является уполномоченный Совета С. Р. Вохменин. Переписка дает основной материал к изучению жизнедеятельности как новоучрежденной Петропавловской епархии, так и поведения епископа Иосифа по отношению к властям в период с 1956 по 1960 гг.

Так, владыка Иосиф в обязательном порядке согласовывал с Советом все перемещения духовенства во вверенной ему епархии: в телеграммах на имя уполномоченного С. Р. Вохменина часто встречается весьма характерная фраза «прошу санкционировать»²⁷.

²² Пидгайко В. Д. Иоанн (Лавриненко Виктор Филиппович) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 417.

²³ Определения Священного Синода // ЖМП. 1957. № 4. С. 7.

²⁴ Подмарницын А. Г. «Заккрытие» Ульяновской и Мелекесской епархии в 1959 году // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 71–72.

²⁵ См., например: Марченко А. Н., прот. Состояние епископата Русской православной церкви накануне «Хрущевской» антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 112–116; Просветов Р. Ю. Взаимоотношения епископа и власти в Советском Союзе на примере служения митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1958 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 167–176.

²⁶ Фуров В. Г. Отчет Совета по делам религий члена ЦК КПСС (1974) // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 278.

²⁷ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 38.

16 июня 1957 г. престольный праздник храма Всех Святых г. Петропавловска совпал с областным фестивалем, в связи с чем архиерей благословил, вопреки обыкновению, отслужить только одну литургию. Владыка пишет в своем письме уполномоченному: «Изменили мы обычное и в сей день и ограничились ранней обедней, окончив ее к 8 утра! Пусть и старики пойдут на фестиваль — они более молодежи любознательны — так и было»²⁸. Призывал архиерей духовенство и верующих и к исполнению гражданского долга: «участвовать в выборах и отдать свои голоса лучшим представителям нашего народа — кандидатам блока коммунистов и беспартийных»²⁹.

Впрочем, перечисленные аспекты деятельности Петропавловского Преосвященного не были чем-то уникальным для архиерея «советской» эпохи. Напротив, они отражали сложившуюся ситуацию, когда все значимые решения даже на приходском уровне, не говоря уже о делах епархиальных, нуждались в согласовании с Советом по делам Русской Православной Церкви³⁰. Далеко не все епархиальные архиереи могли эффективно отстаивать интересы Церкви и противостоять нажиму Совета³¹.

Тем не менее, в некоторых случаях удавалось ограничить произвол, казалось бы, всесильных уполномоченных³², например, управляющий Казахстанской епархией архиепископ Иоанн Лавриненко достаточно эффективно боролся с порочной практикой сотрудничества духовенства с уполномоченным С. Р. Вохмениным³³, а иногда и прямого доносительства.

Как кажется, взгляды епископа Иосифа (Чернова) на церковно-государственные отношения в первые годы архипастырского служения в Казахстане могут быть хорошо проиллюстрированы разговором последнего с будущим секретарем патриарха Московского и всея Руси по г. Москве протопресвитером Владимиром Диваковым, тогда — клириком сталинского храма святителя Николая в Хамовниках. В частности, описывая визит к патриаршему местоблюстителю митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому), владыка Иосиф вспоминает: «Повели меня к митрополиту, тот пригласил к себе домой — пообщались, вместе поплакались. Я в то же время посмотрел: в Елоховском соборе на Рождество Христово сотня человек, для Елохова это пустой собор. Думаю: “Врата адовы не одолеют Церковь... Как не одолеют? Уже одолели — архиереев осталось только четверо на свободе. И то они ходят отмечаться каждые две недели. Если не придет отмечаться — будет сидеть. Церкви нет...” Митрополит Сергей ответил: “Владыка, давайте не будем отчаиваться, слова Господа непреложны”. Направили владыку Иосифа на служение <...> приехал, а там положение еще хуже — одни обновленцы и пустые храмы... Только слезы. “Думал ли я, — говорил он мне, — что пройдет несколько месяцев — и храмы не смогут вместить молящихся. Началась Великая Отечественная война, народ хлынул в храм, храмы были переполнены. С тех пор, как Петр, плачу, оплакиваю свое маловерие. Вы увидите лучшие времена, которых мы не видели, увидите!”»³⁴

Видевший и переживший революцию, Гражданскую войну и красный террор, дважды прошедший через сталинские лагеря владыка Иосиф ставил своей главной целью сохранение Церкви во враждебных условиях тотального контроля

²⁸ Там же. Л. 71.

²⁹ Там же. Л. 20.

³⁰ Федоров А. А. Некоторые аспекты положения архиереев Русской православной церкви с 1917 по 1980-е гг. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3562472.html> (дата обращения: 24.06.2024).

³¹ Онищенко А. Б. О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2011. № 2 (55). С. 133–158.

³² См., например: *Исидор (Тупикин), митр.* Противостояние епископа Калининского и Кашинского Феодосия (Погорского) и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР В. И. Хевронова (1958–1960 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 40. С. 214–246.

³³ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 8.

³⁴ Протопресвитер Владимир Диваков: «В юности нам говорили, что с Церковью скоро будет покончено». URL: <https://bogoslov.ru/article/6194323> (дата обращения: 02.07.2024).

атеистического государства. И хотя, как показывает анализ упоминаемых выше документов, в своей епархиальной деятельности епископ Иосиф не конфликтовал с уполномоченным, понимая сколь крепок контроль над Церковью, он своим мягким и податливым обращением старался сгладить хотя бы некоторые отрицательные моменты советской антирелигиозной политики для верующих Петропавловской епархии. Архиерей понимал бесплодность прямой конфронтации с существующим государственным строем, более в свое архиерейской деятельности уповая на промысел Божий, хорошо уяснив слова Христа, что «врата ада не одолеют Церковь» (Мф 16:18).

Впрочем, трагедию своего архиерейского служения лучше всего описал сам Преосвященный Иосиф в разговоре с архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием (Кривошеиным) в мае 1971 г.: «Часто я себя спрашиваю: “правильно ли мы делаем, что молчим и не изобличаем открыто то, что творится в Церкви и какие она переживает трудности?” Другой раз мне становится противно, и я хочу все бросить и уйти на покой. И совесть меня упрекает, что я этого не делаю. Но потом та же совесть говорит мне, что нельзя бросать верующих и Церковь. А ведь выступить с обличением или даже открыто критиковать церковные порядки, это значит, в лучшем случае, быть сразу же отстраненным от всякой церковной деятельности, а все равно ничего не изменится. Вот я и стараюсь, пока есть силы, тихо трудиться для Церкви. Служу часто, каждый раз проповедую, объезжаю приходы. <...> Стараюсь назначать хороших священников, удалять плохих. А главное — служить часто литургию и молиться за всех»³⁵.

Говоря о создании Петропавловской епархии, необходимо отметить, что владыка Иосиф в своей переписке не скрывает, что не доволен самостоятельной, да еще и Петропавловской, кафедрой и лучше ему было и впредь оставаться викарным архиереем: «Так тяжкий мне крест возложил Святейший — формирование епархии. Так я рад был викариатству!» — пишет Преосвященный в мае 1957 г.³⁶

Впоследствии он и вовсе ждет от патриарха Алексия I и Св. Синода пересмотра принятого решения, упразднения епархии и даже перевода на лучшую кафедру. Так, владыка прилагал неоднократные усилия, чтобы оказаться на епископской кафедре в г. Фрунзе Киргизской ССР. Сложно объяснить, чем было обусловлено данное желание, возможно лишь обозначить, что церковно-приходская жизнь в Киргизской ССР к этому времени была достаточно хорошо обустроена. По крайней мере, Киргизский благочиннический округ был самым крупным в Ташкентской и Среднеазиатской епархии, насчитывая 33 православных прихода³⁷.

Однако все предпринятые попытки оказались тщетны. Как считал сам соискатель новой кафедры, виной неудач был архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген (Голубев)³⁸. Последнее весьма вероятно, поскольку сложно предположить, чтобы архиепископ Ермоген желал расстаться со столь значительной и хорошо организованной частью своей епархии.

Стремления правящего архиерея покинуть новосозданную епархию не могло не дойти до сведения патриарха Алексия I, который в иронической форме передал епископу Иосифу через архимандрита Исаакия (Виноградова) благопожелание, чтобы тот «за свою епархию был покоен». «Утешил!!! Я все мечтал что-нибудь иметь взамен скромнейшего Петропавловска, а тут вот тебе...» — весьма эмоционально описывал

³⁵ Василий (Кривошеин), архиеп. Памяти епископа исповедника. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) // Вестник Русского христианского движения. 1975. № 116. С. 228.

³⁶ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 52 об.

³⁷ Цыряпкина Ю. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советского государства в Средней Азии в 1940-е — середине 1960-х гг. (на примере Ташкентского благочиния) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020. № 5 (115). С. 53–54.

³⁸ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 89. Л. 19–19 об.

свою реакцию Петропавловский Преосвященный на слова патриарха в своем письме уполномоченному С. Р. Вохменину³⁹.

С ожиданием перевода связана некоторая прослеживаемая в документах и отмечаемая неоднократно самим епископом Иосифом медлительность в делах по формированию новой епархии. Тем не менее, Патриархия требовала от Преосвященного Иосифа конкретных шагов по строительству новой епархии. Открытие новой епархии требовало больших финансовых средств на обустройство епархиального управления, резиденции для правящего архиерея, покупки автотранспорта и прочих неотложных расходов. В мае 1957 г. был нанят бухгалтер и открыт финансовый счет⁴⁰. Однако необходимыми средствами ни епископ Иосиф, ни Епархиальный Совет не обладали. Выход был найден, и после предварительной консультации с патриархом на приходы епархии было выслано распоряжение о необходимости скорейшего перечисления денежных средств на счет епархии: «Промыслу Божию через соизволение святейшего патриарха Алексия, угодно было открыть новую Петропавловско-Кустанайскую епархию. Вполне понятно, что в г. Петропавловске нет ни дома для жительства епархиального архиерея, ни для его канцелярии, ни помещения для приезжающих по церковным делам к Архиерею духовенства и мирян. Для приобретения всего этого потребуются средства, которых в епархии нет. Ежемесячные взносы рассчитаны были только на содержание епархиального управления в г. Алма-Ате, в готовом виде. В заботах о приобретении всего необходимого для епархии, епархиальное управление обратилось к святейшему патриарху Алексию, с просьбой разрешить путем единовременных отчислений от церкви епархии собрать необходимую сумму для всего вышесказанного. Святейший патриарх Алексей в своем ответе от 3 июня 1957 г. за № 1082 благословил это. Епархиальный Совет надеется, что каждая церковь с радостью откликнется и внесет следуемый ей единовременный взнос на устройство епархии»⁴¹. Необходимо отметить, что отчисления должны были переводиться исключительно через сберегательную кассу на счет епархии; причем для каждого прихода был установлен индивидуальный взнос.

И впоследствии, заботясь о церковной дисциплине Петропавловской епархии, правящий архиерей обращался к теме денежных взносов. Так, некоторые приходы отчисляли в епархию лишь 5–6% от финансового оборота, в то время как взнос других достигал 25%. С 1 августа 1957 г. архиерейским распоряжением был установлен для всех приходов единый процент взноса на содержание епархии в размере 20%⁴².

Дифференцированный (в зависимости от доходов того или иного прихода) процент финансовых отчислений на церковные нужды был достаточно распространен в первое послевоенное десятилетие в епархиях Русской Церкви. Введение епископом Иосифом фиксированного процента можно рассматривать в качестве исключения из существующего порядка вещей и было обусловлено относительно большим числом малообеспеченных приходов в епархии. Сообразно с этим и покупка автомашины за счет приходских средств была повсеместным явлением для всех без исключения епархий исследуемого периода⁴³.

Наконец, в июле 1957 г. дом под епархиальное управление и комната для проживания архиерея были найдены, в связи с чем у уполномоченного С. Р. Вохменина испрашивалось разрешение на приобретение оных⁴⁴. Однако от этого помещения по не вполне понятным причинам епархия отказалась. Дом, в котором первоначально

³⁹ Там же. Л. 33.

⁴⁰ Там же. Л. 51.

⁴¹ Там же. Л. 70.

⁴² Там же. Л. 85.

⁴³ См., например: *Бартенев Г. В.* Управление укрупненной епархией в период гонений на Церковь на примере архиепископа Астраханского и Саратовского Филиппа (Ставицкого) 1943–1953 гг. // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 348.

⁴⁴ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 78.

располагалось епархиальное управление Петропавловской епархии, сохранился до настоящего времени (ул. Коминтерна, д. 36). Лишь в мае 1958 г. под нужды епархиального управления было куплено новое строение по ул. Мира, д. 184. Вскоре возле него был разбит сад, построены баня и гараж⁴⁵. Также в самое ближайшее время планировалась покупка легкового автомобиля⁴⁶.

Другое распоряжение архиерея касалось искоренения все еще существовавшей в епархии практики допуска настоятелями к отправлению богослужений лиц, не имеющих паспортов и регистрации уполномоченного⁴⁷. Вскоре настоятель храма Всех Святых г. Петропавловска протоиерей Сергей Ногачевский был назначен на должность секретаря епархии и члена Епархиального Совета⁴⁸. Через несколько месяцев, 21 августа 1957 г., по ходатайству Преосвященного Иосифа, о. Сергей был награжден благословенной грамотой за подписью патриарха Алексия I⁴⁹.

В связи с протоиереем Сергием Ногачевским будет уместным упомянуть о посещении г. Петропавловска и его храмов известными и почитаемыми иерархами Русской Православной Церкви XX столетия митрополитом Мануилом (Лемешевским) и его секретарем иеромонахом Иоанном (Снычевым), будущим митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским.

Приезд состоялся в конце сентября 1957 г. В публикациях, посвященных владыке Иосифу, указывается, что священнослужители прибыли в г. Петропавловск исключительно с целью посетить правящего архиерея и сослужить ему за архиерейским богослужением⁵⁰. Однако сам владыка Иосиф определенно пишет, что гости прибыли к секретарю епархиального управления протоиерею Сергию Ногачевскому. Действительно, протоиерей Сергей некогда был поставлен владыкой Мануилом ключарем кафедрального собора Оренбургской епархии, где после нескольких лет совместного служения между ними установилась духовная связь. Гости дважды молились за богослужениями в соборе апостолов Петра и Павла и единожды в храме Всех Святых, однако, они не проповедовали и не приступали ко Причастию. Интересна характеристика, данная митрополиту Мануилу и иеромонаху Иоанну, владыкой Иосифом

Епископ Петропавловский и Кустанайский Иосиф (Чернов) и секретарь епархиального управления протоиерей Сергей Ногачевский

⁴⁵ Там же. Д. 89. Л. 85.

⁴⁶ Там же. Л. 37.

⁴⁷ Там же. Д. 88. Л. 76.

⁴⁸ Там же. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Л. 105.

⁵⁰ Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королева. М., 2004. С. 130.

в письме уполномоченному: «оба они весьма реально и духа, и идеологии, и психологии “мануильщены” (ленинградское вырождение)»⁵¹.

Как видно, отношение епископа Иосифа к владыке Мануилу (Лемешевскому) было далеко не однозначным. Это подтверждается и последующими, намного более поздними воспоминаниями, датированными 1974 г.: «С митрополитом Куйбышевским были вдвоем в камере 4 месяца на Лубянке. Потом он — на свободу, а я — в Челябинск на 5 лет. Читали два правила монашеских — это я. А он читал прекрасно, легко и скоро светскую литературу, которую нам давали. Под Преображение и Успение я об службы (бдение) читал, что помнил и знал»⁵².

И хотя митрополит Мануил ко времени описываемых событий уже отбыл свой срок в исправительно-трудовом лагере и готовился к освобождению, взгляд на него, как на сотрудника чекистских органов, как можно полагать, был отнюдь не редок у современного ему епископата⁵³.

Между тем верующие Кустанайской области обратились к патриарху Алексию I с ходатайством о переносе административного центра новосозданной епархии в их одноименный областной центр, в противном случае они настаивали на полной ее ликвидации. Прошение содержало также и нелестные характеристики Петропавловского архиерея.

Необходимо отметить, что ходатайство для дачи заключения было переслано не правящему архиерею, а архиепископу Алматинскому и Казахстанскому Алексию (Сергееву)⁵⁴. Как можно полагать, ходатайство кустанайских верующих было поддержано последним в достаточно неприемлемой для епископа Иосифа форме. По крайней мере, владыка Иосиф в достаточно резкой манере охарактеризовал личность и позицию алматинского архиерея: «Много-нервный и психо-больной архиепископ Алексий воюет с новорожденной Петропавловской епархией: все силы и возможности мобилизует на этот странный фронт. Ведь Патриарх-то дает себе отчет, что делает и что надо сделать! Чудеса, но чудеса антицерковные и печальные»⁵⁵. Как показало дальнейшее развитие событий, позиция архиепископа Алексия не была принята во внимание священноначалием, и перенос епархиального центра в г. Кустанай был признан нецелесообразным.

Как можно полагать, столь несдержанные и даже оскорбительные эпитеты по отношению к архиепископу Алексию были вызваны не только его позицией по перемещению епархиального центра в г. Кустанай, но главным образом его личностью, далекой от евангельского идеала православного пастыря⁵⁶. Широко освещаемое светской прессой, так называемое «калининское дело», связанное с крупной кражей денежных средств и предметов антиквариата из квартиры архиепископа Алексия, в бытность одного на Калининской кафедре, было очень хорошо известно в среде духовенства и верующих СССР⁵⁷.

Основные усилия владыки Иосифа были сконцентрированы на юге епархии, особенно на ситуации в Карагандинской области. В указанном регионе ширились церковные нестроения, существовала открытая вражда между группами священнослужителей и верующих; сложным был и вопрос существования полуправового молитвенного дома без согласования с Советом основанного иеромонахом Севастианом (Фоминым)⁵⁸.

⁵¹ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 99.

⁵² Цит. по: Свет радости в мире печали... С. 92.

⁵³ Шкаровский М. В. Мануил (Лемешевский Виктор Викторович) // Православная энциклопедия. Т. XLIII. М., 2016. С. 379–383.

⁵⁴ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 81–83.

⁵⁵ Там же. Л. 86.

⁵⁶ Дмитриев Н. А. Православные пастыри Калининской епархии в 1940–1950-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 130–131.

⁵⁷ Астафьев Г. Дело «отца» Александра // Калининская правда. 29 августа 1954. № 205. С. 3.

⁵⁸ Св. прп. Севастиан Карагандинский.

Напротив, сводка по центральному благочинию епархии, как правило, уместаются в короткой фразе «в Петропавловске тишина»⁵⁹. Тем не менее, в Петропавловском благочинии достаточно остро стоял кадровый вопрос, особенно это касалось замещения вакантных должностей в соборе апостолов Петра и Павла. После учреждения епископской кафедры храм приобрел статус кафедрального собора. Однако храм располагался на самой окраине г. Петропавловска, в отдалении от административного центра и маршрутов общественного транспорта, в связи с чем материальное обеспечение такого крупного собора на протяжении всего советского периода было весьма скудным (в отличие от второго городского храма в честь Всех Святых). Этот факт самым отрицательным образом действовал на клириков благочиния и ставленников в священник сан, не желающих служить в обозначенном храме. Кроме того, в число священнослужителей попадали и лица недостойные пастырского служения, заменить которых зачастую было нечем.

Характерный пример последнего приводит сам епископ Иосиф в одном из своих писем уполномоченному С. Р. Вохменину: «В Петропавловский собор охотников нет иереев: 1. Боятся, что денег мало. 2. Не любят старика настоятеля Гладкого. Противный старик! Иеромонаха Платона (Конина), что в Всехсвятской церкви г. Петропавловска приняли на заочный сектор Ленинградской Духовной Академии в 3 класс! Запоздал старик! Но не запоздал летом здесь дочь смастерить! Такая ошибка была покойного архиепископа Новосибирского Варфоломея его постричь в монашество! Без монастыря монахи и тем более иеромонахи, что птица без воздуха или рыба без воды»⁶⁰. После принесения покаяния иеромонах Платон был возвращен к священническому служению, однако уже через год он вновь нарушил монашеские обеты и был запрещен епископом Иосифом окончательно. Это однако не помешало многочисленным почитателям отца-иеромонаха устроить народное возмущение против правящего архиерея⁶¹.

Не приходится говорить и о сколько-нибудь широкой миссионерской и религиозно-просветительской деятельности в новообразованной Петропавловской епархии. Все действия епархии в этом направлении без промедления пресекались Советом. Так, потерпела неудачу попытка владыки Иосифа размножить в г. Петропавловске фотокарточки с изображением Христа, Богородицы, святых для ведения миссионерской деятельности. Уполномоченным было отказано на основании того, что «такие фотокарточки епархия может получить через Патриархию и нет необходимости их размножить»⁶².

Необходимо отметить, что во время управления Петропавловской епархией епископом Иосифом практически не встречается ходатайств об открытии новых приходов. Единственный подобный случай мы находим в 1958 г., когда жители с. Арык-Былык в количестве 95 человек обратились напрямую к председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову с заявлением об открытии молитвенного дома. Однако их ходатайство не было удовлетворено⁶³.

Таким образом, планы по реорганизации Казахстанской епархии вынашивались высшим руководством Русской Православной Церкви на протяжении целого ряда лет. В результате чего в 1956 г. было воссоздано Петропавловское викариатство, через год преобразованное в самостоятельную епархию. Несмотря на ряд трудностей объективного и личного характера правящему архиерею Петропавловской епархии Преосвященному Иосифу (Чернову) к 1958 г. удалось обеспечить штатную работу органов епархиального управления, а также нормальное функционирование церковно-приходской жизни в регионе.

⁵⁹ ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88. Л. 53–54 об.

⁶⁰ Там же. Л. 98–98 об.

⁶¹ Послужной список на священнослужителя иеромонаха Платона (Конина) // Архив Епархиального управления Казахстанского Митрополичьего округа. Фонд личных дел священнослужителей. Л. 6.

⁶² ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 89. Л. 45.

⁶³ Там же. Д. 91. Л. 98.

Источники и литература

Источники

1. Епархиальные известия // Омские епархиальные ведомости. 1914. № 24. С. 10.
2. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 12. С. 10–13.
3. Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 7. С. 13.
4. Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 4. С. 7.
5. Перемещения, назначения архиереев // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 11. С. 6.
6. Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н. А. Кривовой, в 2-х томах. Т. 2. М., 2010. 671 с.
7. Положение об областных Преосвященных // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. 272 с.
8. Послужной список на священнослужителя иеромонаха Платона (Кони́на) // Архив Епархиального управления Казахстанского Митрополичьего округа. Фонд личных дел священнослужителей.
9. Специальный Государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области. Ф. 16. Д. 01485.
10. Указ Его Императорского Величества, Самодержца всероссийского, из Омской духовной консистории // Омские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 2–3.
11. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 3, 4, 79, 84, 88, 89, 91.

Литература

12. *Астафьев Г.* Дело «отца» Александра // Калининская правда. 29 августа 1954. № 205. С. 3.
13. *Бартенев Г. В.* Управление укрупненной епархией в период гонений на Церковь на примере архиепископа Астраханского и Саратовского Филиппа (Ставицкого) 1943–1953 гг. // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 345–355.
14. *Березин М. А., свящ., Э. П. Р.* Петропавловское викариатство // Православная энциклопедия. Т. LVI. М., 2019. С. 315–317.
15. *Василий (Кривошеин), архиеп.* Памяти епископа исповедника. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) // Вестник Русского христианского движения. 1975. № 116. С. 225–229.
16. *Дмитриев Н. А.* Православные пастыри Калининской епархии в 1940–1950-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 125–137.
17. *Исидор (Тупикин), митр.* Противостояние епископа Калининского и Кашинского Феодосия (Погорского) и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР В. И. Хевронова (1958–1960 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 40. С. 214–246.
18. *Королёва В. В., Никитин Д. Н.* Исаакий (Виноградов Иван Васильевич) // Православная энциклопедия. Т. XXVII. М., 2011. С. 35–36.
19. *Макарий (Веретенников), архим.* Иосиф (Чернов Иван Михайлович) // Православная энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 680–682.
20. *Марченко А. Н., прот.* Состояние епископата Русской православной церкви накануне «Хрущевской» антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 112–116.

21. Николай (Могилевский Феодосий Никифорович) // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2018. С. 268–271.
22. Онищенко А. Б. О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время. 2011. № 2 (55). С. 133–158.
23. Пидгайко В. Д. Иоанн (Лавриненко Виктор Филиппович) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 415–417.
24. Подмарицын А. Г. «Закрытие» Ульяновской и Мелекесской епархии в 1959 году // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 71–76.
25. Просветов Р. Ю. Взаимоотношения епископа и власти в Советском Союзе на примере служения митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1958 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 167–176.
26. Протопресвитер Владимир Диваков: «В юности нам говорили, что с Церковью скоро будет покончено». URL: <https://bogoslav.ru/article/6194323> (дата обращения: 02.07.2024).
27. Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королева. М., 2004. 686 с.
28. Сушко А. В., Петин Д. И. «Вы почли своевременным приспособить деление епархий применительно к новому гражданскому делению...» Доклад епископа Омского Аркадия митрополиту Нижегородскому Сергию и Священному Синоду. 1929 г. // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 387–405.
29. «Тихий свет лампы негасимой...»: священноисповедник Николай, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский / Сост. В. Королёва. М., 2015. 672 с.
30. Федоров А. А. Некоторые аспекты положения архиереев Русской православной церкви с 1917 по 1980-е гг. URL: <http://www.bogoslav.ru/text/3562472.html> (дата обращения: 24.06.2024).
31. Фуров В. Г. Отчет Совета по делам религий членам ЦК КПСС (1974) // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 275–334.
32. Цыряпкина Ю. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советского государства в Средней Азии в 1940-е — середине 1960-х гг. (на примере Ташкентского благочиния) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020. № 5 (115). С. 52–56.
33. Шкаровский М. В. Алексей (Буй Семен Васильевич) // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 661.
34. Шкаровский М. В. Мануил (Лемешевский Виктор Викторович) // Православная энциклопедия. Т. XLIII. М., 2016. С. 379–383.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

С. О. Самохлиб

**Миссионерская деятельность митрополита Евсевия
(Никольского; 1860–1922 гг.): общая характеристика**

УДК 271.2-726.1:929+271.2-76-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_122
EDN XOJZTS

Аннотация: В статье приводится краткий обзор жизнедеятельности митрополита Крутицкого Евсевия (Никольского). Период его архипастырского служения совпал с переломным этапом в истории Русской Православной Церкви и Российского государства. Последние годы своей жизни митрополит Евсевий провел в Москве. В 1922 г., после ареста Святейшего патриарха Тихона (Беллавина), формально руководил Церковью, исполняя возложенные на него обязанности. Этому высокому служению предшествовал более чем двадцатилетний период служения в отдаленных епархиях, нуждающихся в добрых и талантливых миссионерах. В данной статье рассматриваются основные вехи служения владыки Евсевия на Дальнем Востоке и его вклад в распространение в этом регионе православия.

Ключевые слова: митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский), свт. Тихон (Беллавин), митрополит Нестор (Анисимов), Православная духовная миссия в Корее, Владивосток, Владивостокская епархия, Камчатская епархия, православие на Дальнем Востоке.

Об авторе: **Станислав Олегович Самохлиб**
Аспирант Санкт-Петербургской Духовной Академии.
E-mail: samokhlib@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3440-4738>

Для цитирования: Самохлиб С. О. Миссионерская деятельность митрополита Евсевия (Никольского, 1860–1922 гг.): общая характеристика // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 122–128.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Stanislav O. Samokhlib

**Missionary activity of Metropolitan Eusebius
(Nikolsky; 1860–1922)**

UDC 271.2-726.1:929+271.2-76-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_122
EDN XOJZTS

Abstract: The article provides a brief overview of the life of Metropolitan Eusebius of Krutitsky (Nikolsky). The period of his archpastoral ministry coincided with a turning point in the history of the Russian Orthodox Church and the Russian state. Metropolitan Eusebius spent the last years of his life in Moscow. In 1922, after the arrest of His Holiness Patriarch Tikhon (Bellavin), he formally led the Church, fulfilling the duties assigned to him. This high ministry was preceded by more than twenty years of service in remote dioceses in need of kind and talented missionaries. This article discusses the main milestones of the ministry of Vladyka Eusebius in the Far East and his contribution to the spread of Orthodoxy in this region.

Keywords: Metropolitan Eusebius of Krutitsky (Nikolsky), st. Tikhon (Bellavin), metropolitan Nestor (Anisimov), Orthodox Mission in Korea, Vladivostok, Vladivostok eparchy, Kamchatka eparchy, Orthodoxy in the Far East.

About the author: **Stanislav Olegovich Samokhlib**
Graduate student at St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: samokhlib@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3440-4738>

For citation: Samokhlib S. O. Missionary activity of Metropolitan Eusebius (Nikolsky, 1860–1922). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 122–128.

* Photos are taken from open sources.

В 2022 г. исполнилось 100 лет со дня кончины митрополита Крутицкого Евсевия (Никольского), многие годы трудившегося на ниве Духовной миссии и способствовавшего укреплению православия на Дальнем Востоке и в Корее. В данной статье рассматриваются основные вехи миссионерского служения владыки Евсевия.

Епископ Евсевий
(Никольский).

РГИА. Ф. 835. Оп. 4. Д. 52.
Иерархи Русской Церкви.
Альбом фотографий

Высокопреосвященнейший Евсевий, в миру Евгений Иванович Никольский, родился в Тульской губернии 21 января / 2 февраля 1860 г. в священнической семье. По окончании духовного училища, поступил в Тульскую духовную семинарию, которую окончил в 1881 г. Продолжил свое обучение в Московской духовной академии. В 1885 г. окончил курс обучения, успешно «защитив» кандидатское сочинение «Предсказание пророка Исаяи о Деве и Эммануиле»¹. Евгений Иванович избрал путь служения по духовно-учебному ведомству² и был направлен в Могилевское духовное училище на должность преподавателя русского языка³. Здесь же, в 1893 г. принимает монашеский постриг с именем Евсевий в честь мученика Евсевия Самосатского и становится священнослужителем. В том же году он был назначен на должность ректора Иркутской духовной семинарии. Непродолжительное время исполнял обязанности редактора «Иркутских епархиальных ведомостей».

24 января 1897 г. архимандрит Евсевий (Никольский) был поставлен в епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С этого времени его дальнейшее служение связывается с миссионерской деятельностью, поскольку с принятием епископского сана, владыка Евсевий принял на себя руководство Иркутской духовной миссией⁴. Однако, служение в Сибири продолжалось недолго, и уже 4 октября 1898 г. епископ Евсевий был переведен на самостоятельную Камчатскую кафедру. По отзыву преосвященного Никандра (Феноменова), за время своего служения, владыка Евсевий, кроме заочного руководства миссионерством и исполнения многих обязанностей по миссии, совершил три поездки по миссионерским станам⁵.

Необходимо отметить, что начало миссионерской деятельности епископа Евсевия было ознаменовано важным событием — изданием акафиста первому сибирскому святому свт. Иннокентию Иркутскому⁶. Общецерковное прославление святого состоялось в 1804 г., с тех пор создавались различные литургические и агиографические тексты, посвященные свт. Иннокентию. Написание нескольких вариантов

¹ Никитин Д. Н. Евсевий (Никольский Евгений Иванович), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 270.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 172. К. 31. Д. 8. Совет Московской Духовной Академии. Дело № 38 с заявлениями кандидатов о желании поступить на службу по духовно-учебному ведомству. Л. 91.

³ ОР РГБ. Ф. 172. К. 31. Д. 10. Совет Московской Духовной Академии. Дело № 30 о распределении окончивших курс воспитанников на вакантные должности в семинарии и училища. Л. 38 об.

⁴ Пидгайко В. Г. Киренское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XXXIV. М., 2014. С. 132.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1668. Отчет епископа Киренского Никандра (Феноменова) о состоянии Иркутской Духовной Миссии за 1897 г. Л. 95 об.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3614. Дело по донесению Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета о разрешении к напечатанию рукописи преосвященного Евсевия, епископа Киренского, под заглавием: «Акафист Святителю Иннокентию, Иркутскому Чудотворцу». Л. 5.

Епископ Евсевий на экзамене в церковной корейской школе

акафистов приходится на вторую половину XIX в.⁷ Ранее, акафист, опубликованный преосвященным Евсевием, хотел издать архиепископ Иркутский Парфений (Попов), но вследствие публикации в это же время акафиста, составленного Львом Митропольским, ему было отказано⁸.

В дни рассмотрения дела об издании акафиста, владыка Евсевий уже находился в пути к новому месту своего служения. Прибыв в Благовещенск 4 февраля 1898 г., преосвященный приступил к управлению вверенной ему Камчатско-Благовещенской епархии⁹, которая спустя короткое время была разделена на две части. После разделения, с 24 декабря 1898 г. владыка Евсевий был назначен на Владивостокскую и Камчатскую кафедры, которой руководил вплоть до 1918 г. С двадцатилетним периодом архиерейского служения владыки Евсевия связано активное развитие епархии. По словам митрополита Нестора (Анисимова), владыка Евсевий «оживил всестороннюю духовную работу в крае»¹⁰. Действительно, многое было сделано на ниве как внутренней, так и внешней миссии.

Необходимо отметить, что миссионерская деятельность архиерея тесно связана с его административными обязанностями. Владыка Евсевий определял пути развития миссии и, хоть и не всеобъемлюще¹¹, но контролировал этот процесс. Поэтому, имея собственные достижения, преосвященный становился соучастником частных успехов миссионеров в выполнении общего дела. Учитывая данные обстоятельства, обратим внимание на наиболее важные достижения в деле миссии на Дальнем Востоке.

⁷ Терехин В., диак. Святитель Иннокентий, епископ Иркутский: особенности возникновения культа сибирского святого // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 154.

⁸ Попов А. В. Православные русские акафисты. М., 2013. С. 167.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 801. Дело о бытии Преосвященному Киренскому Евсевию епископом Камчатским. Л. 5.

¹⁰ Нестор (Анисимов), митр. Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1995. С. 103.

¹¹ Слезкина О. В. Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 5. С. 66–94.

В первую очередь необходимо отметить, что преосвященный Евсевий старался увеличить уровень просвещённости своей паствы. Для этого, в рамках управления епархией, были организованы Епархиальный училищный совет и Епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Было открыто несколько монастырей, множество церковноприходских школ (в том числе корейских) и храмов. Заметим, что согласно «Правилам об устройстве миссии», приходы являлись важным элементом миссионерской деятельности¹².

Следствием развития церковно-приходской жизни епархии стало появление собственного периодического издания. Немаловажной его частью являлся миссионерский раздел, включающий в себя статьи о проповеди среди язычников, сектантов и раскольников. Начало издания «Владивостокских епархиальных ведомостей» произошло по инициативе владыки Евсевия¹³, и по замечанию их редактора священника В. Давыдова, являлось «делом большой смелости»¹⁴.

Также по благословению владыки Евсевия и при его поддержке были созданы миссионерские братства: Камчатское Православное братство и Уссурийское Православное братство Пресвятой Богородицы, деятельность которого была ориентирована на корейцев. Миссии среди последних владыка Евсевий уделял особое внимание, поскольку, с одной стороны, большое количество корейцев переселялось в Россию, с другой, Духовная миссия в Корее находилась в его ведении с 1908 г.

В 1910 г. в Иркутске состоялся съезд миссионеров, участие в котором принял и владыка Евсевий¹⁵. Пятая секция данного съезда занималась рассмотрением вопросов миссии на Дальнем Востоке. На одном из заседаний рассматривалось предложение

Иркутский миссионерский съезд 1910 г. В центре фотографии — свт. Макарий (Невский), справа от него — архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский).
Макарова-Мирская А. И. На служении Алтаю. Харьков, 1911. С. 1.

¹² Утвержденные Св. Синодом правила об устройстве внутренней миссии православной русской церкви // Миссионерское обозрение. 1908. № 6. С. 937–945.

¹³ От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 1. С. 1.

¹⁴ Кукушкина О. К. «Владивостокские епархиальные ведомости» из истории православных журналов в России в начале XX века // Альманах «Казачество». 2017. № 28. С. 70.

¹⁵ Карлук Д. А. Обстоятельства созыва Миссионерского съезда в Иркутске в 1910 г. и рассмотрение на нем вопросов о российских заграничных духовных миссиях // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 46.

преосвященного Евсевия о соединении Корейских миссий — заграничной в Сеуле и внутренней во Владивостоке — под единым руководством викария Владивостокской епархии¹⁶. Позже владыка Евсевий представил свои размышления об улучшении миссионерской деятельности среди корейцев. Кроме вышеприведённой меры, он предложил учредить новые станы миссии, увеличить количество катехизаторов, ввести особую миссионерскую должность во Владивостоке и облегчить части корейцев прием в русское подданство¹⁷. Немаловажно, что предложения владыки Евсевия не выходили за рамки решений Иркутского съезда. В 1913 г. во Владивостоке состоялся Первый епархиальный миссионерский съезд, решением которого было открыто катехизаторское училище для новообращенных в православие корейцев.

После 1917 г. служение владыки Евсевия постепенно утратило прежний миссионерский характер. В первую очередь, его дальнейшее служение было связано с деятельностью Поместного Собора 1917 г. и с личностью Святейшего патриарха Тихона (Беллавина). Свт. Тихон назначил архиепископа Евсевия своим наместником в Москве. 18 февраля 1920 г. он был возведен в сан митрополита Крутицкого. Высокое назначение владыка принял как временное, с условием, что при первой же возможности ему будет предоставлено право вернуться в свою родную Владивостокскую епархию. Находясь в Москве, митрополит Евсевий поддерживал переписку с начальником Духовной миссии в Корее архимандритом Феодосием (Переваловым), по словам которого, главной причиной сохранения миссии в послереволюционные годы являлась поддержка Владивостокских архиереев, «отечески советовавших... держаться до последней крайности»¹⁸. В одном из последних писем митрополит Евсевий сообщал: «Очень жалею, что не пришлось мне возвратиться домой, во Владивостокскую епархию. Здесь я чувствую себя не “дома”, а как бы гостем. Одно утешение: уж очень хороший Святейший Патриарх Тихон и быть вместе с ним великое счастье. Отношение москвичей ко мне самое доброе и хорошее, но одно скажу, что до сих пор я очень скучаю по Востоку и хотел бы возвратиться туда, но да будет на все воля Божия»¹⁹.

Митрополит Евсевий так и не вернулся «домой». С октября 1922 г., в результате действий революционной армии Дальневосточной республики начался стремительный упадок Владивостокской епархии. Возвращаться было некуда. А вскоре, жизнь и самого митрополита Евсевия подошла к концу. 18/31 января 1922 г. владыка Евсевий умер в Москве и был погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Источники и литература

Источники

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 150: «Японский стол». Оп. 493. Д. 38. Дело I-го Департамента Духовная Миссия в Сеуле.
2. Журналы миссионерского съезда в г. Иркутске 1910 г. Иркутск, 1910. 65 с.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 172. К. 31. Д. 8. Совет Московской Духовной Академии. Дело № 38 с заявлениями кандидатов о желании поступить на службу по духовно-учебному ведомству.

¹⁶ Журналы миссионерского съезда в г. Иркутске 1910 г. Иркутск, 1910. С. 38.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 150: «Японский стол». Оп. 493. Д. 38. Дело I-го Департамента Духовная Миссия в Сеуле. Л. 56.

¹⁸ Шкаровский М. В. Русская Православная Духовная Миссия в Корее // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 92.

¹⁹ Хисамутдинов А. А. Владивосток. URL: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/341686/fulltext.htm (дата обращения: 15.10.2023).

4. ОР РГБ. Ф. 172. К. 31. Д. 10. Совет Московской Духовной Академии. Дело № 30 о распределении окончивших курс воспитанников на вакантные должности в семинарии и училища.
5. От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1903. № 1. С. 1–3.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 178. Д. 801. Дело о бытии Преосвященному Киренскому Евсевию епископом Камчатским.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3614. Дело по донесению Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета о разрешении к напечатанию рукописи преосвященного Евсевия, епископа Киренского, под заглавием: «Акафист Святителю Иннокентию, Иркутскому Чудотворцу».
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1668. Отчет епископа Киренского Никандра (Феноменова) о состоянии Иркутской Духовной Миссии за 1897 г.
9. РГИА. Ф. 835. Оп. 4. Д. 52. Иерархи Русской Церкви. Альбом фотографий.
10. Утвержденные Св. Синодом правила об устройстве внутренней миссии православной русской церкви // Миссионерское обозрение. 1908. № 6. С. 937–945.

Литература

11. Карпук Д. А. Обстоятельства созыва Миссионерского съезда в Иркутске в 1910 г. и рассмотрение на нем вопросов о российских заграничных духовных миссиях // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 38–47.
12. Кукушкина О. К. «Владивостокские епархиальные ведомости» из истории православных журналов в России в начале XX века // Альманах «Казачество». 2017. № 28. С. 68–76.
13. Макарова-Мирская А. И. На служении Алтаю. Харьков, 1911.
14. Нестор (Анисимов), митр. Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1995. 272 с.
15. Никитин Д. Н. Евсевий (Никольский Евгений Иванович), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 270–271.
16. Пидгайко В. Г. Киренское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XXXIV. М., 2014. С. 131–132.
17. Попов А. В. Православные русские акафисты. М., 2013. 647 с.
18. Слезкина О. В. Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 5. С. 66–94.
19. Терехин В., диак. Святитель Иннокентий, епископ Иркутский: особенности возникновения культа сибирского святого // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 145–155.
20. Хисамутдинов А. А. Владивосток. URL: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/341686/fulltext.htm (дата обращения: 15.10.2023).
21. Шкаровский М. В. Русская Православная Духовная Миссия в Корее // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 86–119.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Иеромонах Ефрем (Марковский)

**Обзор деятельности
четвертого Миссионерского съезда 1908 г.
(по материалам «Киевских епархиальных ведомостей»)**

УДК 271.2-762-9

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_129

EDN DWXLMQ

Аннотация: Статья представляет собой обзор публикаций, посвященных IV Миссионерскому съезду в Киеве, состоявшемуся в 1908 г. и приуроченному к 800-летию Киево-Михайловского Золотоверхого монастыря. В статье освещаются ключевые моменты съезда, принятые решения и его итоги, а также реакция на съезд в современной печати. Отдельное внимание было уделено работе в рамках съезда восьми профильных комиссий, образованных по инициативе председателя съезда архиепископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого): противораскольнической, единоверческой, противосектантской, противокатолической, церковно-учительной, организационной, редакционной и противомогагетанской. Главным итогом съезда стало то, что его участники выявили и обозначили не только проблемы, с которыми столкнулась Русская Православная Церковь после принятия Манифеста от 17 апреля 1905 г., но и пути их решения.

Ключевые слова: миссионерский съезд, миссионерская деятельность, Св. Синод, Киевский миссионерский съезд, митрополит Антоний (Храповицкий), протоиерей Иоанн Восторгов, единоверцы, иоанниты.

Об авторе: **Иеромонах Ефрем (Марковский Павел Витальевич)**

Магистр богословия, председатель отдела Губкинской епархии по взаимодействию с казачеством, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы, Архиерейское подворье, с. Шопино, Яковлевский район, Белгородская область.

E-mail: pokrovshopino@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7062-8449>

Для цитирования: Ефрем (Марковский), иером. Обзор деятельности четвертого Миссионерского съезда 1908 г. (по материалам «Киевских епархиальных ведомостей») // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 129–138.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Hieromonk Ephraim (Markovsky)

**Review of the Activities
of the Fourth Missionary Congress of 1908
(Based on Materials from the Kyiv Diocesan Gazette)**

UDC 271.2-762-9

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_129

EDN DWXLMQ

Abstract: The article is a review of publications dedicated to the IV Missionary Congress in Kyiv, which took place in 1908 and was timed to coincide with the 800th anniversary of the Kiev-St. Michael's Golden-Domed Monastery. The article highlights the key moments of the congress, the decisions taken and its results, as well as the reaction to the congress in the modern press. Special attention was paid to the work of the eight specialized commissions within the congress, formed on the initiative of the chairman of the congress, Archbishop Anthony (Khrapovitsky) of Volyn and Zhitomir: anti-schismatic, co-religionist, anti-sectarian, anti-Catholic, ecclesiastical-doctrinal, organizational, editorial and anti-Mohammedan. The main result of the congress was that its participants identified and outlined not only the problems that the Russian Orthodox Church faced after the adoption of the Manifesto of April 17, 1905, but also ways to solve them.

Keywords: missionary congress, missionary activity, Holy Synod, Kiev missionary congress, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Archpriest John Vostorgov, fellow believers, Johannites.

About the author: **Hieromonk Ephraim (Markovsky Pavel Vitalievich)**

Master of Theology, Chairman of the Department of Gubkin Diocese for Interaction with the Cossacks, Rector of the Church of the Intercession of the Holy Mother of God, Bishop's Metochion, Shopino village, Yakovlevsky District, Belgorod Region.

E-mail: pokrovshopino@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7062-8449>

For citation: Author V.I. Review of the Activities of the Fourth Missionary Congress of 1908 (Based on Materials from the Kyiv Diocesan Gazette). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 129–138.

IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве открылся 12 июля 1908 г. Его участниками стали 3 митрополита, 10 архиепископов, 22 епископа, 6 архимандритов, сотни священников и мирян. Всего на съезде присутствовало 640 делегатов из разных епархий империи. Поводом для такого представительного собрания послужил Указ об укреплении начал веротерпимости, принятый 17 апреля 1905 г. Документ гласил: «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»¹. Кроме того, в указе уравнивались в правах православные и старообрядцы, инославные христиане, сектанты, а также мусульмане и буддисты. На деле же религиозные конфессии, по сравнению с православием, даже получали преимущества, так как не были связаны правительством и получали полную свободу действий. Результат не заставил себя ждать. Только в католичество ко времени проведения съезда (то есть за три года) перешли десятки тысяч православных, на северо-западе России вели миссионерскую работу лютеране, активизировались и другие сектантские сообщества. На это нельзя было закрыть глаза, и попыткой дать адекватный ответ на новую реальность как раз и стал съезд миссионеров в Киеве. Все события подробно освещались на страницах «Киевских епархиальных ведомостей». Для главного печатного органа Киевской и Галицкой епархии событие такого масштаба просто не могло остаться незамеченным.

Участники четвертого Миссионерского съезда в Киеве, 1908 г.

IV Всероссийский миссионерский съезд решено было приурочить к юбилейной дате — 800-летию Киево-Михайловского Золотоверхого монастыря, и все приглашенные на торжества архиереи автоматически должны были стать почетными членами съезда. Помимо духовенства к работе съезда планировалось привлечь светских профессоров духовных академий и преподавателей семинарий. Кроме того, на заседания

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237.

должны были допускаться представители православных братств и монархических организаций². Программу вопросов для миссионерского съезда начинают формировать еще в июне 1908 г., что нашло свое отражение в 22-м выпуске епархиального издания. В частности, собирались подробные сведения о сектантах и их вероучении³. Также в выпусках «Киевских епархиальных ведомостей» появились развернутые статьи, касающиеся, в частности, тогда еще нового протестантского движения адвентистов седьмого дня⁴ и возникшего в Польше католического мистического движения мариавитства, впоследствии примкнувшего к старокатоликам⁵. Не обошли вниманием и католическую пропаганду в Западной России после выхода императорского Указа об укреплении начал веротерпимости. В большой статье был сделан подробный обзор католической активности на территории Рижской, Варшавской, Холмской и Литовской православных епархий⁶. Теоретические вопросы к предстоящему съезду разбили на отделы: исторический; апологетико-полемический; организационный. Было обращено внимание на издание миссионерской литературы и на отношение Церкви к преступлениям против веры⁷. Также в преддверии съезда выражались сомнения в целесообразности ряда законопроектов, предложенных Министерством внутренних дел на утверждение Государственной Думой⁸.

Открылся IV Всероссийский Миссионерский съезд в зале Киевского религиозно-просветительского общества в 11:30. Председатель съезда архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) отметил, что условия миссии теперь изменились, и если раньше в большей части приходилось рассеивать просто человеческие заблуждения, то сейчас приходится сталкиваться с сознательной злой волей⁹. По предложению владыки Антония были сформированы 8 комиссий — противораскольническая, единоверческая, противосектантская, противокатолическая, церковно-учительная, организационная, редакционная и противомагометанская. Председателями комиссий избрали епархиальных и vicарных архиереев. Командированных Синодом чиновников избрали секретарями съезда. Открытие заседаний назначили на 14 июля 1908 г.¹⁰

Работа съезда началась 14 июля в 9 часов утра особым совещанием прибывших на съезд архипастырей. В первые два дня работали указанные выше восемь

² Выписка из постановлений подготовительной к IV всероссийскому миссионерскому съезду в г. Киеве (12–26 июля 1908 г.) Комиссии // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 26. С. 317–333.

³ От Киевской духовной Консистории // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 22. С. 269–274.

⁴ Белогорский Н. Ожидание адвентистами второго пришествия Иисуса Христа; учение их о 1000-летнем царстве Христовом и вечности мучений грешников // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 20. С. 483–490; № 21. С. 508–515; № 22. С. 537–545; № 23. С. 555–562; № 24. С. 579–584; № 25. С. 601–614.

⁵ Мариавитство // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 26. С. 642–646; № 27. С. 676–681; № 28–29. С. 734–744; № 30. С. 801–807; № 32. С. 880–884; № 33. С. 908–916. № 34. 1908 С. 927–929. № 35. С. 957–960.

⁶ Католическая пропаганда в Западной России после дарования свободы вероисповеданий 17 апреля 1905 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 27. С. 670–676; № 28–29. С. 721–732; № 30. С. 787–798.

⁷ Программа вопросов, подлежащих обсуждению на четвертом всероссийском миссионерском съезде в Киеве // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 23. С. 277–282.

⁸ Богданович С., свящ. Несколько вопросов по поводу группы законопроектов, внесенных Министерством Внутренних Дел на уважение Государственной Думы и касающихся благоустройства православной церкви, расколов и разных ересей // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 23. С. 562–567; № 24. С. 586–587; № 25. С. 615–620.

⁹ Речь Высокопреосвященного Антония, архиепископа Волынского и Житомирского, произнесенная при открытии Всероссийского миссионерского съезда 12 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 747–752.

¹⁰ 12 июля в Киеве (Открытие IV Миссионерского съезда // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 28–29. С. 713–718.

профильных комиссий. Противораскольническая комиссия наметила основные вопросы программы борьбы с расколом, а также сочла необходимым сделать справку по истории раскола. Противосектантская комиссия сосредоточилась на борьбе с иоаннитами. Противокатолическая, для более детальной разработки программы противодействия католицизму, разделилась на пять подкомиссий: историко-статистическую, организационную, полемико-апологетическую и литературную, по борьбе с пропагандой католичества, по вопросам противопротестантской миссии¹¹.

16 июля противокатолическая комиссия предоставила по вопросу смешанных браков. Такие браки были признаны вредными, так как именно они становились главной причиной отпадения в католичество. В результате голосования было решено ходатайствовать перед Синодом о запрещении смешанных браков православных с инославными за исключением Холмской, Варшавской и Рижской епархий. Затем на обсуждение съезда представили протокол противосектантской комиссии об иоаннитах. В результате, после непродолжительных дебатов иоаннитов признали сектой — не вполне сложившейся, но близкой к хлыстовщине¹². Съезд постановил просить лично о. Иоанна Кронштадтского оказать решительную поддержку в борьбе с иоаннитами¹³.

17 июля были рассмотрены протоколы организационной комиссии. Было предложено привлекать к миссионерской деятельности монашествующих, преподавателей и учеников семинарий, а также активных мирян. Кроме того, предлагалось создать специальную 5-ю миссионерскую академию на Юге или Юго-Западе России и учредить епископскую миссионерскую кафедру в Баку. В итоге было признано желательным открытие 7-го дополнительного класса в семинариях — специально для изучения сектантства, была поддержана и миссионерская работа при монастырях¹⁴.

18 июля протоиереем Иоанном Восторговым был зачитан доклад комиссии церковно-учительской и борьбы с неверием. Докладчик предлагал уделить особое внимание церковной проповеди с учреждением должности особого епархиального проповедника. Также для борьбы с неверием предлагалось печатать и распространять дешевые листки и брошюры¹⁵.

19 июля были озвучены протоколы противосектантской комиссии по борьбе сектой адвентистов. Из особенностей секты было отмечено своеобразное учение о втором пришествии Христа, веру в тысячелетнее царство Спасителя (хилиазм), отрицание бессмертия души и вечности мучений, почитание субботнего дня вместо воскресенья, различие пищи на дозволенную и недозволенную. Для борьбы с адвентизмом было предложено указывать, что данное движение есть возвращение от Нового Завета к Ветхому, и у него больше общего с иудаизмом нежели с христианством. В тот же день были заслушаны протоколы противораскольнической комиссии о «самовосхитителях священства», т.е. — о беспоповцах. В вопросе о том, как их присоединять к православию, было решено принимать вторым чином, т.е. — через таинство миропомазания. Следующим был доклад VII издательской комиссии. Было предложено издать Новый Завет с миссионерскими параллелями, а также учебную Библию¹⁶. Кроме того, была высказана необходимость перевода Библии с греческого языка на русский и предлагалось запретить издание Библии с пропуском неканонических книг.

¹¹ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 14 и 15 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 756–758.

¹² IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 16 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 758–763.

¹³ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 17 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 767–769.

¹⁴ Там же. С. 763–769.

¹⁵ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 18 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 770–773.

¹⁶ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 19 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 773–778.

20 июля прошли собеседования православных миссионеров с адвентистами и раскольниками. В этот же день протоиерей Иоанн Восторгов предложил реферат о христианском социализме, где данное течение признавалось утопической теорией, дающей недобрые плоды в жизни общества¹⁷.

21 июля были озвучены статистические данные о перешедших в католичество за период с 1905 по 1907 гг. В Варшавской епархии в католичество перешли 6590 человек, в Волынской — 953, в гродненской — 5170, в Киевской — 1120, в Литовской — 18000, в Минской — 13000, в Подольской — 3000, в Могилевской — 4100, в Холмской — 120000 человек. И это при том, что многие епархии учет таких переходов не вели. Переходили в католичество как крипто-униаты, так и русские православные люди. Это происходило под влиянием усилившейся католической пропаганды, к которой православные оказались не готовы, а также под влиянием польского национализма. Не хватало православных священников с высшим богословским образованием. Для предотвращения дальнейших отпадений от православия, в частности, предлагалось запретить въезд в Россию иностранным миссионерам, дать доступ в духовные академии всему православному духовенству, не разделяя на разряды, усилить в семинариях изучение католицизма, в Виленской семинарии ввести преподавание литовского языка, требовать месячный срок для увещаний желающего отпасть от православия, ходатайствовать о том, чтобы помещичьи земли в западных и юго-западных губерниях продавались только русским. Кроме того, предлагалось сделать православное богослужение ежедневным (не обязательно литургии), развивать народное пение и читать Евангелие лицом к прихожанам. Также было предложено читать евхаристические молитвы вслух и уделять больше внимания живой проповеди с амвона. В Великий пост рекомендовалось совершать Пасхи в сельских храмах. Обращалось внимание на беседы вне храма, на катехизацию детей перед первой исповедью. При каждом храме предлагалось учреждать братства и общества трезвости. Кроме того, участниками съезда было выражено пожелание создать доступный противокатолический катехизис¹⁸.

23 июля было принято принципиальное решение уравнивать единоверческое духовенство с православным, а московское единоверческое реальное училище преобразовать в богословскую единоверческую школу¹⁹. Противосектантской комиссией был поднят вопрос борьбы со скопцами. Предлагалось создавать миссионерские кружки, правильно толковать используемые скопцами отрывки Св. Писания и просить об отклонении ходатайства румынских скопцов вернуться в Россию²⁰. Коснулись вопроса и об уклонении в раскол духовенства. Таких священнослужителей постановили считать лишенными сана с момента их уклонения в раскол, а при их раскаянии и присоединении к православию принимать в качестве мирян. При этом сами старые обряды признавались равнозначными православным, при условии, что они совершаются единоверцами²¹.

24 июля был представлен доклад о положении противопротестантской миссии. По статистике, с момента принятия императорского указа о веротерпимости из православия в лютеранство уклонилось в Рижской епархии — 8068, в Финляндской — 1493, в Олонецкой и Архангельской епархиях — 10964 человек. Причиной уклонения назывались бедность, зависимость от помещиков-лютеран, усилившаяся с 1905 г. лютеранская пропаганда. При этом православные братства и духовенство на местах оказались бессильны этому противостоять. Так финские проповедники под видом коробейников проникали в карельские села и сеяли среди местных крестьян семена

¹⁷ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 20 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 778–783.

¹⁸ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 21 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 816–825.

¹⁹ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 23 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 827–828, 831.

²⁰ Там же. С. 828–830.

²¹ Там же. С. 831–832.

национализма и антирусские настроения. Для противодействия лютеранской проповеди предлагалось увеличение миссионерских станов, церковно-приходских школ, а также — уравнивать в правах православное духовенство Финляндии с местными русскими чиновниками и ввести богослужение на карельском языке²².

В тот же день был заслушан доклад о православной миссии монастырей в Западном крае — обителям рекомендовали усилить свое влияние за счет создания бесплатных больниц, приютов и богаделен. В числе дополнительных мер противостояния католической пропаганде в это день предложили анафематствование отступников, епитимью для возвращающихся из католичества, употребление в Холмской епархии только юлианского календаря. Также было предложено ходатайствовать о предоставлении архиереям Юго-Западного края права разрешать венчание по вторникам, четвергам и субботам (эту меру при разделении мнений, все-таки приняли большинством голосов) и чтобы священник имел право отлучать от причастия, не испрашивая разрешения епископа²³. Противосектантская комиссия подготовила доклад о штундо-баптистах, которые издавали свои книги, 5 журналов и настенный календарь. В политическом отношении, сектанты склонялись к социал-демократическому движению и даже принимали участие в революционных митингах. Для борьбы с сектантами предлагалось устраивать народные чтения Св. Писания с толкованием; приблизить к пониманию народа богослужебный язык; в помощь священникам создать институт церковных учителей-благовестников; снабдить священников-миссионеров подвижными антиминсами для служения в деревнях. Все эти меры были приняты миссионерским съездом²⁴.

На заседаниях 25 июля были затронуты вопросы об иудаизме, приютах при монастырях для переходящих в христианство евреев. Отдельное и особое внимание было уделено богослужебному уставу. В связи с тем, что все Типикон сокращают, на съезде был предложен специальный устав для приходских церквей, обязательный для исполнения духовенством. Обсудили и вопросы миссии в армии. Участники съезда ходатайствовали об учреждении специальных военных миссионеров в Киевском, Одесском, Кавказском и Туркестанском округах²⁵. Также был поставлен вопрос о необходимости единоверческого епископа для всей России. Здесь участники съезда ответили отрицательно, одобрив только учреждение кафедры в Уральске для местных единоверцев. Кроме того, на съезде посчитали возможным переход из православия в единоверие²⁶.

После этого были заслушаны предложения противомогометанской комиссии. Собранным рассказали о положении православных в Поволжье и Туркестане. В Поволжском крае количество татарских школ оказывалось гораздо больше православных, а администрация Туркестанского края отказывалась поддерживать православных миссионеров, мотивируя это политическим спокойствием. Для того, чтобы поправить дела, предлагалось учредить в Туркестанской епархии викариатство, ввести в программу Уфимской духовной семинарии изучение Корана, издавать противомогометанский печатный миссионерский орган, всех крестьян, притесняемых могометанами, переселять, предоставляя им свободные земли. Кроме того, говорилось об учреждении специальных миссионеров среди инородцев²⁷.

Также на съезде разобрали вопросы социализма, атеизма, либеральной печати и вероисповедного законодательства. Предстоящий юбилей Льва Толстого православным было рекомендовано игнорировать. Протоиереем Иоанном Восторговым

²² IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 24 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 832–833.

²³ Там же. С. 834–837.

²⁴ Там же. С. 837–840.

²⁵ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 25 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 840–843.

²⁶ Там же. С. 843–846.

²⁷ Там же. С. 844–845.

был предложен доклад «Проповедь социализма среди учащегося юношества, на фабриках и заводах». Докладчик доказывал несовместимость христианства и социализма, так как последний являлся атеистическим учением. Говорили на съезде об оправдании революции Евангелием, о проповеди против воинской присяги, об анархическо-социалистической пропаганде и о самоубийствах. Участники съезда постановили обличать от лица Церкви ложь социал-революционеров, а также выразили пожелание запретить погребение самоубийц на кладбищах — как оздоровительную меру против этого явления. По вопросу аморальной печати на съезде были приняты решения: упорядочить духовную цензуру; изъять из продажи открытки с изображением ликов Спасителя, Божией Матери и святых; ходатайствовать перед императором о запрете вредной печати и порнографии²⁸. По вопросу вероисповедного законодательства и веротерпимости было решено ходатайствовать перед Синодом о пересмотре данных законопроектов на предстоящем Поместном Соборе. Также было отмечено, что указ от 1905 г. не должен давать права миссии инославным и иноверцам²⁹.

26 июля состоялось последнее общее собрание IV Всероссийского миссионерского съезда. Противосектантская комиссия предложила журналы о сектах Нового Израиля, хлыстов, иеговистов, малеванщине, жидовствующих, молокан, штундо-молокан и духоборов. Выявленных хлыстов, которые внешне соблюдали православные обряды, было рекомендовано публично отлучать от Церкви; обращенных от хлыстовства принимать по отречении от сектантского учения, и обещания не посещать хлыстовских радений. С остальными открытыми сектами предлагалось ввести полемику, используя православное толкование Св. Писания³⁰. Также на съезде одобрили учреждение при Синоде Комитета по изданию миссионерской литературы, были подняты вопросы финансирования миссионеров, снабжения семинарий единоверческими книгами, участия семинаристов и мирян в противосектантских беседах³¹. Но главное: участники миссионерского съезда напомнили о важнейшем вопросе — необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора³².

В 32-м номере «Киевских епархиальных ведомостей» была опубликована заметка «Итоги IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве». Там было отмечено, что в современной печати съезд вызвал в основном отрицательные отзывы. Слабые сочувствующие публикации буквально тонули в общем хоре критики. По идеологии прошедший съезд был довольно консервативным, его решения носили оградительный характер, чтобы смягчить последствия Указа о веротерпимости, а что-то отыграть назад. Это не могло не злить либеральную прессу, которая и вылила свой негатив на страницы печатных изданий. Главным же итогом съезда стало то, что на съезде были выявлены все болевые точки нового законодательства, и собравшиеся в Киеве миссионеры нашли в себе мужество противостоять этим тяжелым вызовам Церкви³³. При этом методы борьбы были выработаны аргументированными и обоснованными. Участниками съезда были вскрыты слабые места Православной Церкви, связанные с научной школой, издательской деятельностью, отсталой организацией приходов. На съезде указывалось, как все это оздоровить, чтобы Церковь имела возможность противостоять угрозе со стороны других конфессий³⁴. Главный вывод, который был публично озвучен участниками съезда, сводился

²⁸ Там же. С. 846–849.

²⁹ Там же. С. 849–850.

³⁰ IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 26 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 850–855.

³¹ Там же. С. 855–857.

³² Там же.

³³ Итоги IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 32. С. 871–874.

³⁴ Итоги IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 33. С. 895–899.

к тому, что современное российское законодательство на руку скорее сектантам, чем государственному православию. Этот досадный парадокс на территории православной державы участники съезда и требовали устранить.

К сожалению, вопросы, касающиеся вероисповедного законодательства, так и остались нерешенными. Тем не менее, IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве не стоит недооценивать. Своими постановлениями и рекомендациями он укрепил миссионерские структуры, стремился способствовать улучшению качеству образования в духовных академиях, семинариях и церковно-приходских школах. Был разработан особый курс «Разбор и опровержение социализма», а также активизировалось издание противосектантских сочинений. Результаты IV Всероссийского миссионерского съезда должны были закрепить на следующем V Всероссийском миссионерском съезде, который прошел с 25 июля по 5 августа 1917 г. в Херсонской губернии. Там было принято принципиальное решение о создании Всероссийской миссии. Но все разработки и проекты перечеркнул октябрьский переворот 1917 г. Новая власть демонстративно отмежеввалась от Русской Православной Церкви — начиналась эпоха гонений, и миссионерскую работу сменило уже исповедническое служение русского духовенства.

Источники и литература

1. Белогорский Н. Ожидание адвентистами второго пришествия Иисуса Христа; учение их о 1000-летнем царстве Христовом и вечности мучений грешников // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 20. С. 483–490; № 21. С. 508–515; № 22. С. 537–545; № 23. С. 555–562; № 24. С. 579–584; № 25. С. 601–614.
2. Богданович С., свящ. Несколько вопросов по поводу группы законопроектов, внесенных Министерством Внутренних Дел на уважение Государственной Думы и касающихся благоустройства православной церкви, расколов и разных ересей // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 23. С. 562–567; № 24. С. 586–587; № 25. С. 615–620.
3. Выписка из постановлений подготовительной к IV всероссийскому миссионерскому съезду в г. Киеве (12–26 июля 1908 г.) Комиссии // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 26. С. 317–333.
4. Итоги IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 32. С. 871–874; № 33. С. 895–899.
5. Католическая пропаганда в Западной России после дарования свободы вероисповеданий 17 апреля 1905 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 27. С. 670–676; № 28–29. С. 721–732; № 30. С. 787–798.
6. Мариавитство // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 26. С. 642–646; № 27. С. 676–681; № 28–29. С. 734–744; № 30. С. 801–807; № 32. С. 880–884; № 33. С. 908–916. № 34. С. 927–929. № 35. С. 957–960.
7. От Киевской духовной Консистории // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 22. С. 269–274.
8. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. Отд. I. СПб., 1908.
9. Программа вопросов, подлежащих обсуждению на четвертом всероссийском миссионерском съезде в Киеве // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 23. С. 277–282.
10. Речь Высокопреосвященного Антония, архиепископа Волынского и Житомирского, произнесенная при открытии Всероссийского миссионерского съезда 12 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 747–752.
11. 12 июля в Киеве (Открытие IV Миссионерского съезда // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 28–29. С. 713–718.
12. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 14 и 15 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 756–758.

13. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 16 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 758–763.
14. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 17 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 763–769.
15. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 18 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 770–773.
16. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 19 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 773–778.
17. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 20 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 778–783.
18. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 21 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 815–825.
19. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 23 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 826–832.
20. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 24 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 832–840.
21. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 25 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 840–850.
22. IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. 26 июля // Киевские епархиальные ведомости. 1908. № 31. С. 850–857.

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 2 (18), 2024

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82727 от 27 января 2022 года

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/journal-of-historical-society>
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 06.12.2024. Дата выхода в свет: 20.12.2024.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 9,5 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 183. Тираж 250 экз.